

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ГРАНИЦЫ ЖАНРА: ТЕКСТ И ДИСКУРС

Под общей редакцией Е. В. Сажинной

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2019

УДК 811'42

Авторы: И. М. Басовец, Н. В. Буренина, Е. В. Войтишенюк,
Е. Г. Задворная, А. А. Кирюшкина, М. Н. Левченко, Е. В. Сажина,
О. С. Сафонкина, Е. В. Солдатова, А. В. Сытько, О. Н. Чалова.

Границы жанра: текст и дискурс / И. М. Басовец [и др.] ; под
общ. ред. Е. В. Сажиной ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. –
Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 188 с.

ISBN 978-985-577-537-0

В монографии рассматриваются жанровые особенности и определяются со-
держательные, структурные и лингвопрагматические характеристики различных
типов дискурса (медийного, научного, политического, делового и художественно-
го) на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков.

Адресована специалистам в области дискурс-анализа, лингвистики и сти-
листики текста, прагматики, а также аспирантам и магистрантам филологиче-
ских специальностей.

Рекомендована к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»

Рецензенты:

доктор филологических наук В. И. Коваль,
кандидат филологических наук И. Н. Пузенко

ISBN 978-985-577-537-0

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет имени
Франциска Скорины», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Теоретические основы анализа дискурса (<i>Сажина Е. В.</i>)	6
2. Дискурс и его производитель (<i>Кирюшкина А. А.</i>)	20
3. Актуализация нерелевантной информации в жанре научной дискуссии (<i>Задворная Е. Г.</i>)	30
4. Защита диссертации как многожанровое образование в поле научного дискурса (<i>Чалова О. Н.</i>)	41
5. Деонтика в жанровой организации институционального дискурса (<i>Сытько А. В.</i>)	55
6. Деавторизация как текстовая категория (<i>Басовец И. М.</i>).....	71
7. Корреляции грамматических и жанровых особенностей текстов сопроводительного письма к резюме (на материале немецкого, английского и русского языков) (<i>Левченко М. Н.</i>)	84
8. Особенности структуры жанра интерактивной телебеседы на английском и белорусском языках (<i>Войтищенко Е. В.</i>)	103
9. Характеристика англоязычного дискурса международной грантовой деятельности (<i>Буренина Н. В., Солдатова Е. В.</i>) ...	119
10. Жанровые особенности женского авторства в теоретическом пространстве феминизма (<i>Сафонкина О. С.</i>)	138
Заключение	162
Список используемых источников	164
Источники примеров.....	184
Наши авторы	187

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена выявлению жанровых особенностей различных типов дискурса. В первой части работы рассматриваются общие вопросы жанроведения, уточняется его понятийный и терминологический аппарат, устанавливаются корреляции со смежными теориями, подходами и направлениями, констатируется и обосновывается вариативность статуса производителя дискурса. Во второй части конкретизируется жанровое пространство медийного, научного, политического, делового и художественного дискурса, выявляются содержательные, структурные и лингвопрагматические характеристики их разновидностей.

Важность изучения жанрового своеобразия различных дискурсивных систем очевидна. Жанровые трансформации, происходящие в традиционных и электронных (сетевых) разновидностях общения, приводят к появлению новых жанровых форм, гибридизации и слиянию уже сложившихся жанров или, наоборот, к их дивергенции, что расширяет жанровый репертуар различных типов дискурса, стирает границы между отдельными жанрами и даже дискурсивными системами, способствует проникновению элементов одной системы в другую. В подобных условиях, отличающихся изменениями форм и содержания общения, возникает острая необходимость уточнения жанровой палитры институционального и неинституционального дискурса, определения языковой, композиционной и семантико-прагматической специфики различных видов коммуникации с целью выявления их общности и вариативности и оптимизации общения.

В связи с этим в монографии рассматривается жанровая структура различных, в том числе и недавно оформившихся, типов и видов дискурса (например, дискурса грантовой деятельности как разновидности делового дискурса), устанавливается коммуникативно-прагматическая организация отдельных дискурсивных жанров (интерактивной беседы в системе медийной коммуникации, сопроводительного письма в границах делового общения, защиты диссертации в рамках научного дискурса), характеризуются аспекты реализации в них семантико-прагматических категорий, а именно особенности актуализации категории деавторизации в газетной статье, категории деонтической модальности в жанрах политического дискурса и оценочных параметров научной дискуссии. В работе также поднимается вопрос о гендерных аспектах художественного дискурса, гендерной маркированности как жанрообразующем признаке текста.

Исследование осуществлено на материале четырех языков (русского, белорусского, английского и немецкого), что продиктовано значимостью для современных лингвистических работ межкультурного ракурса, целесообразного с точки зрения выявления универсальных и специфических тенденций в протекании различных речевых процессов в нескольких языковых системах.

На основе проведенного анализа были систематизированы традиционные жанры в поле институционального дискурса; очерчены контуры новых жанровых образований; разработана структурная модель отдельных жанровых формирований, составляющих политический, медийный, научный, деловой и художественный дискурс; продемонстрирован жанрообразующий потенциал различных языковых и структурных средств, а также прагматически маркированных ресурсов, способствующих достижению коммуникативных целей; охарактеризованы организующие элементы коммуникации, во многом определяющие ее успешность.

Результаты проведенных исследований могут быть использованы для оптимизации общения в ряде коммуникативных сфер, в процессе обучения специалистов по теории и практике общения нормам ведения научной дискуссии, политической полемики, деловых переговоров и т. д., а также обучения студентов гуманитарных факультетов осмыслению, истолкованию и построению текстов различных жанров. Кроме того, полученные результаты могут применяться в теории и практике перевода, а также на занятиях по практике английского, немецкого, белорусского и русского языков, интерпретации текста. Вместе с тем значимость полученных результатов связывается с возможностью их использования в преподавании теоретических курсов по лингвистической прагматике, дискурс-анализу, стилистике, лексикологии, при составлении учебных пособий по вышеназванным дисциплинам.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Став центром многих лингвистических исследований в последние десятилетия, дискурс представляет собой «центральный момент человеческой «жизни в языке», того, что Б. М. Гаспаров называет «языковым существованием» и «представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта» [42, с. 10], и характеризуется многоплановостью, что ведет к различиям во взглядах исследователей на сущность дискурса и направления в его анализе.

Так, М. Фуко трактует *дискурс* как форму представления и закрепления языкового знака, зависящую от ряда оппозиций, ролей и от табуированных действий [163, с. 123]. Т. А. ван Дейк, в свою очередь, трактует *дискурс* как само высказывание и те когнитивные установки (фреймы), которые детерминируют содержание и форму высказывания [47, с. 289]. С. Стембрук определяет *дискурс* как «естественно проявляющуюся связную речь или письменные документы», как использование языка в социальном контексте, в частности взаимодействие или диалог между собеседниками [253]. Д. Шифрин выделяет три основных подхода к трактовке обозначенного понятия: 1) с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики; 2) подход, связанный с функциональным определением дискурса как всякого «употребления языка» в широком социокультурном контексте; 3) подход, основанный на синтезе вышеназванных определений, и подчеркивает взаимодействие формы и функции – «дискурс как высказывания» [248, с. 81–84].

На наш взгляд, наибольшей емкостью отличается трактовка дискурса как текста, взятого в событийном аспекте в совокупности с различными факторами, в том числе и прагматическими, которая отражает регулирование превращения текста в речевое событие и позволяет рассматривать дискурс как речь, «погруженную в жизнь» [4, с. 136–137].

Различные определения понятия «дискурс» можно объединить в рамках различных подходов: *коммуникативного*, с точки зрения которого дискурс трактуется как «вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка)» [254, с. 9], диалог, беседа, т. е. тип диалогического высказывания [248, с. 89]; с позиции *структурно-синтаксического* подхода, трактующего дискурс как «фрагмент текста, т. е. образование, превышающее уровень предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое,

абзац)» [56, с. 170]; в рамках *семантического* подхода, рассматривающего пропозициональную структуру дискурса [199, с. 18–34].

По нашему мнению, рассмотрение дискурса как процесса социально обусловленного взаимодействия позволяет описывать его в терминах социально значимых действий, выполняемых носителями/пользователями языка в рамках определенных, релевантных для данного общества и культуры, коммуникативных ситуаций, что позволяет провести максимально детальный анализ исследуемого дискурса и представить набор его наиболее весомых характеристик.

В центре внимания социально-прагматического подхода находится «речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие исходя из определенных обстоятельств и условий общения» [70, с. 30]. В рамках этого подхода к дискурсу, принимая во внимание характеристики участников общения, выделяют два типа дискурса: *личностно-ориентированный* и *статусно-ориентированный*. В первом случае коммуниканты раскрываются во всей полноте своего внутреннего мира, во втором случае – только как представители определенных социальных групп. Личностно-ориентированный дискурс представлен двумя основными типами – *бытовым* и *бытийным*. Статусно-ориентированный дискурс представлен двумя разновидностями: *ситуативно-ролевой* и *институциональный*. *Ситуативно-ролевой дискурс* – это вербальное поведение людей по определенным моделям в соответствии с ожиданиями [68, с. 190–191], т. е. от коммуниканта ожидается организация высказывания в соответствии с ролью, типичной для той или иной коммуникативной ситуации. *Институциональный дискурс* сводится к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения [68, с. 190–191].

Возможность выделить тот или иной тип дискурса в отдельный тип институционального дискурса появилась благодаря положению о том, что, как и всякий другой дискурс, он имеет полевое строение, в центре которого находится жанр, в максимальной степени соответствующий основной цели коммуникации [71]. В центре дискурса находится определенный жанр, который реализует основную цель исследуемого дискурса и вместе с другими периферическими жанрами представляет обширное поле для проведения лингвистических исследований.

Обладая рядом характеристик, любой дискурс занимает особое место в дискурсном пространстве и требует установления его осо-

бых характеристик, которые бы позволили отличать, например, телевизионный дискурс от интернет-дискурса.

Так, дискурс можно рассматривать с позиции *временного фактора, формы, прагматической установки дискурса, жанрового репертуара, канала передачи информации, структуры и т. д.* Подробный анализ данных показателей будет способствовать детальному описанию отличительных особенностей исследуемого дискурса.

В настоящее время невозможно представить анализ того или иного типа дискурса без учета его функциональных особенностей. Бесспорно, одной из основных функций является информативная. Однако с развитием в лингвистике коммуникативно-прагматического направления в центре внимания исследователей оказалась проблематика контактоустанавливающей функции языка. Ее содержание, форма реализации (лексико-грамматические, фонетические средства) и т. д. изучались почти исключительно на материале диалогов из художественной литературы. Современный этап исследований контактоустанавливающей функции ознаменован попытками лингвистов обратиться к изучению разных стилей и монологической формы речи [104]. В ходе проведения анализа важным моментом является уточнение номенклатурного списка контактоустанавливающих средств в дискурсе.

Как известно, стремление к общению является жизненной потребностью людей, так как человек – существо общественное. В этой связи язык представляет собой средство общения и одновременно средство формирования и выражения мысли. Традиционно в языкознании выделяют следующие основные функции языка: когнитивная, экспрессивная и коммуникативная.

В. А. Звегинцев выделяет следующие основные функции: информативную (средство общения), эмотивную, фатическую, познавательную, коннотативную, поэтическую, металингвистическую (дает возможность перевода одной системы лингвистических знаков в другую) и аккумуляционную (фиксирование человеческого опыта) [57].

Р. Якобсон в свою очередь предложил классификацию функций языка, согласно которой существуют эмотивная, коннотативная, референтная, поэтическая, метаязыковая и фатическая функции. Каждая из этих функций связана с определенным субъектом или элементом коммуникации. Так, эмотивная функция связана с адресантом, который непосредственно выражает свое отношение к ситуации и предмету общения. Коннотативная функция соотносит-

ся с адресатом, выражается в привлечении внимания, императивах, побуждениях. Референтная функция связана с ситуацией общения. Это наиболее распространенная функция, когда внимание сосредоточено на теме и содержании дискурса. Поэтическая функция соотносится с сообщением, при этом в фокусе находится само сообщение, его форма и эстетическая ценность. Метакоммуникативная функция связана с языковым кодом, на котором и сосредоточено внимание. Наконец, фатическая функция соотносится с контактом, то есть с использованием коммуникативной системы для начала, поддержания и завершения процесса общения. Внимание при этом сосредоточено на контактном элементе ситуации [218]. Данная классификация имеет прагматическую основу. Основным критерием в этом случае служит реализация определенной коммуникативной задачи. Следует отметить, однако, что баланс вышеуказанных функций в реальной речевой практике редко достигается и, как правило, в зависимости от конкретной речевой ситуации и интенции адресанта, любая функция (включая те, которые классифицируются как вспомогательные) может выступать доминантной.

Наряду с коммуникативной, мыслительной, познавательной, номинативной и регулятивной, фатическую, или контактоустанавливающую функцию также выделяют как отдельную. По словам Б. Ю. Нормана, «<...> человеку всегда нужно определенным образом вступить в разговор (окликнуть собеседника, поприветствовать его, напомнить о себе и т. п.). И выйти из разговора (попрощаться, поблагодарить и т.п.) <...>» [109].

Словарь методических терминов под редакцией Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина дает нам следующее определение фатического общения: «Фатическое общение – разновидность речи, которая выглядит как простой обмен словами, сообщениями. Служит для остановки, продления, завершения коммуникации, организации общения. Фатическое общение обеспечивает успешность основной коммуникации. К жанрам фатического общения относятся, например, признания, комплименты, разговоры о погоде, выяснения отношений» [1, с. 469].

Фатическое общение, однако, не всегда направлено на поддержание и улучшение отношений между коммуникантами. Иногда фатика используется для того, чтобы оттолкнуть адресата. В этом случае мы рассматриваем такие явления, как угрозы, ругательства, оскорбления и др. При этом степень грубости и оскорбительности тех или иных языковых средств, используемых с вышеупомянутой

целью, определяется социальными стереотипами и конвенциями и может трансформироваться со временем.

Одними из первых, кто обратился к феномену фатики, были Б. Малиновский и Р. Якобсон. Б. Малиновский предложил понятие «фатическое общение», определяя его как разновидность речи, которая является отражением природного стремления человека к созданию «уз общности» между членами социума и часто принимает форму простого обмена словами [234].

Э. Бенвенист, в свою очередь, отмечал, что «<...> когда люди беседуют, чтобы отдохнуть от работы, или когда они сопровождают простую ручную работу болтовней, никак не связанной с тем, что они делают, то ясно, что здесь мы сталкиваемся с каким-то иным типом функции речевого общения. Язык здесь не зависит от происходящего в данный момент. Он даже кажется лишенным какого бы то ни было контекста ситуации» [16, с. 226].

На протяжении многих лет исследование контактоустанавливающей функции ведется в двух, довольно различных, направлениях. С одной стороны, контактоустанавливающую функцию рассматривают как производную от коммуникативной. С другой стороны, контактоустанавливающая функция трактуется как самостоятельная. В этом случае могут выделяться две подфункции: социативная (язык поддерживает существование различных социальных групп) и конативная (регулирование процесса коммуникации путем ориентации на статусные характеристики коммуникантов).

Т. Г. Винокур предприняла попытку объединить эти два подхода. В своих работах она объединила идеи Б. Малиновского и Р. Якобсона, введя более широкое понятие «фатики». Термин «фатика» и «фатическая речь» у Т. Г. Винокур включает в себя следующие аспекты: 1) конативная функция элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка); 2) сфера речевого этикета в целом; 3) бытовые диалоги и бытовое повествование; 4) художественные диалоги и повествование [32].

В общем смысле любое высказывание имеет как фатический, так и информационный элемент. Причем, очевидно, эти компоненты находятся в обратно пропорциональной зависимости, т. е. чем шире в высказывании представлен фатический элемент, тем менее информативным оно является. В соответствии со взглядами Т. Г. Винокур, речевое поведение включает в себя два коммуникативных намерения: информативное (сообщение чего-либо) и фатическое (собственно осуществление процесса общения). Роли гово-

рящего и слушающего, а также модель их речевого поведения строятся на основе того, какое из намерений, выходя на первый план, подчиняет себе другое – информационное или контактоустанавливающее. «Если со смысловой точки зрения высказывание есть некоторое дискретное семантическое целое, то с коммуникативной точки зрения высказывание есть единица информационного континуума, который поддерживается варьирующейся связью двух переменных величин указанного свойства (собственно информативного и социально-контактного). Вследствие этого функциональные варианты речевого поведения, образуемые коммуникативными отношениями говорящих и слушающих, противопоставляются друг другу в двух основных видах: информативная речь (сообщение) и фатическая речь (общение)...» [32, с. 5]

Согласно Н. И. Формановской, информативные высказывания, сообщая факты, направлены на сообщение адресату новых знаний о мире. При этом, независимо от жанра речи, основное значение имеет именно новизна информации. Фатическое же общение имеет первичную установку на контактоустановление, на поддержание и регулирование речевых и социальных отношений с собеседником. Другими словами, адресант вступает в общение для того, чтобы адресат понял его эмоциональное состояние, посочувствовал ему [154].

Таким образом, контактоустанавливающая функция может рассматриваться в узком и широком смысле. Узкая трактовка предполагает рассмотрение лишь непосредственно фазы установления контакта. В рамках этого подхода, следовательно, выделяют также контактоподдерживающую и контактозамыкающую функции. Широкая трактовка подразумевает, что установление контакта происходит на всем протяжении процесса коммуникации. Целесообразным представляется предположение о том, что без контакта коммуникация неосуществима. Следовательно, контактоустанавливающая функция речи может выступать основой для реализации всех других функций. Вслед за Г. В. Карпук, мы придерживаемся направления, рассматривающего контактоустанавливающую функцию языка с позиции лексической формы ее проявления, и под контактом как условием успешной реализации коммуникативного намерения мы понимаем «установку на достижение эмоционально-интеллектуального взаимопонимания, регулирование коммуникативной дистанции (как правило, ее сокращение), формирование доверия и достижение позитивной настроенности коммуникантов по отношению друг к другу» [76, с. 4].

Как известно, любой вид коммуникации, неотъемлемой частью которой является контакт, невозможен без косвенного или прямого участия адресата, представляющего собой лицо, которому адресовано высказывание. Дискурс, понимаемый как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида [4], как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (адресанта, автора) и адресата (читателя). При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса.

Учет адресата с его типологическими характеристиками становится определяющим фактором для отбора языковых средств и принципов построения проблемной статьи в полемическом дискурсе печатных СМИ, поскольку владение информацией об адресате может способствовать повышению степени успешности коммуникации. В связи с этим внимание лингвистов обращено к определению характеристик адресата и его языка, что в свою очередь может предоставить возможность моделировать ситуации взаимодействия с учетом полученных знаний об адресате.

Исследованию категории «адресат» посвящены работы многих лингвистов, которые проводили свои исследования на различном материале. Так, А. И. Белецкий говорит о читателе как о некой активной составляющей литературного произведения и отводит ему функцию формирования самой идеи произведения. При этом, по словам исследователя, автор может и не подозревать о существовании этой идеи [14].

М. М. Бахтин указывал на то, что обращенность, адресованность высказывания является его отличительной особенностью и каждый речевой жанр имеет «типическую концепцию адресата» [12].

Н. Д. Арутюнова характеризует фактор адресата в его отношении к (1) речевым актам, (2) внутренней речи и (3) литературному тексту. По ее словам, исходя из осознания того факта, что речевое высказывание имеет направленность на конкретное или неконкретное лицо, имеющее свои характеристики, коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этими характеристиками [8]. То есть выбор речевого акта опирается на определенную модель адресата.

Несмотря на повышенный интерес к данному явлению, «проблема адресата, – как отмечает Е. В. Белоглазова, – является наибо-

лее сложной и наименее изученной в силу эфемерности параметров образа читателя». Однако любой текст предназначен для прочтения, следовательно, в речевой организации текста неизбежно отражается его ориентация на определенный тип адресата [15, с. 145].

Адресат массовой коммуникации в отличие от адресата в ситуации непосредственного диалогического общения – это не присутствующий в ситуации коммуникативного акта реальный индивидум, а потенциальное неопределенное множество лиц, которые могут взять в руки тот или иной журнал или газету, оказаться слушателями радиопередачи или зрителями телепрограммы. Поэтому автор текста массовой информации сам моделирует своего типового адресата, осуществляя коммуникативный акт, рассчитанный на определенную группу, выделяемую по половому, возрастному, национальному, социальному, конфессиональному, мировоззренческому и т. п. признакам. Таким образом, изучение характеристик адресата дискурса позволит в дальнейшем расширить представление о мотивах, интенциях, эмоциональных реакциях, а также об отношении адресата дискурса к той или иной проблеме, равно как и готовность читателя принять участие в решении этой проблемы.

В ходе проведения исследования дискурса мы считаем важным обращение к такому важному аспекту общения, как речевое воздействие. Поиски средств этого воздействия и путей повышения его эффективности – важная практическая задача, стоящая перед современными лингвистами. Вопросы, связанные с таким явлением, как воздействие, относятся к прагматической сфере языка.

Прагматика объединяет многие темы, имеющие длительную историю изучения в риторике, стилистике, социолингвистике, психолингвистике и т. д. Стержень прагматических исследований составляют теория речевых актов и исследования прагматического аспекта значения слова [114], дискурс [8], нормы речевого поведения [30], пресуппозиция и другие виды имплицитных значений [6], прагматические основы грамматических категорий [17].

Весьма характерно, что в настоящее время значительные усилия языковедов затрачиваются на выработку договоренности относительно границ между семантикой и прагматикой. Тем не менее единого способа разграничения этих двух областей пока не существует. «Если в исследовании делается эксплицитная ссылка на говорящего или, в более общих терминах, на человека, пользующегося языком, то это относится к области прагматики <...>. Если отвлекаемся от тех, кто пользуется языком, и анализируем только выражения и их десигнаты, то мы в сфере семантики» [145, с. 3].

Не существует и единого определения прагматики. Так, выделяются 1) толкования, в которых доминантой выступает человеческий фактор [6]; 2) дефиниции, в которых подчеркивается функциональный аспект лингвопрагматических исследований, их контекстуальная обусловленность: «наука об употреблении языка», наука о «языке в контексте» [200, с. 27]; 3) определения, в которых внимание сосредотачивается на исследовании эффекта языковой коммуникации в плане взаимного воздействия коммуникантов в процессе общения [83]; 4) ряд дефиниций, в которых подчеркивается интерпретационный аспект прагматических исследований речевых произведений, появляющихся в тех или иных коммуникативных контекстах. Объектом интерпретации в последнем случае, как отмечает Н. Д. Арутюнова, является то, что принято называть прагматическим значением высказывания [5, с. 35].

В настоящей работе прагматика рассматривается как вербальная реализация коммуникативных установок участников общения: «<...> выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия» [142, с. 325].

С одной стороны, прагматическому анализу могут подвергаться предложения или высказывания в обогащенном контексте, который включает в себя предшествующий связный текст, убеждения и ожидания участников коммуникации, их взаимоотношения, взаимные обязательства, совокупность имеющихся знаний и т. п.

С другой стороны, внимание уделяется прагматике целого текста. В. Л. Наер считает, что прагматическим аспектом обладают тексты различных функциональных стилей и жанров. Различия здесь носят не только количественный (интенсивность воздействия), но и качественный характер (тексты отличаются содержанием их прагматики и средствами ее реализации в процессе коммуникации) [106, с. 106–111].

Но, вслед за Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Ю. С. Степановым, мы полагаем, что прагматический анализ не может ограничиваться значением слова, высказывания или текста. «Большую область его применения составляет дискурс. Дискурс отражает субъективную психологию человека и, следовательно, в отличие от теоретического рассуждения он не может быть отчужден от говорящего» [5, с. 8–42]. «Прагматику можно определить как дисциплину, предметом которой является связный и достаточно длинный текст в его динамике – *дискурс*, соотнесенный с главным субъектом, с «эго» всего текста, с творящим текст человеком» [142, с. 332].

Определение прагматики как изучения потенциальных возможностей языка оказывать целенаправленное воздействие на человека предоставляет возможность рассмотреть прагматические характеристики дискурса в результате выделения набора прагматически «нагруженных» языковых единиц, участвующих в реализации воздействия на адресата.

Постановка данной задачи обусловлена тем, что коммуникативная функция языка как средства общения имеет две стороны: язык является не только средством мышления, но и средством взаимодействия человека с природой и обществом. При помощи языка люди не просто информируют друг друга, но взаимодействуют и регулируют свои социальные отношения, поэтому тексты, которыми они обмениваются в процессе общения и которые используются как единицы общения, выполняя функцию сообщения, одновременно являются воздействующими, регулирующими поведение коммуникантов.

«Сообщая, мы воздействуем, а, воздействуя, сообщаем» [97, с. 19]. Воздействие входит в коммуникативную функцию как ее составная часть. Интересно, что А. Р. Лурия рассматривал регулирующую функцию слова отдельно и считал ее одной из самых существенных [97, с. 26]. В работе В. Ф. Поршнева она называется «наиболее существенной из всех средств регуляции человеческого поведения» [119, с. 108]. Открытая Л. С. Выготским, она, по мнению В. Ф. Поршнева, «существовала некогда сама по себе в чистом виде до того, как в эволюции человека над ней надстроились другие функции – информации, обмена опытом» [119, с. 109]. На наш взгляд, в настоящее время трудно судить о том, какая функция первична, но целесообразно в целях исследования выделить прагматическую функцию как часть коммуникативной функции, потому что прагматическая функция играет огромную роль в акте общения.

Рассмотрение дискурса как связного текста в совокупности с различными факторами, в том числе и прагматическими, предполагает выделение его особых характеристик с точки зрения оказания воздействия на адресата, которые бы позволили выделить наиболее употребительные прагматически маркированные языковые средства и их роль в реализации цели дискурса в конкретной ситуации общения.

В настоящей работе выдвигается предположение, что коммуникативно-прагматические особенности исследуемого дискурса заключаются в том, что его цель накладывает специфический отпечаток на значение и употребление ряда языковых единиц, встречаю-

щихся в данном типе дискурса, поэтому выявление таких единиц, особенностей их значения и функционирования позволит выявить прагматические характеристики исследуемого дискурса.

В качестве прагматических характеристик дискурсов, с одной стороны, могут устанавливаться следующие: 1) субъект и объект речи и их ролевые позиции, 2) условия общения, 3) пресуппозиции участников, 4) наличие общих текстов, 5) коммуникативная тональность (серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение) [71, с. 44].

С другой стороны, при описании прагматических характеристик дискурсов широко применяется терминологический аппарат теории речевых актов, в рамках которой анализируются коммуникативно-прагматические разновидности речеактовых последовательностей и языковые средства, при помощи которых можно определить интенции, реализуемые в высказываниях: утверждение, просьба, вопрос, приказание, извинение и т. д. В исследовании для выделения прагматических характеристик могут исследоваться наиболее употребительные языковые средства воздействия дискурса и их роль в реализации его коммуникативной цели [145, с. 4].

Вопрос о том, существуют ли языковые средства выражения прагматической информации, решается в литературе неоднозначно. Так, О. П. Брандес отрицает их существование: «Известно, что прагматическая функция языка не имеет средств своей реализации в языке, а осуществляется в продукте коммуникативно-речевой деятельности, в тексте» [28, с. 65]. Вслед за И. П. Сусовым [145], такая точка зрения представляется нам не совсем обоснованной. Обнаружение языковых средств реализации воздействующей прагматической информации возможно в дискурсе, поскольку в процессе развертывания коммуникативной ситуации с целью достижения коммуникативно-прагматической цели участники оказывают воздействие друг на друга при помощи различных языковых средств. «Знание и владение этими средствами необходимо для выработки умений их оптимального использования, которое будет способствовать совершенствованию практики создания убедительных и доходчивых текстов» [100, с. 122].

Как представляется, любой дискурс в той или иной степени способен воздействовать на читателя, мобилизовывать интерес, культивировать живую эмоционально-познавательную реакцию с

помощью определенных языковых единиц, его составляющих. В качестве прагматически маркированных средств воздействия в дискурсе могут использоваться единицы различных языковых уровней и, как мы полагаем, некоторые из них в рамках того или иного дискурса способны оказывать более интенсивное воздействие, чем другие.

Несмотря на то, что «речь действительно служит средством передачи сообщений, эта передача не является конечной целью общения» [146, с. 9], главная цель отправителя сообщения лежит вне речевой деятельности и может быть связана с изменением отношения адресата к какому-либо объекту, изменением коннотативного значения объекта для субъекта, формированием общего эмоционального настроения, перестройкой категориальной структуры индивидуального сознания, с внедрением в нее новых категорий. Следовательно, завоевание авторитета, убеждение совершить какой-либо поступок, принять какую-либо точку зрения, пойти на сотрудничество и т. д. может явиться целью стратегии. При этом важным для организатора общения является изменение и управление деятельностью и поведением собеседника, т. е. в ходе общения адресантом оказывается речевое воздействие на сознание адресата, выступающего объектом речевого воздействия. Для осуществления успешного речевого воздействия, эффективность которого определяется мерой совпадения цели воздействия и его результата, необходимо владеть коммуникативными стратегиями и тактиками.

В лингвистике достаточно подробно освещен когнитивный аспект стратегий. Анализируются методы восприятия, интерпретации и переработки знаний и информации в памяти, когнитивные ходы в мышлении. В настоящей работе внимание обращено к исследованию коммуникативных (речевых) стратегий.

Коммуникативная стратегия включает в себя комплексное планирование процесса воздействия на адресата в процессе речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения, личных особенностей партнеров по коммуникации, их коммуникативных целей, прогнозирование результатов общения, а также осуществление этого плана [66]. Поскольку механизмы, посредством которых осуществляются процедуры планирования, прогнозирования, «большой частью не имеют индикаторов “на поверхности речи” и, следовательно, недоступны для лингвистического анализа» [66, с. 104], можно сказать, что коммуникативная стратегия стоит как бы «за текстом, или над текстом» и представляет собой гипотетическую категорию, абсолютное знание которой невозможно,

и всегда можно иметь несколько вариантов ее толкования. Соответственно анализу могут быть подвергнуты именно тактики.

Коммуникативные тактики являются практическими инструментами говорящего и выражают, в отличие от стратегии, отдельные коммуникативные намерения адресанта [66]. Тактика направлена на определенные аспекты модели мира адресата и его психики (знания, оценки, желания). Суть применения конкретной тактики заключается в том, чтобы изменить конфигурацию этих параметров в направлении, желательном для отправителя сообщения, усилить какое-либо желание, изменить оценки, трансформировать образ какой-либо ситуации [66]. Тактика представляет собой комплекс речевых приемов построения текста, которые позволяют достичь поставленных целей в конкретной ситуации общения на некотором этапе коммуникации [66]. При этом тактики, в отличие от стратегий, можно выявить посредством анализа текста, поскольку каждая тактика актуализуется с помощью определенного набора языковых средств. Тактика может в большей степени, чем стратегия, меняться в зависимости от условий общения [92, с. 24].

Тем не менее, стратегия представляет собой более сложное явление, нежели просто сумму тактик, она задает их главное направление. Тактики, в свою очередь, не составляют стратегию, а реализуют ее, т. е. стратегия связана с планированием, состоящим в выборе действий и средств реализации цели на основании критериев оптимальности. Выбор средств и действий в ходе стратегического планирования, однако, не является неким единичным актом, а представляет собой постоянное состояние в процессе реализации стратегических целей коммуниканта, поэтому стратегия – это не статичный план, а принцип деятельности [92, с. 24–25].

Одним из основных свойств стратегии является ее гибкость, которая определяется возможностью реализации одной коммуникативной стратегии целым набором разнообразных тактик [66, с. 101]. Вместе с тем для реализации различных коммуникативных стратегий могут привлекаться одни и те же тактики. Иными словами, мы наблюдаем тесное взаимодействие между стратегиями и тактиками, их постоянный взаимный переход, что обуславливает невозможность создания однозначной и законченной типологии коммуникативных стратегий и тактик, а также нахождения четких соответствий между определенными стратегиями и тактиками. Следовательно, при описании конкретного наполнения стратегий и тактик следует исходить из целей и ракурса анализа, рассматриваемого типа дискурса, его жанровой разновидности. Так, в политическом

дискурсе, который в настоящее время часто становится объектом лингвистического исследования, выделяются стратегии властного подавления, дискредитации, отстранения, сотрудничества, приспособления, уступки, стратегии устрашения, самовосхваления и лести, стратегия манипуляции и такие приемы ее реализации, как делигитимизация, диффамация, солидаризация. В дискурсе средств массовой информации выделяются стратегии дискредитации, издевки, обвинения, стратегия близости, которая обеспечивает управляемость личности и общества. В письменном деловом дискурсе выделяются стратегии информационной полноты и краткости, стандартизированности, экспрессивности, вежливости, престижности речи, в устном (дискурсе переговоров) – дискурсивные, риторические и компенсационные стратегии.

Установление репертуара наиболее распространенных языковых средств, реализующих ту или иную тактику в дискурсе и являющихся ее маркерами, позволяет говорить не только о коммуникативных стратегиях, на осуществление которых нацелены данные тактики, но и о прагматическом потенциале этих языковых средств.

Таким образом, именно многоаспектный анализ позволяет исследователю получить максимально точное представление о функционировании такого сложного механизма, как дискурс.

2. ДИСКУРС И ЕГО ПРОИЗВОДИТЕЛЬ

В современной лингвистике общепризнанным является положение о необходимости разграничивать язык и речь, выдвинутое еще В. Гумбольдтом: «Язык как совокупность его продуктов отличается от отдельных актов речевой деятельности» [46, с. 57]. Дальнейшее теоретическое обоснование данного положения находим в трудах швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, рассматривавшего язык (*la langue*) и речь (*la parole*) как компоненты речевой деятельности, взаимосвязанные в своем существовании: «Язык необходим, чтобы речь была понятна, речь необходима, чтобы установился язык: исторически факт речи всегда предшествует языку» [139, с. 44].

Однако неоднозначность русского термина «речь», соответствующего французским *parole* и *discours*, с одной стороны, а с другой – неоднозначность термина *discours*, воспринимаемого не только как синоним *parole*, но и как сверхфразовое единство, то есть высказывание, способствовали появлению в русском языке еще одного термина – дискурс. Дифференциация понятий *parole* – *discours* связана с необходимостью ввести в противопоставление язык – речь некоторый третий член, более формализованный и более «вещественный», поддающийся изучению с помощью традиционных лингвистических методов [37, с. 12].

Дискурсу как речи присущи соответствующие свойства. При этом, поскольку говорящий пользуется языком «для выражения именно своей самобытности» [46, с. 165], то субъективность речи / дискурса вполне естественно раскрывается через ее производителя. Последний, выражая свои переживания и мысли, выбирает лексические единицы и грамматические структуры, придавая им речевое значение через референцию к объектам конкретной ситуации. В самом определении – *le discours est le langage mis en action, la langue assumée par le sujet parlant* [195, с. 156] – *discours* как понятие раскрывает свою двойственность: принадлежность системе языка и говорящему (речи). Можно сказать, что дискурс, как и лингвистические единицы, одной стороной обращен к языку, другой – к речи [96, с. 59].

Восприятие термина *дискурс* (*discours*) как речь (*parole*) соотносит его и с французскими терминами *acte de parole* (*événement de parole*) или *acte de langage* – речевым актом, вписанным в коммуникативную ситуацию, то есть единицей нормативного социоречевого поведения [7, с. 412]. Отметим, что в теории речевых актов коммуникативная ситуация включает говорящего, слушающего, высказывание, обстоятельства производства последнего, а также цель и результат

речевого акта [80, с. 13]. Такой подход требует принимать во внимание участников общения, в котором говорящий субъект и адресат являются носителями согласованных между собой социальных ролей, или функций. Как речевой акт дискурс целиком включен в отношения между первым лицом, производящим высказывание, вторым – кому адресовано сообщение, и третьим лицом, которое, не участвуя в самом акте говорения, тем не менее, может присутствовать. Все участники обладают общим фондом речевых навыков (речевой компетенцией), знаний и представлений о мире, благодаря чему обеспечивается успешность речевого акта [7, с. 412].

Совмещенность момента речи говорящего и производства речевого акта / дискурса во французском языке находит свое отражение в определении *énonciation*: «Le terme d'«*énonciation*» renvoie à l'acte par lequel un sujet («*énonciateur*») se trouve produire («*énoncer*») une séquence linguistique matérialisée par une suite phonique ou graphique» [258, с. 20]. Как видим, «лингвистическая материализация» (*une suite phonique ou graphique*) очевидно соотносит термины *énonciation* и *дискурс* не только с устной речью, но и с письменной, т. е. текстом. Сам термин *énonciation* принято переводить как «акт высказывания» или просто «высказывание», что свидетельствует об определенной совмещенности и различии понятий, обозначенных как *énonciation*, поскольку термин высказывание может обозначать и высказывание-результат (*énoncé*) [130, с. 15]. Отдавая предпочтение первому варианту, ученые указывают на деятельностный характер речевого акта, его соотнесенность с моментом производства и активность говорящего субъекта [259, с. 187].

Таким образом, *дискурс*, сохраняя исходную сущность *речь / parole, речевой акт (acte de parole / événement de parole / énonciation)*, воспринимается и как результат речевого акта – *высказывание/énoncé/текст*. Именно с этих позиций текст как «ядро коммуникативного акта» внутренне сохраняет «те же аспекты, что и сам коммуникативный акт: экстралингвистический, семантический, когнитивный, собственно-лингвистический» [89, с. 45].

В современной лингвистике в противоположность восприятию текста как завершенной единицы, результата, то есть преимущественно статического объекта, под термином дискурс понимается динамическая, актуальная единица, отображающая характер активного языкового общения [37, с. 14].

Как следствие, изучая текст как средство письменной коммуникации, следует учитывать, как именно «фиксируется результат дискурсивной деятельности» [129, с. 12], иными словами каким образом

актуализируется конкретная условно коммуникативная ситуация. А при анализе дискурса – результата речевого акта, надлежит учитывать все условия его производства.

Восприятие текста адресатом (читателем), в первую очередь, основывается на логике и расположении его частей. В этом плане изучение текста направлено, главным образом, на систематизацию средств, создающих законченность (и фиксированность) его структуры. Анализ «письменной формы», «документа» в рамках лингвистики текста потребовал обобщения текстообразующих категорий и их единиц. При этом под текстовыми категориями понимаются фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам. Существуют многочисленные классификации категорий текста, среди которых наиболее разработанными являются содержательные (семантико-прагматические) категории; формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия) и другие. Одной из основных является категория связности, отражающая внешнее и внутреннее свойства текста [19, с. 82]: связность (когезия) и цельность (когерентность).

В рамках когнитивного подхода признается, что связность начинает формироваться уже на первичной стадии создания текста, когда в ментальной сфере автора как производителя речи активизируется идея-стимул к «установлению релевантных связей между структурами знаний» [101, с. 55]. По этому принципу происходит выстраивание концептуального комплекса, лежащего в основу текста [107, с. 199], можно сказать, концептосферы конкретного текста. Само выстраивание носит характер экспликации связей между мыслительными конструкциями и поверхностно-языковыми структурами на базе референции и кореференции, потому что осуществляется создание референтно связного текста для отображения единой картины некоторой действительности. В когнитивной лингвистике распространение получило понятие когнитивной когерентности, которое имплицитно и идею автора, и активную роль реципиента текста, его инференций при восприятии смыслового содержания. В совокупности инференции опираются на комплекс «сенсомоторного знания, синтаксиса, семантики, кода, референции, смысла и прагматики» [29, с. 12], а восприятие сквозь призму такого комплекса есть постижение когерентного ментального отражения отдельных ситуаций.

С рассмотренной категорией связности непосредственно соотносится категория цельности, выступающая характеристикой текста как «отлаженной» по многим параметрам структуры формального и смыслового единства. По мнению А. А. Леонтьева, цельность опреде-

ляется глубинным характером и «имеет психолингвистическую природу» [95, с. 52], в то время как формальная связность проявляется поверхностно и линейно. Аналогично высказался позже Ю. А. Сорокин, добавив к этому, что формальная связность эксплицируется лингвистическими средствами и приемами, в то время как цельность, будучи логико-смысловой связностью, может выявляться только как феномен ментального порядка, возникающий через взаимодействие идеи текста и реципиента [138]. Признается бесспорным, что для цельности непременным условием должна быть ситуативность, т. е. «соотнесенность с ситуацией – конкретной или абстрактной, реальной или воображаемой» [105, с. 13].

Вместе с тем в подавляющем большинстве читатель не осознает того факта, что он имеет дело с такой сложной категорией текста, как когезия / когерентность. Осознание связности знаков – обобщение повторов звуков, различной семантики грамматических форм, использование индексальных знаков, имен собственных и т. п. – как правило, лежит «ниже» порога восприятия. Внимание читателя естественным образом направлено на то, ради чего создается текст – на понимание передаваемой им информации. И, как следствие, – цельность усваивается *как бы* «поверх» категории связности: читатель воспринимает содержание, не задумываясь об этой категории. Ср.: «La cohésion est (...) un guide pour la lecture, et notamment un soutien pour la mémoire que la lecture requiert; (...) la cohésion du texte aide à retrouver la cohérence» [205, с. 16].

Восприятие текста, то есть успешность письменной формы коммуникации, возможно благодаря наличию «компетенции читателя», или текстовой компетенции [178, с. 108; 189, с. 756–759]. У. Эко включил в компетенцию читателя знание базового словаря, знание правил кореференции, умение определять контекстуальные и ситуативные значения, способность понимания риторического и стилистического гиперкодирования, знание общих и межтекстовых сценариев, идеологическое видение [202, с. 46]. Однако просто лингвистическая компетенция не может объяснить интерактивного и диалогического характера текста, воспринимаемого читателем в момент чтения [178, с. 27].

Компетенция читателя, кроме лингвистической (языковой), включает речевую компетенцию, представляющую собой «ядро восприятия», которое определяется текстовыми стратегиями автора, позволяет читающему актуализировать различные уровни текста. Такой подход дает возможность определять текст не только как «единицу

языка в употреблении», но, прежде всего, как единицу семантики, смысла, а не формы [211, с. 78]

В современной лингвистике дискурс чаще понимается как «явление процессуальное, деятельностьное» [91, с. 19], продукт/явление речемыслительной деятельности человека [18, с. 144], как текст в ситуации реального общения» [27, с. 21], как комплекс, включающий одновременно два компонента: динамический процесс языковой деятельности (ситуация общения / речевая ситуация), результат (конкретный текст) [178, с. 23].

Таким образом, *discours* как понятие и термин входит в двойную оппозицию: с одной стороны, ему соответствует речь, процесс говорения, локуция (от лат. *locutio* = я говорю), что требует интерпретации понятия говорящий субъект и анализа условий коммуникации; с другой стороны, дискурс – это текст, результат, продукт коммуникации / *énoncé*. Ср.: «Le discours est (...) à la fois l'acte et le produit d'une énonciation particulière et concrètement réalisée» [205, с. 16].

В свете когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний различные подходы к анализу дискурса и текста представляются естественными, если исходить из противопоставления когнитивной деятельности и ее результата. Под дискурсом следует иметь в виду именно «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную, законченную форму» [91, с. 19]. Таким образом, с традиционной позиции лингвистики или грамматики текста в нем изучается когнитивный результат (связность текста, то есть логичность развития и распределения мысли, формы ее выражения и т. д.), а с позиции реального речепроизводства – когнитивный процесс, коммуникативный аспект: экстралингвистические условия ситуации общения, ее участники, их роли [37, с. 16]. Итак, специфика дискурса – двойственная природа этого концепта, то есть его соотносительность с речью / локуцией и текстом (графической формой): «Un discours est un énoncé caractérisable certes par des propriétés textuelles, mais surtout comme un acte de discours accompli dans une situation (participants, institutions, lieu, temps); ce dont rend compte le concept de «conduite langagière» comme mise en oeuvre d'un type de discours dans une situation donnée [178, с. 23].

Любая деятельность подключает обстановку общения и фрагмент действительности [7, с. 412], который отражен в содержании речи. В. Г. Гак в структуре акта речи выделяет такие параметры, как лицо речи и дейксис (или локализацию, временную и пространствен-

ную) [39, с. 561]. Совокупность этих параметров определяет ситуацию общения или коммуникативную ситуацию (*situation de communication*) [195, с. 197].

Ситуации общения – потенциально разные. Е. В. Падучева выдвигает следующие условия полноценной / канонической ситуации общения:

1. Говорящий и слушающий присутствуют в контексте сообщения.

2. Момент произнесения высказывания говорящим совпадает с моментом его восприятия слушающим (единство времени).

3. Говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте; обычно отсюда следует, что они могут видеть друг друга и имеют общее поле зрения (единство места) [115, с. 259].

Концепт говорящий субъект – лицо речи, говорящий – формируется только в коммуникативной ситуации и представляет собой категорию дискурса как «реальности речи», в отличие от говорящего индивидуума «из плоти и крови» [130, с. 16].

Понятие *говорящий субъект* объединяет речь и ее результат – высказывание: моделируя высказывание, он осознает противоречия и границы, зависящие от ситуации общения, и использует языковые категории как способы организации дискурса (*modes d'organisation du discours*).

Понятие говорящий субъект, обозначаемое разными терминами, требует определения специфики его реализации. В этом плане полезно обратиться к семантике глагола *énoncer* и дифференциации ситуаций общения.

С одной стороны, *énoncer* в широком понимании обозначает обобщенную речевую деятельность, являясь синонимом таких глаголов, как *exposer, formuler, exprimer* [189, с. 647].

В более узком смысле глагол *énoncer* соотносится с высказыванием как конкретной референциальной пропозицией, отражающей точку зрения говорящего субъекта в данной ситуации общения. Последнюю, в отличие от канонической коммуникативной ситуации, можно обозначить как прототипическую – ситуацию единичного акта высказывания. Каноническая ситуация общения способна в определенных условиях трансформироваться в ситуацию отдельного акта высказывания: вторая может интегрироваться в первую [37, с. 18].

Единая основа процесса *énoncer* (*exposer, formuler, exprimer*) создает концепт говорящего субъекта, но одновременно и разграничивает каноническую и прототипическую ситуации общения по временной дистантности говорящего к адресату, содержанию самого выска-

звания и реакции собеседника. На принципиальность подобной дифференциации указывает тот факт, что во французском языке, кроме терминов *locuteur* и *sujet parlant*, имеется термин *énonciateur*, что, несомненно, связано с различными условиями общения [143, с. 166].

Если вернуться к интерпретации *énonciation* как *action*, *manière d'énoncer*, *fait d'être énoncé*, *production d'un énoncé* [196, с. 542], то очевидно, что дифференциальные признаки *énonciateur* и *locuteur* отражают разные способы реализации цели говорения / локуции. В соответствии с французской терминологией и способом общения концепт говорящий субъект (*sujet parlant*) децентрируется: локутор (*locuteur*) реализуется в канонической ситуации общения, и говорящий (*énonciateur*) – в прототипической ситуации общения [37, с. 19].

Процесс локуции всегда имеет место только в настоящем времени и конкретном пространстве, а сам продукт также получает свои временные координаты – время действий, о которых сообщается в высказывании / тексте. В письменной коммуникации любая ситуация общения находит свое графическое, грамматическое и лексическое обозначение.

Способы организации дискурса, в том числе и письменного, заключаются в отражении различной позиции говорящего субъекта по отношению к собеседнику, к самому себе и другим, к собственному высказыванию.

Поскольку «следы» устной коммуникации сохраняются и в письменной форме, то грамматическое время высказывания – его дистанция по отношению к моменту речи – становится определяющим в лингвистической репрезентации ситуаций общения и выявлении статуса говорящего субъекта и его функций [37, с. 19].

Децентрация концепта *говорящий субъект* в форме *je* связана с лингвистической категорией времени и способом категоризации действий и событий. Специфика способа состоит в том, что «язык категоризирует и делит все виды событий на два когнитивных типа: наблюдаемые события и известные события» [88, с. 60]. Иными словами, репрезентируемое действие может быть представлено в высказывании, например, как «часть структурированного знания о мире, которым обладает говорящий» [88, с. 60]. Момент локуции не ограничивает настоящее время представляемых в высказывании действий. В этом случае имеет место каноническая ситуация общения: говорящий субъект-локутор дает информацию о событиях / действиях как личное знание, результат собственного или общеизвестного опыта. Я говорю, что знаю:

Je suis plus modeste que vous ne le pensez. Je sais que ces femmes n'en ont ni après mon physique, ni après ma personnalité [239, с. 14].

Vous savez, la femme, ce truc pratique qu'on emmène partout et qui sourit quand on l'embrasse [207, с. 14].

Высказывание Vous savez, quand vous êtes parti hier en me laissant dans cette chambre en plein milieu de l'après-midi, je me suis dit que je ne revivrais plus jamais ça. Plus jamais, vous m'entendez ? Plus jamais... Je me suis rhabillée, je suis sortie. Je ne savais pas où aller [239, с. 113] произносит локутор, но поскольку речь идет о прошедшем действии, он сообщает о нем как свидетель.

Произнесение (как и прочтение, и восприятие) текста требует определенного временного периода, но действия (поступки, мысли, рассуждения), о которых говорит локутор, совершаются вне момента реализации самой локуции.

В отличие от канонической ситуации общения, прототипическая значительно сужает временные рамки: ее специфика в том, что время представляемых действий и время момента самого акта высказывания говорящего или наблюдателя совпадают. Единицей общения прототипической ситуации является, прежде всего, перформативное предложение-высказывание, время речевого действия которого синхронно времени акта высказывания говорящего [247, с. 229]: *Je sollicite de votre part une prochaine entrevue [229, с. 69].*

А также – предложения-высказывания, включающие сказуемое, обозначающее чувство или физическое действие. Время совершения действия, проявления чувства ограничено моментом акта высказывания говорящего:

Et moi, si tu savais combien je t'aime, comme jamais avant moi père n'a aimé son enfant [220, с. 281].

Je croyais que c'était moi la plus maligne, que j'avais compris la vie mieux que les autres, et je me congratulais parce que je n'étais pas tombée dans le piège. Et puis vous voilà, et je me sens complètement perdue [207, с. 114].

Non, je suis vieille, je me sens vieille. Je suis toute cabossée. Je sens que je vais devenir méfiante. Je vais regarder ma vie à travers un judas. [207, с. 67].

В прототипической ситуации общения репрезентируемые говорящим речевые, физические действия представлены как часть его «актуальной, то есть данной в ощущениях, картины мира» [88, с. 60] или как непосредственно воспринимаемые наблюдателем (маркированная форма), то есть как часть пространственно-временного контекста говорящего / субъекта действия или наблюдателя. Последний

(*observateur*) «сам не совершает действия, но видит и синхронно комментирует» [143, с. 167] реализуемые в пределах его временного и локального пространства действия третьего лица. В ситуации с референциальным центром *observateur* или *énonciateur* (в отличие от центра с *témoïn*) физическое время самого акта высказывания (*énonciation*) и время репрезентируемых действий третьего лица синхронны, что находит свое выражение, например, в спортивных комментариях, прямых включениях, в выпусках новостей и т. д.:

Des chants, des applaudissements, des bougies, des jeunes avec des panneaux "free hugs" qui leur pendent au cou... Pas de foule compacte, mais un va-et-vient de badauds, qui passent et se recueillent sur les sites des différentes attaques parisiennes de vendredi. Mais soudain, peu après 18 heures, les chants font place aux cris. En moins d'une seconde, les quelques personnes immobiles, plongées dans une conversation ou fixant leurs téléphones, se retrouvent emportées par la foule. Cris, bousculades... Les gens courent aussi vite qu'ils le peuvent en direction des rues adjacentes, tandis que les terrasses se vident dans la confusion au son des bris de verre et des chaises renversées... [206].

Важным параметром этого акта высказывания является ответственность за истинность представления действий, которую несет говорящий (Я). Принцип ответственности предполагает и акцентирует внимание на категории говорящего, поскольку последний обязан быть в курсе того, что говорится, и обязан обеспечивать такую возможность адресату. Отметим, что в подобной ситуации в полной мере раскрывается прагматический аспект высказывания – личность Говорящего и его воздействие на адресата [37, с. 21].

Таким образом, любая ситуация общения предполагает наличие «Я» говорящего субъекта в статусах *говорящий*, *локутор* или в функциях *наблюдатель*, *свидетель* и адресат (в поле зрения). В ситуации общения с наблюдателем адресат может быть отдален: в поле зрения – на трибунах; вне поля зрения, но у телевизора, радио.

В письменном дискурсе типа *Je crois que c'est une direction de l'écrit. C'est ça, l'écrit adressé, par exemple, à toi, dont je ne sais encore rien. A toi, lecteur...* [201, с. 57] сохраняются все признаки потенциально возможной прототипической ситуации общения: говорящий (*Je*) адресует акт (*adressé*) письменного высказывания адресату (*à toi*) – читателю (*à toi, lecteur*), получающему этот статус в момент чтения.

Таким образом, при анализе текста как письменной формы коммуникации необходимо условно воссоздавать ситуации устного общения и статус их участников. Статус производителя дискурса меняется в зависимости от типа ситуации – говорящий / наблюдатель (прототипи-

ческая ситуация), локутор / свидетель (каноническая ситуация), поэтому важным моментом при анализе дискурса как письменной формы коммуникации становится выявление в его семантико-грамматическом оформлении «следов», указывающих на тип ситуации и ее участников. К «следам» относятся местоимение первого лица (*Je*) пространственно-временные дейктики *ici*, *maintenant* и форма сказуемого в настоящем времени [37, с. 21].

Итак, термин (и понятие) *дискурс*, то есть написанный текст, обозначает форму письменной коммуникации во всей ее комплексности, многомерности и динамичности, что и предопределяет коммуникативно-диалогический подход к интерпретации высказываний и текста. В отличие от традиционных методов лингвистики текста (изучающих такие категории, как информативность, связность, ретроспекция и другие) речевой подход имеет в своей основе поиск «следов», указывающих на наличие канонической или прототипической ситуации общения, а в связи с этим – на голос говорящего субъекта в одном из его статусов или функций.

Термин говорящий, прежде всего, предполагает устную форму общения, поэтому в дискурсе – письменной форме коммуникации – предпочтителен термин дискурсивный говорящий (производитель текста). Не менее важным является положение о том, что дискурс оформляется нинегоцентрической серией времен с референциальной точкой говорящего субъекта (*hier*, *demain*, *maintenant*, *aujourd'hui*) [37, с. 22]. Следовательно, время сказуемого в дискурсе оказывается нерелевантным в плане формального выявления голоса говорящего. В этом случае необходим поиск таких пространственно-временных показателей, которые способны уточнить принадлежность голоса (говорящему, локутору, наблюдателю или свидетелю).

3. АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕРЕЛЕВАНТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Одним из наиболее важных и сложных в семантико-прагматическом отношении жанров научного дискурса является научная дискуссия.

Сложность данного жанра связана с его содержательной многоплановостью; по справедливому замечанию Н. В. Соловьевой, дискуссия предполагает реализацию двух видов коммуникативно-познавательной деятельности: 1) выражения отношения к идеям оппонента (оценочной деятельности) и 2) утверждения собственной авторской точки зрения в глазах читателя (рефлексивно-прагматической деятельности) [135]. Кроме того, научная дискуссия отличается богатством представленных в ней прагматических смыслов и располагает «арсеналом оценочных средств, который сопоставим с оценочным потенциалом “более экспрессивных” функциональных разновидностей русского языка, прежде всего, с языком публицистики» [61]. Наконец, в этом жанре наиболее очевидным и эксплицитным образом реализуется фундаментальная установка научного дискурса на совместную выработку нового знания в процессе конструктивного и кооперативного диалога.

Именно диалогическая форма взаимодействия участников научной дискуссии с присущими диалогу свойствами (относительная спонтанность, наличие обратной связи, оперативная адаптация к собеседнику и пр.) обуславливает заметное расширение диапазона языковых и прагматических средств, задействованных в научной коммуникации, что делает тексты этого жанра весьма привлекательным материалом для исследования специфики информации, циркулирующей в пространстве научной коммуникации.

При анализе научной информации в качестве одного из ведущих критериев ее оценки используется такая характеристика, как релевантность (понимаемая достаточно широко, т. е. не только и не столько как соответствие теме в смысле Г. П. Грайса, сколько как важность/значимость/существенность). Это вполне объяснимо и согласуется с интуитивно понятным представлением о научном тексте как речевом произведении, фиксирующем определенным образом отобранную информацию, «очищенную» от второстепенного и так или иначе ранжированную с точки зрения того, насколько она существенна в смысловом пространстве текста.

В связи с этим интересно отметить, что, анализируя специфику оценочных значений с учетом специфики оцениваемого объекта,

Н. К. Рябцева относит признак значимости к важнейшему компоненту научного текста и ключевому компоненту научного исследования в целом, а именно к его результатам, ср.: «Выводное знание – гипотезы, подходы, методики и пр. – квалифицируются по их обоснованности, обобщения – теории, концепции и пр. – по объяснительной силе, классификации – по основаниям, события – по вероятности, законы – по области действия, построения – по сложности, рассуждение и изложение – по непротиворечивости, непредвзятости, глубине, понятности, полноте, **результаты – по значимости, новизне** и т. п.» [128, с. 26; выделено нами. – Е.З.].

Важно подчеркнуть, что параметр релевантности/важности (термин «параметр» понимается здесь вслед за представителями пермской школы исследования научного стиля/дискурса как «континуум взаимосвязанных частных свойств того или иного инвариантного свойства, вариативно реализуемого в системе – в данном случае – в тексте» [87, с. 19]) вступает с прочими оценочными значениями в сложные и вариативные отношения. Наиболее существенные из этих отношений могут быть вкратце охарактеризованы следующим образом.

– Новизна.

Информация может быть релевантной, но не новой; было бы странно отрицать не только существенность, но и огромную ценность так называемого «старого знания», ср. классические зачины научных работ типа *как известно..., общеизвестно, что...* и под. – понятно, что вводимая таким образом информация не может претендовать на статус новой, но она, безусловно, может претендовать на статус важной и существенной: грамотное «вписывание» собственной работы вотрефлексированный научным сообществом контекст изысканий в соответствующей области является одним из обязательных условий легитимного представления собственного научного исследования. В то же время информация может быть новой, но не релевантной (в частности, при обсуждении неизвестных – по крайней мере, широкому научному сообществу, – и при этом малосущественных фактов).

– Актуальность.

Информация может соответствовать самым современным трендам развития соответствующей отрасли науки, но быть малозначительной и наоборот, ср. показательную (и вполне ритуально-клишированную) формулу, имплицитно отражающую необязательность одно-однозначных отношений между данными характеристиками:

*Уважаемые коллеги, позвольте мне поблагодарить организаторов сегодняшнего мероприятия за то, что **не просто актуальная, а важная** и сложная проблема поднята для обсуждения [НД-1].*

– Достоверность/верифицированность.

Информация может быть очень важной, но не прошедшей необходимых процедур верификации, и, напротив, абсолютно достоверной и при этом совершенно несущественной. В научной коммуникации нередко встречаются оценки тех или иных суждений/положений/гипотез как малодоказательных, но при этом отличающихся высокой эвристической ценностью, ср., например, любопытное резюме предпринятого М. Блэком критического анализа работ Б. Уорфа: «Своими отрицательными выводами мне не хотелось бы создать впечатление о том, что работы Уорфа не представляют большой ценности. Как это часто бывает в истории мысли, самые спорные взгляды оказываются самыми плодотворными. Сами ошибки Уорфа гораздо интереснее избитых банальностей более осторожных ученых» [24].

– Смысловая нетривиальность (или, попросту говоря, «интересность»).

Понятия важности и интересности нередко употребляются в научной коммуникации как синонимичные, см. следующий фрагмент научной дискуссии, в котором эти характеристики становятся объектом специальной рефлексии:

*Но, тем не менее, необходимы люди, которые поддерживают некоторый уровень знания о каждом элементе предмета, которые выставляют свои собственные критерии, **что важно, что неважно, что более интересно, что менее интересно.** На Западе регулярно сталкиваешься с тем, что нехорошо говорить, что что-то лучше, что-то хуже; все равно, одинаково хорошо, один человек выбрал это, а я выбираю это, все это равновелико. Но, с моей точки зрения, это неправильно. Сейчас везде, и там тоже, этот подход начинает вызывать все большее раздражение: нет, **есть вещи, которые важны, а есть вещи, которые менее важны.** И с этой точки зрения нужно создание структуры знания, которая скажет: «Да, это знание важно, но не все» [НД-2].*

Но вместе с тем для научной дискуссии вполне обычны ситуации, когда автору важно обсудить некоторые малоувлекательные детали, которые тем не менее существенны для понимания всей эвристической конструкции в целом, либо, напротив, ситуации, когда некая информация является очень интересной, но не относится к ключевым аспектам обсуждаемых проблем, ср. симптоматичное противопоставление интересности и релевантности:

*Есть масса **интересных** сюжетов, связанных с тем, как социология знания «вписывала» науку в свою предметную область, тем*

самым «подгребая» к себе социологию науки. Однако все эти различия **релевантны**, только если мы фокусируемся на границе между социологией знания и социологией науки. <...> И, соответственно, это **нерелевантные** различия для того типа рассуждений, который я здесь попытался сформулировать [НД-3].

Названные характеристики могут вступать не только в весьма сложные, но и парадоксальные взаимоотношения, ср. следующий контекст, содержащий неоднозначную оценочную конструкцию, в которой одна из причин внезапной религиозности современного российского общества трактуется как существенная, при этом несерьезная, но все же заслуживающая внимания:

*Религиозность современного общества в какой-то степени поражает быстротой, с которой многие люди, которые были совершенно далеки от религии, начинают исполнять все нужные ритуалы и т. д. Здесь несколько разных **существенных** причин. Одна из них, как мне кажется, **несерьезная, но с ней надо считаться**. Это традиционная склонность русского общества к усвоению некоторых довольно тривиальных программ поведения и взглядов на мир, которые удобны для массового сознания* [НД-4].

Параметр релевантности/нерелевантности демонстрирует не только неоднозначность взаимоотношений с прочими категориями научной коммуникации, но и внутреннюю асимметрию. Значимость обсуждаемого параметра оценки научной информации обуславливает весьма тонкую дифференциацию «шкалы важности», на которой фиксируются такие участки, как «чрезвычайно важно – очень важно – важно – не очень (не столь/не так) – неважно – совершенно неважно». При этом гораздо более тщательно в вербальном отношении разработана сфера важности, о чем свидетельствует наличие весьма выразительных интенсификаторов, использование некоторых из которых, по нашим наблюдениям, является специфической чертой жанра дискуссии с его эмоционально-экспрессивной насыщенностью: именно в дискуссии наряду с клишированными формулами типа *важно отметить, важно подчеркнуть* и под., широко представлены конструкции типа *особенно/очень/чрезвычайно принципиально/исключительно важно*, ср. также:

*... **кардинально важно**, что это произошло не со словом factum – это произошло с десятками тысяч слов, кончающимися на m* [НД-5];

Вот как объяснить, что такая молодая, недавняя в исторических размерах вещь, как современная наука, значит не как чья-то личная страсть, а как национально-, культуuroобразующая система,

как становой хребет homo sapiens, без которого он умрет? Извините за некоторую абстрактность вопроса, но, по-моему, для вас такая постановка вопроса является экзистенциально важной... [НД-6].

Но если устойчивость акцентирования важности информации вполне понятна, то экспликация несущественной информации очевидным образом требует наличия определенных контекстуальных условий или постановки специфических прагматических задач. Это побуждает обратиться к анализу типов контекстов, в которых представлена информация, интерпретируемая в качестве неважной/несущественной, и прагматических факторов порождения таких контекстов. Подчеркнем, что речь идет только об эксплицитных указаниях на неважность/ несущественность, что предполагает использование относительно узкого круга индикаторов типа *не важно, не столь важно, совершенно не принципиально, несущественно* и т. п. (соответственно мы не рассматриваем здесь особенности дополнительной информации, для которой индикатором ее второстепенного характера является помещение во вставную конструкцию, см. об этом [38], и прочие способы маркирования информации как несущественной).

Анализ текстов около 30 научных дискуссий показал, что для актуализации нерелевантной информации характерны в первую очередь такие особенности, как оппозитивность и прагматическая полифункциональность. Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. Оппозитивность, т. е. реализация в рамках оппозиции «важно – неважно».

Как правило, введение в контекст научных рассуждений информации, которая расценивается как несущественная, сопровождается экспликацией того, что, по мнению адресанта, действительно важно. Такая оппозитивность реализуется в жанре научной дискуссии весьма вариативно в смысле акцентирования разнообразных аспектов релевантности/нерелевантности. Так, один из самых распространенных вариантов актуализации нерелевантной информации соответствует модели «один аспект обсуждаемого объекта неважен/несуществен/незначим – другой важен/существен/ значим», ср.:

Но он не просто не мыслитель, он и не деятель – он зритель. В том, что он проводит 4–5 часов в день за телевизором, все время жалуясь, что у него ни на что не хватает времени, – это рядовая характеристика, не это важно. Важно то, какой взгляд на окружающее он выносит, когда отрывается от телевизионного экрана [НД-7].

В ряде случаев такая оппозиция выстраивается самим говорящим, но в то же время в жанре дискуссии оценка информации как

важной vs. неважной может быть инициирована и слушающим. В последнем случае она обычно реализуется в прагматическом формате уточнения:

***Голос из зала:** Здравствуйте. Я хотел бы спросить, почему настолько редко князьям давали имя Рюрик?*

***Федор Успенский:** Это интересный вопрос. Его действительно дают редко, но, тем не менее, дают. Здесь важна даже не частотность, с которой это имя появляется, а тот промежуток, который разделяет варяга Рюрика, пришедшего править на Русь и ставшего основателем династии, и уже последующих Рюриков, которых отделяло от него много поколений [НД-8], –*

либо возражения:

***Гудков.** <...> Миф о героическом одиночке социографе, пионере, вообще говоря, это чистый миф. Потому что Кинси не начинал с пустого места. Он применил аппарат: этику, методологию, аппарат, разработанный в одной области, для новой области...*

***Левинсон.** Я хотел бы, чтобы у аудитории не создалось ложное впечатление, что я утверждал то, что, по мнению коллеги, я утверждал. Нет. Ниоим образом. Когда я говорю «факт», то фактом я называю то, на что указал, и то, что своими концептуальными средствами выделил из среды и ввел далее в научный оборот вот этот исследователь. **Пионер он или не пионер – не важно.** Конечно, это факт. Вне института науки нет знания. Оно может как бы возникать, а дальше... [НД-9].*

Более того, важность/неважность какого-либо обсуждаемого участниками дискуссии феномена может стать, по сути, содержательным центром, вокруг которого строится целый ее смысловой блок:

***Вопрос из зала:** Правильно ли я вас понял, что социальная сторона эволюции происходит только вместе с биологической, то есть для анализа появления языка именно это важно?*

***Светлана Бурлак:** Социальная эволюция и эволюция коммуникативной системы, конечно, начинается вместе с биологической эволюцией. Но потом возможности поведенческого приспособления развиваются до такого уровня, что биологически эволюционировать уже не надо. Вот в этом смысле поведенческое приспособление – штука очень выгодная. <...> И, соответственно, социальная эволюция выходит в какой-то момент из-под контроля биологической эволюции. Она начинает идти уже сама по себе. Но в какой момент это происходит, я не возьмусь сказать. В какой-то момент это явно происходит, и мы выходим из-под контроля окружающей среды, естественного отбора в довольно сильной степени.*

Вопрос из зала: Но для формирования языка это не важно?

Светлана Бурлак: В какой момент это происходит – не важно, потому что та цепочка этапов, которая в итоге приводит к появлению языка, – от нее все равно никуда не деться, независимо от того, какой вид будет это делать [НД-10].

Возможны также варианты, когда важность/неважность какого-либо феномена расценивается с точки зрения определенной интерпретирующей системы координат; иными словами, в подобных контекстах речь идет не о том, что одно явление/свойство существенно, а другое явление/свойство несущественно, как в контекстах выше, а о несовпадениях в оценке значимости одного и того же явления/свойства в различных интерпретационных условиях, ср. следующие разновидности реализации этой оппозиции:

– важно в объективной реальности – неважно в мире текстов:

*Приведу пример. Брахман, дервиш, даос имеют относительно мало общего, если брать контексты соответствующих культур: индийской, мусульманской и китайской. Тем не менее, в повествовательном фольклоре они будут значить примерно одно и то же, выступая в роли мудрых советчиков или помощников героев. Собственно, для фольклора и фольклорного текста в данном случае **безразличны** их социокультурные характеристики, однако они станут **очень важны**, как только мы выйдем за пределы сказочного текста и займемся этими же самыми персонажами в рамках соответствующих культур и соответствующих традиций [НД-11];*

– важно в теоретическом отношении – несущественно с практической точки зрения:

*Вы говорили про модели. Да, наверное, **очень существенно** для науки и хорошо с точки зрения развития мысли строить модели и т. д. Но, честно говоря, все модели, особенно такого большого масштаба, **не служат никаким руководством к действию**, они служат скорее для формирования ментальной ткани [НД-12];*

– неважно в один исторический период (и соответственно в одной теоретической парадигме) – важно в другой:

*И вот почему, мне думается, столь необходимо в данных условиях изучать не только движения, не только партийные документы, не только нормативную часть жизни, но и ту часть жизни, которая именуется обыденностью, повседневностью, бытом, если хотите – в этнографическом отношении. Потому-то **эти темы мужчинам-историкам долгие годы казались не самыми интересными и важными, совершенно второстепенными** по отношению к истории политики, дипломатии, военного дела, высокой философии и культуры,*

*что тема домашнего и семейного дальше от темы контроля и подконтрольности. Человек у себя дома менее подконтролен, чем на работе. А ведь именно приватная, домашняя сфера была женской сферой, и изучение ее эволюции, представлений о том, что считалось значимым и важным для женщин и мужчин, **мне кажется необычайно существенным**. Изучение этих тем подсказывает ответы на многие вопросы сегодняшнего дня [НД-13].*

К этой же группе смыслов, на наш взгляд, целесообразно отнести и те классы оппозитивных контекстов, в которых акцентируется субъектный (и в силу этого неизбежно субъективный) аспект релевантности.

Участниками научного диалога, как правило, хорошо осознается естественность как плюралистичности высказываемых мнений, так и субъективизм ранжирования научной информации с точки зрения ее важности/релевантности. Поэтому для научной дискуссии (в отличие от монологических жанров научного дискурса) очень характерна экспликация субъекта в безличных конструкциях типа *мне важно, что...*, и *это важно для меня* и под. В ряде случаев такое акцентирование субъективного характера релевантности окрашивается в выразительные экспрессивные тона, подчеркивающие особую эмоциональную вовлеченность говорящего в проблемный контекст дискуссии, что придает ей неповторимо личностный характер:

*Согласитесь, что это определенный тип сознания, он по-своему мучителен (употреблю это уже прозвучавшее слово). Он мучителен для самого человека и для исследователя тоже. Но я хотел передать вам это мое чувство, а не только позитивное знание. **Мне вообще интересно и важно понимать**, что здесь и сейчас происходит со мной, мне подобными, не подобными мне, но живущими рядом со мной. Для меня это предмет первейшего интереса, равно как и для моих коллег. Здесь меньше всего дряблости, равнодушия, презрения по отношению к этим людям. Они нам чрезвычайно интересны, хотя, конечно, далеко не всегда приятны [НД-7].*

Отрефлексированность того обстоятельства, что «важное для меня» не обязательно является «важным для других», нередко специально оговаривается; ср. характерный фрагмент реплики научной дискуссии, в которой говорящий, во-первых, эксплицитно фиксирует неизбежность различных точек зрения на то, какие вопросы считать важными/неважными, а во-вторых, дистанцируется от оценки авторских различий при таком ранжировании в рамках оппозиций «хорошо – плохо», «правильно – неправильно»:

... тем не менее, этот подход оставляет вообще за бортом целый ряд важнейших вопросов. Каких? Я опять должен оговориться, что это не упрек Лотману, что он чего-то не видел. Какие-то вопросы можно поставить, на какие-то вопросы можно ответить в рамках научного анализа, только когда ты большое количество вопросов оставляешь за бортом [НД-14].

Это не значит, что различия в таком ранжировании в принципе не могут быть предметом дискуссионного обсуждения. Напротив, такое обсуждение вполне естественно и зачастую носит эксплицитный характер, акцентирующих одну из двух оппозиций: «вы считаете, что это важно – я считаю, что это неважно» либо «вы считаете, что это несущественно – я считаю, что это существенно», ср.:

*Дятлов В. И. <...> Я бы разделил это. Брак – это государственно-правовое состояние, он определяет статус, вид на жительство и т. д. Это отношения человека и государства. Межчеловеческие отношения – это отдельный аспект, другая плоскость проблемы. Некоторые браки подставные, но большая их часть реальные, настоящие. Исследовать внебрачные отношения, сами понимаете, сложно. И я не совсем понимаю, зачем. Я убежден в том, что в генах этнические качества не передаются. Этничность – это проблема культурная. **Неважно, какой разрез глаз у человека, важно, в какой среде он воспитывается, растет и через какие механизмы социализируется.** Поэтому мне представляется, что это вообще не проблема.*

*Лиштованный Е. И. <...> Я недаром задал вопрос о браках не легального характера, сожителства и пр., это проблема историческая. **В. И. Дятлов говорил, что неважно, какой разрез глаз, но мне кажется, это один из коренных факторов** возможного будущего народов на этой огромной малонаселенной территории [НД-15].*

2. Прагматическая полифункциональность. Проанализированное многообразие высказываний, так или иначе фиксирующих неважность какого-либо предмета обсуждения, предполагает и разнообразие решаемых при этом прагматических задач.

Во-первых, несущественная информация может выступать в качестве фона, на котором особенно рельефно выглядят принципиально важные для автора суждения/утверждения/факты:

*В стране могут жить и работать прекрасные ученые или плохие ученые, **это не важно; важно, что в стране при этом просто не будет науки.** В России сейчас сложилась именно такая ситуация [НД-16];*

Речь идет о том, что язык передается не генетическим путем. Действительно, любой человек может выучить любой язык, если

в соответствующий период своей жизни, в раннем детстве, он получает доступ к этому языку. И какие у него гены, какие у него биологические родители, будет **неважно** [НД-10].

Во-вторых, такой способ подачи информации позволяет автору четко ранжировать обсуждаемые сущности по степени значимости (для реализации этой прагматической задачи особенно характерно использование компаративов), ср.:

Конечно, необходимо вернуть престиж словарям, но еще **важнее** лингвистам внедриться в мир компьютеров, я уже говорил, что программы по проверке грамотности портят грамотность [НД-17];

Вопрос из зала: Это какой-то социальный фактор – или лингвистический тоже?

Евгений Головкин: Когда мы будем говорить о том, как появляются языки во всех смыслах, неважно, это носитель какого-то диалекта объявляет, что у них свой язык, или, наоборот, у них из пиджина получается. Тут как раз социальные вещи **очень важны**, они оказываются **важнее** собственно лингвистических черт.

<...> Я бы сказал так: структурные вещи **менее значимы** по сравнению с социолингвистическими, особенно когда мы ведем речь о том, как языки появляются, а о пиджинах даже и говорить не приходится – конечно, **важнее** [НД-18].

В обоих случаях апелляция к важности/неважности позволяет также направлять восприятие аудитории в нужном направлении, превентивным образом блокируя возможное отвлечение адресата на детали, которые адресант расценивает как заслуживающие упоминания, но не слишком существенные в контексте дальнейших рассуждений:

По современным представлениям (не генетическим), Земля возникла более 4 млрд. лет назад, а жизнь на Земле появилась примерно 3,8 млрд. лет назад. <...> Эта цифра не очень точная, но **нам с вами это не важно, а важно только то**, что жизнь появилась [НД-19].

В-третьих, ссылка на малозначительность какой-либо информации позволяет объяснить некоторые лакуны в авторском изложении:

Так уже в самом начале существования китайской поэзии она стала объектом решительного толкования, и в дальнейшем вся поэзия, так или иначе, служила объектом интерпретационных, комментаторских манипуляций. В общем, все 3000 с лишним лет, которые она просуществовала, она таковой и оставалась. Вот это одно из самых важных свойств китайской поэзии. **Я намеренно избегаю какого-то исторического изложения того, какие этапы проходила китайская поэзия. Это, по-моему, не так важно, об этом легко прочитать. Но то, что китайская поэзия сложилась как сумма тек-**

стов, каждый из которых может быть истолкован разнообразно, вплоть до самых противоположных толкований, – это одна из ее фундаментальных особенностей [НД-20].

Естественно, вполне возможны контексты, в которых автор одновременно решает сразу несколько из названных прагматических задач.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что в научной коммуникации высокой степенью содержательной вариативности и прагматической значимости отличается актуализация не только релевантной (важной, значимой, существенной) информации, но и информации, расцениваемой как малорелевантная, не очень важная и не самая существенная. Особенно важно подчеркнуть, что именно научная дискуссия, в силу полемичности этого жанра и полифоничности представленных в нем мнений/суждений, создает специфический коммуникативно-эпистемический контекст, заметно активизирующий обсуждение информации с точки зрения данного параметра и порождающий специфические и интересные семантико-прагматические нюансы его интерпретации.

4. ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ КАК МНОГОЖАНРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Проблеме жанровой вариативности научного дискурса посвящено немало работ [75, 103, 31, 44 и др.]. Однако до сих пор открытыми остаются вопросы, касающиеся жанрового статуса отдельных речевых событий в поле научного общения.

К одному из таких событий относится защита диссертации на соискание ученой степени (кандидата или доктора наук). Так, в ряде исследований, рассматривающих феномен научной коммуникации, защита диссертации (далее – ЗД) квалифицируется как жанровое образование в структуре научного дискурса [75, 103 и др.], в то время как в других работах [31, 44 и др.] ЗД вообще не упоминается в числе жанровых разновидностей научной речи.

В связи с очевидной разницей подходов к интерпретации статусных характеристик защиты диссертации (ЗД) возникает необходимость уточнения ее места в пространстве научного общения.

Остановимся на данной проблеме подробнее.

С лингвистической точки зрения защиту диссертации можно определить как речевое событие, состоящее из последовательности коммуникативных эпизодов: доклада диссертанта, научной дискуссии, выступления оппонентов, отзыва научного руководителя, а также сообщения эксперта по автореферату и некоторых других. Из данного определения становится понятным, что ЗД представляет собой гетерогенное образование, объединяющее в своих рамках ряд коммуникативных фрагментов.

В то же время такая трактовка не конкретизирует характер связей отдельных эпизодов изучаемого феномена друг с другом и с ЗД как цельным образованием, а также не показывает положение ЗД в жанровой системе научного дискурса, что обуславливает необходимость постановки и решения вопросов о том:

1) является ли ЗД самостоятельным жанром научного общения (или ограничивается статусом коммуникативного события);

2) можно ли рассматривать элементы ЗД, например доклад диссертанта, последующую дискуссию и проч., в качестве отдельных научных жанров (или их стоит причислять к разновидностям научной дискуссии вообще и научному докладу как таковому).

Рассмотрим каждый из этих вопросов последовательно.

1. ЗД – речевой жанр или исключительно коммуникативное событие? Квалифицировать защиту диссертации в качестве *коммуникативного события* в рамках научного дискурса можно на том основании, что ее специфика полностью согласуется с популярным определением речевого события как «социальной конвенциональной формы организации коммуникативной и практической деятельности участников общения» [26, с. 38]. Кроме того, ЗД характеризуется наличием обязательных для речевого события свойств, а именно *композиционностью, членимостью, динамичностью, или процессуальностью* (в терминологии И. Н. Борисовой [26, с. 38]), и *кульминативностью* [9, с. 519].

Что же касается *жанрового* потенциала ЗД, то об однозначности его истолкования говорить не приходится.

Так, обращение к классическому определению речевого жанра, которое предлагается *функциональной стилистикой* и сводит жанр к *языковому воплощению и композиционной форме* речемыслительного произведения, не позволяет интерпретировать ЗД в качестве независимого жанрового образования, так как защита диссертации – это феномен, отличающийся неоднородностью лингвистических и композиционных признаков, обусловленной способностью ЗД сочетать в себе черты как монолога, так и диалога.

Учитывая функционально-стилистические взгляды на сущность ЗД, можно сказать, что ЗД не только не является элементом жанровой структуры научного дискурса, но и сама образует свою собственную жанровую систему, компоненты которой (доклад диссертанта, отзыв научного руководителя/диссертанта, научная дискуссия, критика оппонентов и проч.) составляют ее поле. Значение этих жанровых компонентов, представляющих ЗД, настолько велико, что может сложиться впечатление, будто ЗД лишается возможности быть полноценным инструментом анализа и вербального представления действительности и нуждается в предварительном истолковании реальности иными жанрами. ЗД, таким образом, представляет собой лишь следствие и результат объединения исходных речевых жанров.

Однако опора на принципы *дискурсивного подхода* к трактовке жанра, отстаивающего идею о том, что жанр не исчерпывается композиционной формой общения и языковым воплощением, а требует учета характеристик участников, обстоятельств и целей общения, позволяет взглянуть на жанровые возможности ЗД совсем по-другому. Поскольку с дискурсивных позиций под жанром фактически подразумевается нормативный тип общения, который образуется стандартным составом участников, определенным хронотопом, дискурсивными

формулами и др. компонентами [75], то ЗД по праву можно рассматривать в качестве полноценного жанрового формирования, ведь данное коммуникативное событие обладает всеми перечисленными выше признаками: устоявшимся составом участников (диссертационный совет, соискатель степени, научный руководитель/консультант, оппоненты и др., речевое поведение которых подчиняется строгим требованиям формализованной процедуры защиты диссертации), обстановкой, целью (инициация нового ученого), дискурсивными формулами, актуализирующимися в клишированных фразах (*В целом диссертационная работа выполнена на высоком научном уровне. Эти замечания не снижают общей высокой оценки научной и практической значимости результатов работы. Структура и содержание диссертации соответствуют целям и задачам исследования. Основные результаты работы прошли достаточную апробацию. Вы удовлетворены ответом соискателя? Хотелось бы поблагодарить глубокоуважаемого председателя и глубокоуважаемых членов диссертационного совета и всех присутствующих в зале гостей за внимательное отношение к моей работе, за дискуссию.*) и т. д. (см. подробнее характеристику компонентов ЗД как речевого жанра в работах В. И. Карасика [75, с. 340]).

Кроме того, ЗД обладает тематической и/или логико-прагматической завершенностью и, в отличие от составляющих ее компонентов, является совершенно законченным действием как в содержательном, так и структурном плане. Что же касается вставных жанров, формирующих ЗД, то рассматривать их в качестве абсолютно законченных эпизодов было бы не совсем корректно, так как они функционирует не самостоятельно, а в составе других, более крупных событий, в данном случае – защиты диссертации.

Таким образом, с дискурсивных позиций, защита диссертации предстает как цельное образование, как комбинация нескольких неразрывно связанных и тесно взаимодействующих друг с другом жанров.

Безусловно, говорить при этом, что защита диссертации как научный жанр занимает одно из центральных мест в жанровой иерархии научного дискурса, невозможно, так как ЗД не соответствует ни функционально-стилистическим критериям жанровой прототипичности (например, фактору первичности), ни конститутивным признакам научного дискурса (в частности, ориентирована не на решение научной проблемы, а инициацию нового ученого). Тем не менее коммуникативно-прагматический подход к анализу ЗД все же позволяет по-

следней найти свое место в жанровой организации научного дискурса и наделить ее основными свойствами речевого жанра.

Из сказанного можно заключить, что дать однозначную оценку жанрового статуса ЗД в поле научного дискурса нелегко, поскольку каждый лингвистический подход оценивает жанровые возможности ЗД по-своему. Так, если опора на дискурсивные критерии жанра позволяет признать защиту диссертации жанровым феноменом в поле научной коммуникации, организованным целым, состоящим из тесно сплетенных и нанизанных друг на друга действий, то функционально-стилистическое направление дает представление о ЗД как о нежанровом образовании, находящемся за пределами устойчивой, сложившейся системы научных жанров.

2. Жанровые возможности разновидностей общения, составляющих речевое событие «защита диссертации». Итак, будучи неоднородным явлением в жанровой системе научного дискурса, защита диссертации представляет собой структуру, состоящую из ряда речевых жанров, основными из которых являются доклад соискателя, последующая дискуссия, отзыв научного руководителя, критика оппонентов и выступление эксперта по автореферату.

Обращение к проблеме жанровой стратификации ЗД неизбежно вызывает вопрос о том, как соотносятся, например, доклад соискателя на ЗД и доклад выступающего на научной конференции или дискуссия во время ЗД и обсуждение научной проблемы на научном семинаре, следует ли разграничивать эти очевидно сходные речевые эпизоды (и рассматривать их в качестве самостоятельных жанров в поле научного дискурса) или фактически отождествлять (и трактовать в качестве разновидностей одного и того же жанра).

Необходимость постановки данного вопроса бесспорна, так как оценка степени самостоятельности близких коммуникативных явлений представляет собой интересную и важную исследовательскую задачу, решение которой может способствовать уточнению жанровой номенклатуры научной коммуникации и предполагает сравнение сходных речевых феноменов с точки зрения функционально-стилистического (языкового и композиционного) и дискурсивного (целевого, хронотопического и др.) параметров.

Так, опора на указанные критерии позволяет, по нашему мнению, относить такие эпизоды ЗД, как отзыв научного руководителя, критика оппонентов и выступление эксперта по автореферату к уникальным и самобытным жанрам, не имеющим аналогов за пределами коммуникативного события «защита диссертации». Конечно, названные жанры имеют точки соприкосновения с другими разновидностями

ми общения в системе научного дискурса, а именно рецензией на научную статью и научным докладом. Однако даже беглое сравнение структуры, формы (устной или письменной), объема, целей, хронологии и др., например, речи оппонента во время ЗД и рецензии на научную статью дает основание констатировать жанровую специфичность каждого из них и невозможность их отождествления.

Не так однозначно дела обстоят с другими жанрами, составляющими ЗД, в частности с научной дискуссией (обсуждением результатов работы соискателя, аспектов его исследования), неизменно следующей за докладом диссертанта. Так, возникает вопрос о том, стоит ли признать дискуссию на защите диссертации автономным жанром в жанровой системе научной коммуникации, который стоит отдельно от других видов научного диалога – дискуссии на научной конференции, семинаре, за круглым столом и т. д., или они представляют собой настолько близкие коммуникативные феномены, что их целесообразно рассматривать в качестве разновидностей единого макрожанра.

Чтобы подтвердить или опровергнуть состоятельность полемической части ЗД как самостоятельного жанра, необходимо сравнить ее характеристики со свойствами сходных коммуникативных явлений.

Ниже и с учетом ряда критериев (*структурного, языкового, категориального, речеактового и тактико-стратегического*) представлен сопоставительный анализ научного диалога/научной дискуссии (НД) во время защиты диссертации и диалога/дискуссии на научном семинаре. Выбор НД на семинаре в качестве объекта сопоставления мотивирован тем, что он является обратно пропорциональным (с точки зрения регламентированности) НД на ЗД. Так, максимально ритуализованный научный диалог на защите диссертации характеризуется строгим распределением коммуникативных ролей, при котором диссертант как главный участник обсуждения может занимать исключительно аргументирующую позицию, т. е. отстаивать и защищать свои научные взгляды.

В отличие от НД на ЗД, коллективное обсуждение научной проблемы на научном семинаре, состав участников которого сложился, представляет собой довольно свободную дискуссию, во время которой любой присутствующий, независимо от того, является он докладчиком или нет, может взять слово и высказаться по соответствующему поводу.

Различия в статусных характеристиках участников и обстоятельствах общения, обнаруживаемые между свободным НД на научном семинаре и строго регламентированным НД на защите диссертации

ции, обуславливают специфику каждого из этих видов обсуждений, в том числе структурную и речеактовую.

2.1. Структурная и речеактовая организация научного диалога во время защиты диссертации в сравнении с соответствующими характеристиками диалога на научном семинаре. По нашим наблюдениям, к *основным структурным и речеактовым особенностям НД во время ЗД* следует относить следующие.

Во-первых, ведущей композиционной моделью данного вида НД является *вопросно-ответная*, например: *ЧЛЕН СОВЕТА: Где может быть локализован, по Вашему мнению, хлоропластный рецептор цитокинина: на мембране хлоропластов или в органеллах? – ДИССЕРТАНТ: Предварительные данные, полученные нами, говорят о том, что, возможно, хлоропластного рецептора нет, поскольку цитокинин не активировал транскрипцию генов в изолированных хлоропластах. Однако, помимо вопросно-ответной, дискуссия на защите диссертации может выстраиваться и по другой схеме – полемической*, согласно которой реплики члена совета содержат элементы критики позиции соискателя, например: *ЧЛЕН СОВЕТА: Вы полагаете, что за это время перераспределение жидкостных сред уже происходит? – ДИССЕРТАНТ: За это время, во-первых, несколько меняется ... ФОЭ точно меняется <...>. Поэтому уже начинают происходить подобные механизмы. – ЧЛЕН СОВЕТА: Я просто хочу заметить, что в течение этих восьми минут происходит некая динамика этой реакции <...>. Поэтому просто все время на перераспределение кивать и пытаться его использовать как пусковой механизм во всех точках измерения, наверное, неправильно. – ДИССЕРТАНТ: Поэтому я также говорю и о сопротивлении дыхательному потоку, об изменении эластичности мышцы <...>. В приведенном фрагменте диалогического взаимодействия диссертант в ответ на замечание члена совета защищает собственную позицию, хотя зачастую соискатель просто соглашается с критикой, принимает программу, предлагаемую инициатором общения (*Я согласен, и эту ошибку учту. Спасибо.*).*

Во-вторых, диалогические единства, составляющие дискуссию на защите диссертации, как правило, ограничиваются двумя или четырьмя репликами (см. примеры выше), что обусловлено формализованным характером ЗД, а также ее целями и задачами. Тем не менее даже на ЗД могут появляться многорепличные образования, состоящие из восьми и более репликовых шагов и демонстрирующие высокий потенциал научного диалога как инструмента общения и обсуждения научных проблем (*ЧЛЕН СОВЕТА: Скажите, пожалуйста. Ну, во-первых, работа у Вас экспериментальная. Вы ни разу не про-*

изнесли слово «погрешность». Вопрос состоит в том, с какой погрешностью производятся эти измерения. Потому что там на 2–3% что-то куда-то сдвинулось, где-то на больше 10–20%. – ДИССЕРТАНТ: Мы использовали стандартную методику термоанемометрических измерений. – ЧЛЕН СОВЕТА: Это понятно. Погрешность какая? Я же не говорю об оценке доверительного интервала. – ДИССЕРТАНТ: Сам термоанемометр с точностью до 1% измеряет. При проведении осреднения точность несколько повышается в зависимости о количества. – ЧЛЕН СОВЕТА: В экспериментальной работе это полагается приводить. – ДИССЕРТАНТ: Специально, да, это не исследовалось. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА: – В диссертации, наверное, есть, а здесь он не привел. – ДИССЕРТАНТ: Там ссылка на другие исследования).

В-третьих, смена реплик в дискуссии во время ЗД обычно носит упорядоченный характер, при котором не нарушается естественный ход диалога и при котором вопрос или критическое замечание инициатора общения сменяется ответной репликой. Конечно, в некоторых случаях диалогическое взаимодействие на защите диссертации, как и любое другое живое общение в режиме реального времени, может отклоняться от стандартной схемы смены реплик и допускать такие варианты развития, как появление вопроса диссертанта в ответ на вопросительную реплику члена совета, например: ЧЛЕН СОВЕТА: *Я все-таки хочу четко представить себе: в чем суть Вашей модели? Как удалось Вам повысить оценку информативности признаков? Вы представляете новый способ оценки информативности. Принципиально новый, отличный от способа Шеннона или кого угодно. В чем все-таки суть?* – ДИССЕРТАНТ: *Вы имеете в виду модели количества информации или математические модели оценки признаков?* – ЧЛЕН УЧЕНОГО СОВЕТА: *Нет, физически, на конкретном Вашем примере. То есть физическая ситуация и пример реализации Вашей модели.* Понятно, что подобная модель развития речевого взаимодействия встречается на ЗД значительно реже, чем стандартная, однако она является вполне приемлемой даже для такого строго ритуализованного речевого события, как защита диссертации, и используется для устранения коммуникативных трудностей, возникших в ходе диалога.

Что касается **НД на научном семинаре**, то, в принципе, она имеет сходные черты и строится по аналогичным моделям, то есть может характеризоваться как вопросно-ответной, так и полемической структурой, а также как естественной сменой реплик, так и нарушенной организацией речевых партий коммуникантов. Разница между

дискуссией на семинаре и дискуссией на защите диссертации заключается в количественной представленности того или иного типа организации диалога. Так, диалог на научном семинаре развивается в полемическом направлении намного чаще, чем НД во время ЗД. Кроме того, диалог на семинаре нередко отличается непредсказуемой сменой реплик, когда предугадать вербальную реакцию речевого партнера практически невозможно: коммуниканты навязывают речевую инициативу друг другу или, наоборот, отстраняют собеседника от нее: вопрос сменяется очередным вопросом, несогласие – ответной критикой, в результате чего диалогическое единство превращается в многорепличное образование и обогащается элементами некооперативного поведения, например: (1): *И что из этого? <...> Еще напиши: мужское и женское мышление.* <...> – (2): *Мужского и женского здесь нет, потому что это несущественно.* – (1): *Нет просто потому, что у тебя в голове этого нет, а остальное есть, вот и все. Ты ассоциативно двигаешься. Ты же сторонник ассоциативной теории мышления.* – (2): *Это что еще такое?* – (1): *Была такая теория у англичан, которые утверждали, что мышление строится по ассоциациям.* – (2): *Не мышление, а сознание.* – (1): *Они-то думали, что мышление. А ты реализуешь этот принцип в своей бурной деятельности.* – (2): *Ничего подобного.* – (1): *А теперь давай выйдем из твоего доклада во внешнюю позицию <...>. Какой вывод мы должны сделать?* – (2): *Вывод из этого?* – (1): *Из этого.* <...> *Есть соображения? Или подумай, додумаешь тезис – выступишь.*

Данный диалогический отрывок представляет собой сочетание сразу нескольких моделей взаимодействия – вопросно-ответной и полемической, и характеризуется как нормальной сменой реплик, так и нарушающей естественный ход диалога. Как видно из примера, подобные комбинации различных типов взаимодействия в рамках одного диалогического единства зачастую сопровождаются несоблюдением принципа вежливости и толерантности (перебиванием, навязчивой передачей слова и под.). Однако, несмотря на то, что нарушения принципов кооперативного поведения во время НД на научном семинаре распространены в большей степени, чем на защите диссертации, они не носят регулярный характер и, соответственно, не являются жанрообразующим признаком, позволяющим рассматривать диалог на ЗД и диалог на семинаре в качестве двух автономных жанров.

Другими словами, в структурном и речеактовом отношении между диалогом на ЗД и на семинаре обнаруживается больше сходств (вопросно-ответная реализация, а также актуализация в виде обмена мнений, зачастую конфликтующих), чем различий, в связи с чем их

целесообразно считать двумя разновидностями одного жанра научного общения – научного диалога.

2.2. Языковые (лексические и грамматические) особенности диалога на защите диссертации и семинаре. Основной словарный фонд как научной дискуссии во время ЗД, так и НД на семинаре представлен терминологической и абстрактной лексикой, вопросительными словами, специфическими метаязыковыми сигналами (например, фатическими маркерами начала и окончания диалога и проч.) и т. д.

Однако в дискуссии на семинаре, помимо традиционных лексических ресурсов научной коммуникации, обнаруживаются и не типичные для научного общения вербальные единицы, а именно разговорные и эмоционально-окрашенные средства, например: *В начале девяностых годов я называл эту стратегию словом молодежного сленга – **пофигизм**. Я разговаривал тогда с одним крупным иркутским чиновником и политиком, предлагал программу изучения китайцев. Он ответил, что это не проблема. <...> Через год тот же самый политик стал говорить о **желтой** угрозе. <...> Это значит, что возникнет **огромный** спрос на рабочую силу, причем той квалификации, по которой специализируется Китай. А это, в свою очередь, означает большой приток мигрантов. Кто у нас к этому готовится? Никто. И когда они **прихлынут**, опять начнется – **ой**, китайцы, китайцы).* Вероятно, наличие стилистически сниженных и экспрессивных языковых ресурсов в рассматриваемом виде общения вызвано его относительно свободным характером, стремлением коммуникантов донести информацию до адресата в емкой форме.

Безусловно, сигналы разговорной речи составляют лишь периферийную область лексического пласта НД на семинаре, в то время как его ядерная часть, представленная терминологией, абстрактными словами и др., совпадает с основными лексическими свойствами НД на защите диссертации, что свидетельствует а) о несостоятельности каждого из рассматриваемых коммуникативных событий как отдельных и автономных жанров и б) говорит о возможности их истолкования в качестве двух разновидностей одного и того же жанрового образования – научного диалога.

Между грамматической организацией НД на защите диссертации и НД на семинаре также обнаруживаются некоторые различия. В частности, дискуссия на семинаре может характеризоваться личными способами выражения авторского «я» (с помощью местоименно-глагольных, местоименных и глагольных форм 1-го лица: ***Я хочу** высказаться насчет консолидации русского и немецкого народов. Когда традиционно с некоторых пор в Германии стучат друг на друга, со-*

сед на соседа, **мне** такая норма не нужна. **Мое** отношение к этому вопросу непростое, но для **меня** давно уже ясное. <...>). Кроме того, для прямого обращения к партнеру по общению на семинаре может легко применяться дейксис второго лица единственного числа (*Дальше понятно, на что **ты** нарываешься: это рождает агрессию, а в результате агрессии уж точно не будут цитировать*), так как коммуниканты, хотя и взаимодействуют в рамках институционального общения, в той или иной степени знают друг друга лично, что не может не сказываться на персонологическом измерении данного вида речевого взаимодействия.

В отличие от семинара, на НД во время защиты диссертации для обращения к партнеру используется местоимение второго лица исключительно множественного числа (*Евгений Сергеевич, у меня еще есть вопросы. Значит, вопрос по поводу поз. Значит, меня очень радовало, когда **Вы** говорили АНОК...*). Помимо этого, на заседании диссертационного совета с целью указания на самого себя соискатель также употребляет дейксис множественного числа (*Дело в том, что при исследовании вентиляционной реакции на гиперкапнию и гипоксию, **мы** обнаружили, что при постуральных изменениях реакция дыхательного объема (глубины дыхания) она более выражена по отношению к этим постуральным изменениям <...>*), в то время как член диссертационного совета как правило употребляет личные формы выражения авторского «я» (*Значит, вот **я** Вам задам следующие вопросы, на которые **я** не нашла ответа в автореферате, диссертацию **я** Вашу не видела, поэтому не удивляйтесь ... **я** не получила нигде, никаких разъяснений на объяснения названия Вашей диссертации*).

Что же касается других грамматических параметров НД на семинаре, то они в основном совпадают с параметрами ЗД. Так, в обоих коммуникативных событиях обнаруживаются сигналы письменной научной коммуникации и в то же время средства обыденно-разговорного дискурса. Так, например, развернутые ответы, способствующие реализации таких категориальных качеств научной речи, как ясность, эксплицитность и под., могут успешно соседствовать с редуцированными и эллиптическими репликами (*Документально. Не по-методологически. Надо!*), что является нормой для любого устного диалога, в том числе и научного.

Специфические же грамматические ресурсы, присущие НД на научном семинаре, придают колорит и коммуникативный «шарм» данному виду общения, но не отличают его принципиальным образом

от НД на защите диссертации и, следовательно, не позволяют квалифицировать диалог на семинаре в качестве самостоятельного жанра.

Таким образом, анализ лингвистического оформления обсуждения проблемных вопросов во время защиты диссертации и НД на семинаре свидетельствует в пользу единой жанровой природы этих двух речевых событий.

2.3. Категориальные качества диалога на защите диссертации и научном семинаре. К основным признакам научного дискурса традиционно относятся логичность, объективность, точность, эксплицитность, неэмоциональность, сжатость и некоторые др., которые легко сочетаются с другими, прямо противоположными категориями и качествами научной речи, в частности оценочностью, акцентностью, экспрессивностью, имплицитностью и др.

Способность реализовываться в рамках оппозиции «эксплицитность — имплицитность», «неэмоциональность — экспрессивность» и т. д. является особенностью и научной диалогической речи. При этом, однако, в диалоге на научном семинаре амбивалентный характер категориальных свойств проявляется намного ярче и сильнее, чем в дискуссии на защите диссертации.

Так, например, с целью опровержения системы аргументации оппонента участники семинара зачастую используют как прямую (эксплицитную), так и косвенную (имплицитную) критику, маскирующуюся под ссылку на непонимание, предположение, например: *Я не понимаю этого замечания, хоть застрелите меня: «нет пространства, в котором сделаны эти утверждения». Есть это пространство.* В данном случае для выражения несогласия с собеседником используется псевдонепонимание (*Я не понимаю этого замечания, хоть застрелите меня*), которое сразу же сменяется формулировкой собственных взглядов, недвусмысленно сообщающих о непринятии позиции речевого партнера (*Есть это пространство*) и, следовательно, о маскировочном характере непонимания.

Аналогичная коммуникативная ситуация может наблюдаться и в дискуссии на защите диссертации, где несогласие в ряде случаев формулируется в качестве вопроса-уточнения, предположения или предложения взглянуть на проблему по-другому: *Вы говорите о регуляции цитокинином транскрипции хлоропластных генов. Не кажется ли вам правильное говорить о влиянии гормона на транскрипцию, или, как сказано в одном из ваших выводов, — об участии гормона в процессе регуляции?* или *Не кажется ли Вам, что Вы опасно дублируете объект исследования и предмет исследования?*

Если имплицитная (замаскированная) критика обусловлена необходимостью избегать резких оценок, смягчать и маскировать несогласие, то эксплицитная служит для прямого указания на «слабые» места позиции оппонента. Что же касается одновременного использования двух способов выражения критики – эксплицитного и имплицитного, то такое речевое поведение обусловлено, вероятно, стремлением коммуникантов акцентировать внимание на определенной информации, сделать ее более выразительной и значимой.

Эксплицитной и имплицитной формам реализации подвержено не только выражение критики, но и формулировка отказа от речевой инициативы, то есть демонстрации невозможности или нежелания предоставить запрашиваемые собеседником сведения, причем в не-прямых отказах отвечать представлена лишь мотивировка/обоснование отказа, а сама констатация неспособности/нежелания отвечать отсутствует.

Имплицитные отказы от речевой инициативы обычно осуществляются в форме переадресации вопроса другому участнику диалога (*Этот вопрос Вы должны адресовать себе*), ссылки на источник (*Ну, почитай внимательно книжку. Там это различено*) и проч., а их использование вполне согласуется с таким признаком научной речи, как сжатость и конденсированность.

Помимо упомянутых выше признаков научной речи, научный диалог также характеризуется такими категориями и качествами, как вежливость и толерантность. Однако, по нашим наблюдениям, принципы толерантного и вежливого общения регулярно нарушаются в полемическом обсуждении на научном семинаре, в то время как НД во время ЗД максимально соответствует нормам конструктивного общения. В этом и заключаются основные различия между категориальной организацией двух анализируемых коммуникативных событий.

Очевидно, что нарушения норм институциональной коммуникации на семинаре, проявляющиеся в перебивании речевого партнера, навязывании вербальной инициативы, экспрессивном характере выражения критики и проч., не отличаются многообразием, так как научный дискурс накладывает ряд ограничений на использование некооперативных форм речевого взаимодействия, которые могут негативным образом сказаться на развитии научного диалога. Тем не менее их представленность выделяет диалог на семинаре из числа других разновидностей научной дискуссии.

В целом различия, касающиеся категориальных качеств научной дискуссии на защите диссертации и НД на научном семинаре, не дают

оснований для дифференциации этих двух видов диалога на два разных жанра научного общения, потому что эти различия не носят ярко выраженного характера. Они свидетельствуют лишь в пользу глубины лингвопрагматического потенциала вербального взаимодействия ученых, изучение которого является перспективным исследовательским направлением в условиях возрастания роли научного общения и необходимости поиска наиболее эффективных способов ведения научного диалога.

2.4. Тактико-стратегическая специфика НД на защите диссертации и научном семинаре. Помимо речеактового, структурного, языкового и категориального, можно бы было обратиться и к другим критериям, позволяющим уточнить специфику научного диалога во время ЗД и акцентировать его отличия от сходных коммуникативных событий, например НД на научном семинаре. В частности, использование *тактико-стратегического подхода* к интерпретации научного диалога на защите диссертации позволяет увидеть, что представленная в ней диалогическая (интеррогативная) и оценочная стратегии, связанные с постановкой вопросов и выражением критики соответственно, реализуются, как правило, усилиями членов совета, в то время как соискателю отводится роль отвечающего, способствующего реализации семантической (информативной) стратегии. Что же касается дискуссии на научном семинаре, то в данном виде общения основные стратегии научного диалога актуализируются за счет действий абсолютно всех его участников (докладчика и других коммуникантов).

Однако в нашем случае тактико-стратегический анализ научной дискуссии едва ли отличается актуальностью, так как он напрямую соотносится с рассмотренной выше речеактовой трактовкой научного диалога и сформулированным в ее рамках выводом о том, что для дифференциации НД во время ЗД и НД на семинаре на отдельные жанры оснований фактически нет.

Таким образом, сравнение НД как структурного компонента защиты диссертации со сходными коммуникативными событиями указывает на необоснованность ее квалификации в качестве самостоятельного жанра, свидетельствует о целесообразности ее интерпретации как специфической разновидности научного диалога.

Обобщим сказанное в рамках нескольких тезисов:

1) жанровый потенциал такого коммуникативного события, как защита диссертации в поле научного дискурса можно определить, лишь исходя из специфики конкретного лингвистического подхода: так, если функционально-стилистический исследовательский ракурс

не позволяет отнести защиту диссертации к самостоятельному жанру научного общения, то с дискурсивных позиций 3Д уместно рассматривать в качестве автономного жанрового образования;

2) как с функционально-стилистической, так и дискурсивной точек зрения защита диссертации представляет собой многокомпонентное образование, объединяющее в своих границах следующие научные жанры: выступление докладчика, научную дискуссию, критику оппонента, отзыв научного руководителя и некоторые др.;

3) если одни эпизоды, составляющие 3Д, можно считать самобытными жанрами, не похожими ни на какие другие (отзыв научного руководителя, выступление оппонента и др.), то научную дискуссию на 3Д стоит признать не самостоятельным типом общения, а подвидом такого крупного жанрового образования, как научный диалог.

Многожанровость защиты диссертации – это не просто ее неотъемлемое свойство, а неоспоримое достоинство, так как способность сочетать монологические и диалогические, устные и письменные формы общения, каждая из которых характеризуется своеобразными целями и задачами, делает защиту диссертации особым коммуникативным образованием в поле научного дискурса в частности и в пространстве институционального дискурса в целом, действенным инструментом решения научных вопросов.

5. ДЕОНТИКА В ЖАНРОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Познавательные установки в науке о языке последних десятилетий демонстрируют убеждение, в соответствии с которым никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики. Обращение к дискурсу неизбежно ведет к анализу функционирования в нем семантических категорий, одной из которых является *модальность*. Находясь на пересечении двух бесконечных миров – субъекта и действительности, она предоставляет исследователю практически неиссякаемый источник материала. Несмотря на существующее огромное количество работ в области модальности, этот сложный феномен, раскрывающий отношение содержания высказывания к реальному положению дел, все еще получает новые векторы развития, определяя современные области его научной рефлексии.

1. Дискурс как поле, формирующее модальность. Дискурс, представляя собой совокупность высказываний относительно той или иной области, отражает различные аспекты реальности, «структурируя способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [155]. Дискурсивные отношения не столько репрезентируют реальность, сколько устанавливают ее, проблематизируют ее, делают возможным рассуждение о ней, поскольку «дискурс возникает там, где есть необходимость и где возникают действия, направленные на создание, закрепление, расширение или же ослабление и разрушение картины мира, сотканной из представлений, знаний, значений, высказываний и т. д.» [81, с. 6].

Дискурс есть практика, «которая систематически формирует объекты, о которой они (дискурсы) говорят, понятия, темы и *модальности*» (курсив наш) [157, с. 50, с. 92], и все они подчиняются определенному порядку. Модальность, понимаемая как «обновление точек зрения, содержаний, форм, стиля описания, использования индуктивных или вероятностных умозаключений, типов определения причинности» [157, с. 118], задает высказываниям динамику. Она определяет дискурс и определяется в дискурсе, поскольку «оказывается категорией, присущей языку в действии, и поэтому становится самой сущностью коммуникативного процесса» [41, с. 115].

Рассмотрение модальности как дискурсивной категории позволяет уйти от традиционного, но спорного деления ее на объективную

и субъективную, поскольку, несмотря на то что любая осмысленная система или убеждение являются *субъективной* интерпретацией, эта интерпретация определяется *социальным* окружением. В модальности реализуется позиция субъекта по отношению к разным областям или группам объектов, однако позиция не отдельного обособленного индивида, а субъекта того или иного дискурса, опыт которого сформирован этим дискурсом. Человек мыслит все объекты сквозь ограничивающую все завесу субъективности, однако дискурс не принадлежит субъекту высказывания, поскольку у дискурса есть свой субъект [149, с. 61]. Это так называемая «идеологическая» точка зрения, которая обозначает способ существования текстов в дискурсе, как явления скорее автономного по отношению к говорящему. Модальные значения и их формы выражения однозначно не производятся субъектом, но генерируются способом производства дискурса, который задается определенной «идеологической формацией» [118].

2. Деонтика как инвариантный параметр дискурса. В любом дискурсе происходит не только обмен информацией для координации убеждений о мире, но также выражаются нормативные взгляды и планы, что и как делать. Таким образом, на уровне дискурса деонтика выступает его стандартным параметром. Объектом данной работы становится дискурсивная реализация *конструкций с деонтической модальностью*. Обращение к данной разновидности модальности обусловлено тем, что человеком правят две фундаментальные модальности – «Я хочу и я должен», т. е. волитивность и деонтика. Последняя связана с принципом реальности [124, с. 351] и формируется под влиянием стремления организма к самосохранению. Являясь одной из базовых модальностей, обеспечивающих существование человека в социуме, деонтическая модальность представляет собой выражение отношения к действиям, своим или окружающих, по *непременному* созданию того или иного положения дел в мире.

Так, для описания дискурса Тойном ван Дейком предлагается ряд «семантических структур или аналитических категорий» [197, с. 12–13], среди которых он отмечает модальность – эпистемическую и деонтическую. Первая относится к уровню знаний (знание, мнение, вера), последняя касается вопросов нормативной организации социальных взаимоотношений (долг, вынуждение, разрешение, запрещение). Дж. Лайонз отмечает, что различие между деонтической и эпистемической модальностями в том, что эпистемическая связана с отношением субъекта к суждению: суждение о том, как устроен настоящий мир, тогда как деонтическая модальность связана с отношением субъекта к событиям и действиям: речь идет о том, как люди

должны вести себя в мире [233]. Деонтика выражает будущее, в то время как эпистемика связана с настоящим.

В свою очередь, Ф. Палмер выделяет три разновидности модальности: эпистемическую, предметно-ориентированную динамическую и деонтическую, подчеркивая, что она является *discourse-oriented* 'дискурсно-ориентированной' [243, с. 96–97; 241, с. 5–7, с. 35–38]. Эпистемическая модальность связана с отношением говорящего к факту суждения («Он не мог быть там вчера»); динамическая модальность относится к какой-то деятельности, качеству, статусу и т. д. субъекта («Он хочет прийти завтра»); деонтическая модальность связана с ролью «одного из участников в дискурсе» («Он должен прийти завтра»).

Системно-функциональная лингвистика (М. Халлидей) и социо-семиотический анализ дискурса обозначает эпистемическую модальность как модализацию, которая, выражая пропозициональное отношение знания/ мнения/ веры, выполняет метафункцию комментария. Так, М. Халлидей подчеркивает, что деонтическая модальность есть модуляция, она не имеет ничего общего с комментариями говорящего и является «part of the ideational meaning of the clause» 'частью идейного смысла высказывания', поскольку относится к акту, а не к пропозиции [212, с. 146–150]. Например, *Он должен прийти завтра*, «должен» выражает порядок; то, что не связано с отношением субъекта, но с содержанием того, что сказано. Следовательно, модуляция – это неистинная модальность, а квазимодальность [213].

Свойство преобразования, модализация, присуще модальности как ее основообразующая характеристика. Модуляция же есть перемена состояния, переход из одного состояния в другое, изменение характера состояния. Корни такого разделения в понимании М. Халлидея уходят в философскую феноменологию. Деонтика вводится соответственно безусловному статусу знания того, что есть. Д. Б. Зилбберман подчеркивает, что в деонтической ситуации сама необходимость никак не может быть «усомневаема», хотя и предусматривается возможность замены чего-либо. То, что может быть изменяемо, это знание цели действия, но не необходимость самого действия. Деонтичность, степень долженствования, приобретает реальный смысл, только если реализуется через нечто «неосмысляемое» [58].

В отличие от М. Халлидея Ф. Палмер считает эпистемические и деонтические модальности «истинными», потому что они имеют иллокутивную силу. Эпистемическую модальность он описывает как пропозициональную, поскольку она есть «a judgment about the probability of the truth of the proposition» 'суждение о вероятной ис-

тинности пропозиции'. Деонтическая модальность представляет собой *событийную* модальность, относясь к неактуализованным, потенциальным событиям, таким как желание или способность и обязательство или разрешение, соответственно [242, с. 7–8, с. 24–39]. Она является собой семантический ряд, состоящий из значений деонтической необходимости (долг, нормативность, обязательство, долженствование, необходимость, целесообразность, вынуждение) и деонтической возможности/ невозможности (разрешение/ неразрешение, право, запрет).

3. Социальные институты как сфера формирования деонтики. Данное модальное отношение отражает установку повлиять на мир, изменить мир и создается при активном общении субъекта с *социальной* средой, которая проявляет себя в различных социальных институтах, следовательно, в *институциональном* дискурсе.

Дискурс является способом существования института, а коммуникация в нем понимается как смысловое взаимодействие, погруженное в социально-культурные условия. Поэтому основной характеристикой институционального дискурса становится «не сообщение о чем-либо, не семиотическое «отражение» объективности/ реальности, а конструирование социальных смыслов» [82, с. 98]. В нем происходит не трансляция информации и манифестация намерений, а демонстрация смыслов [98, с. 38].

Формулируя законы и устанавливая разнообразные правила о том, каким должен быть сам субъект и этот мир, индивид стремится достичь определённости, что обеспечивает равновесие и согласование между ним и окружающим миром/ социумом. Целеполагающая практическая деятельность людей создает особое смысловое поле, обращенное к ним в виде значений и ценностей, которые как бы «диктуют», что с ними *надо* делать, как их *надо* понимать, поэтому функционирование общества невозможно без понятия о должном. Георг Еллинек в своей книге «Общее учение о государстве» (1900) писал, что существуют двоякого рода правила: такие, которые выражают причинную связь явлений, и такие, которые должны быть осуществлены человеком, его мыслью и деяниями, — другими словами, правила существования и правила долженствования [53].

Институциональный дискурс в большинстве своём функционирует в рамках социально-ситуативного неравенства [72, с. 225], что предполагает использование в нем деонтической модальности. Так, Дж. Коутс показала в своем исследовании, что деонтическая необходимость, в отличие от деонтической возможности (разрешительности),

в формальных англоязычных письменных текстах встречается гораздо чаще, чем эпистемическая [191, с. 18–36].

Институциональный дискурс есть дискурс, совершаемый в социальных институтах, где коммуникация выступает частью этого института. Это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [73, с. 292]. Социальный институт – это «комплекс норм, правил, символов, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов» [36, с. 156]. М. Фуко рассматривает различные социальные институты и области знания как *сферы дискурсного контроля* за соблюдением установленного порядка словоупотребления и порядка вещей [157]. Являясь не столько структурной организацией элементов, сколько совокупностью норм их взаимодействия, «системой правил рассеивания» [157], институциональный дискурс, таким образом, представляет собой конвенциональное, нормативное речевое взаимодействие людей, возлагающих на себя определенные социально-значимые роли в пределах некоего социального образования, специально созданного для удовлетворения определенных потребностей общества.

4. Виды институционального дискурса и деонтика. Рассматривая деонтику в дискурсе, необходимо отметить такие его характеристики, как *активность* и *нормативность*. Любой дискурс является нормативным в том смысле, что он производится с ориентацией на набор правил, стандартов и ценностей, исторически сложившихся в границах соответствующей социальной практики. Дискурс существует в уже установленном репертуаре дискурсов, принятом социальной группой. Поэтому «говорящий индивид не станет создавать дискурс, а скорее просто воспроизведет дискурс, который ранее заучил» [157, с. 45]. Это не столько результат человеческой деятельности, сколько сама деятельность, не столько структура высказываний, сколько *указания* к их структурированию в определенных условиях, под которыми понимаются как *тип/вид* дискурса, так и *жанр* определенного дискурса.

В отношении видов институционального дискурса в научной литературе нет единства. Процедуры, определяющие «порядок дискурса», связаны с актом коммуникации и выдвигают на передний план либо канал коммуникации (устный/ письменный), либо отправителя, либо внеязыковой мир, либо способ построения сообщения [157]. В результате мы получаем различные типологизации дискурса.

Например, стилевая дифференциация дискурсов связана с языковой концептуализацией и способом репрезентации субъекта, адресата, «формации объектов» и выделяет научный, обиходно-бытовой, официально-деловой виды.

Дискурс может классифицироваться по тематическому критерию. Как некая аксиоматически заданная «исходная материя» тема у М. Фуко совпадает с социальными сферами – экономика, медицина, политика и пр.

Спецификация знаний в дискурсе позволяет говорить о разных типах знания (частное, духовно-религиозное, социальное, научно-культурологическое) и, соответственно, видах дискурса. В основу классификаций могут быть положены и другие критерии, например, содержательные (адресность, информативность, образ автора, модальность), формально-структурные (структура, членимость), конститутивные (оформленность, смысловая завершенность) и мн. др. При этом очевидна неизбежность пересечения дискурсивных формаций, ср: письменный / устный дискурс, дискурс политика, дискурс о власти. Поскольку формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни, то О. Г. Ревзина отмечает в этой связи, что «дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении» [122, с. 66].

Взяв за исходное основание сферу коммуникативной деятельности, которая, в свою очередь, обуславливает тематическое (содержательное) своеобразие дискурса, по отношению к современному обществу В. И. Карасик предлагает выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [69]. Посредством данных институциональных дискурсов социальные институты «ведут борьбу» за утверждение определенного образа мира, мировидения и мировосприятия. Каждый из дискурсов имеет свою онтологию, системы абстракций (идеальных объектов), целевые векторы и свою специфику в синтаксическом, семантическом и прагматическом отношениях. Так, например, целью *рекламного* дискурса является внедрение в сознание человека новых знаний и новых представлений о способах совершенствования жизни, формирование определенных знаний и потребностей в товаре. *Научный* дискурс вербализирует научное знание как результат познавательной деятельности субъектов науки [167, с. 25] с опорой на профессиональный тезаурус адресата и интеллектуальный потенциал его личности [116, с. 7]. Целью *политического* выступает легитима-

ция и воспроизводство власти. Мы останавливаемся на данных видах институциональных дискурсов, поскольку они имеют частотное проявление и особое социальное значение в жизни общества.

В дискурсе артикулируется значимость, предпочтительность тех или иных ценностей и понятий, он представляет собой «набор позиций, возможных для субъекта < ... > открытая для повторения материальность» [157, с. 211], поэтому палитра деонтических конструкций зависит от существующих в конкретной действительности *норм* дискурса, который «присутствует < ... > как пустота, предназначенная к заполнению» [123, с. 382]. Выбор лингвистической формы оформления деонтики и деонтического наполнения дискурса оказывается не живым творческим процессом для говорящего, а формой подчинения силовому полю дискурса (см. рис. 1).

Рисунок 1 – Соотношение дискурса и языковых средств деонтики

В результате мы имеем дело с легко узнаваемым модальным планом текстов различных институциональных дискурсов: политики, науки, рекламы, и т. д., напр.:

(1) *И мы намерены, «собрав в кулак» весь опыт первых кооператоров, весь опыт поражений предпринимателей в борьбе с чиновниками, написать и провести в жизнь закон «О свободе предпринимательства». Записать в нем, что проверки должны быть комплексными. И не чаще, чем один раз в год [ПДРП].*

(2) *Если же подходить к сочетанию «грамматическая категория» как к специальному термину, то к определению рассматриваемого понятия должны быть предъявлены более строгие требования, предполагающие, что за данным понятием должен стоять определенный класс однородных грамматических объектов [БАВ, с. 14].*

(3) *Вы уже слышали о таком понятии, как «умный дом»? Если нет, мы расскажем, что это такое и с чего **стоит** начать обустройство квартиры по новому принципу. Тем более что иногда это бывает действительно полезно и совсем не сложно [РУД].*

Высказывания с деонтическими конструкциями предполагают неявный, семантически неопределенный «свод норм». Тем не менее, используя общие принципы прагматического мышления, речевые партнеры могут интегрировать соответствующие параметры ситуации (прошлой, настоящей и прогнозируемой будущей), чтобы интерпретировать деонтические конструкции в правильном ключе. Дискурс, детерминируя модальный план своими целями, накладывает ограничения на использование деонтики в конкретных социальных контекстах, например, в рекламном дискурсе.

5. Жанровая гетерогенность институционального дискурса и деонтики. Любой дискурс проявляется в виде жанров, которые являются исторически обусловленными форматами коммуникативного поведения [74, с. 353]. Конкретным материальным объектом, отображающим специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности, становится текст. Жанр есть не что иное, как дискурсная форма, инвариант текстов, обладающих определенной коммуникативной целью и использующихся в конкретных условиях общения. Это стандартизированный тип отбора и организации внеязыковых факторов и языковых средств, исторически формирующееся единство со сходными структурно-композиционными признаками. Поэтому для говорящего вполне возможно использовать «уже установленные дискурсивные правила, придав им относительно новую текстуальную форму» [126, с. 45]. Консенсуса в отношении принципов выделения жанров институциональных дискурсов пока не существует.

Политический, научный, рекламный дискурсы представляют собой многожанровые гетерогенные функциональные образования. Жанры есть попытка формализации дискурса, а формализация речевого образования является нетривиальной задачей. В ряде обобщающих трудов по дискурсивному анализу, например, [197] эта проблематика обозначена весьма пунктирно. Систематизировать жанры попытались, основываясь на устойчивых морфосинтаксических и лексических характеристиках, однако ими обладают не целые дискурсивные жанры, а типы изложения, или типы пассажей, т. е. фрагменты. Так, например, Р. Лонгакр [230] выделяет следующие типы пассажей: повествовательный (нарративный), описательный (дескриптивный), объяснительный (экспозиторный), инструктивный, убежда-

ющий (аргументативный). О некоторых из этих типов пассажей можно сказать, что они имеют типичные языковые характеристики. Так, А. А. Кибрик отмечает, что повествование требует сказуемых в виде динамических глаголов совершенного вида в прошедшем времени, включает большое число местоимений 3-го лица; описание содержит много именных и стативных предикаций; объяснительное изложение включает большое число маркеров обобщения, стативные глаголы; инструктивные пассажи обязательно включают императивы; наконец, убеждение включает маркеры необходимости и других модальных значений. Дискурс каждого жанра является неоднородным с точки зрения встречающихся в нем типов пассажей [79, с. 11–12]. В каждом из указанных жанров могут отмечаться деонтические конструкции.

В. В. Дементьев выделяет жанры по формализации речи или степени интенсивности интерпретативной деятельности (мягкость/ жесткость) [49, с. 192–195].

Т. В. Шмелева [175] выделяет 4 типа жанров по целевой (иллюктивной) установке или ведущей интенции: 1) информативные (различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение); 2) императивные, которые оформляют волеизъявление субъекта речи (вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных: предписание, рекомендация, просьба, комиссив, оформляющий обязательство); 3) оценочные (изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей); 4) ритуальные/ этикетные/ «перформативные» (осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования, и т. д.). Ритуальные жанры, вероятно, можно интерпретировать как частный случай синтеза информативных и оценочных жанров с очевидным доминированием последних. Тексты информационных жанров создаются средствами эпистемической модальности с вовлечением деонтической, в текстах императивных жанров операторы деонтической модальности входят в семантику комиссивов и предписаний.

Наиболее разработанными в лингвистике являются жанры политического дискурса. По характеру ведущей интенции [173] или функциям [172], характеризующим политический дискурс, предложено разграничивать жанры: 1) ритуальные (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение); 2) ориентационные, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, манифест, конституция, послание пре-

зидента о положении дел в стране, отчетный доклад, указ, соглашение); 3) агональные (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты); 4) информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).

По объему информации среди жанров политической коммуникации различают [172, с. 54]: малые (лозунг, слоган, речевка); средние (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.); крупные (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

Однако указанные типологии невозможно применить к рекламному и научному типам институциональных дискурсов, в силу отличий в таких их дискурсивных характеристиках, как авторство, адресность, информативность, интертекстуальность. Для исследовательских же целей необходимо выработать единый принцип отбора жанров. Нам представляются для анализа функционирования деонтики в политическом, рекламном и научном дискурсах однозначными следующие способы выделения жанров внутри институциональных дискурсов:

а) по каналу передачи: жанры устной и письменной речи;

б) по количеству участников: монологические и диалогические жанры;

в) по прототипности/ типизированности: первичные, создающие основу деятельности в дискурсе (индивидуальные типизированные образцы структурно-семантических и ценностных моделей) и вторичные (своеобразная интерпретация и модификация первичных) [173]. Критериями прототипности являются первичность текста и отсутствие пересечения с другими типами дискурса. Прототип – это «эталон, образцовый вариант для данного класса объектов» [170, с. 37]. Соответственно, прототипичный жанр какого-либо институционального дискурса – это жанр, с которым данный дискурс ассоциируется в первую очередь, жанр, в котором в концентрированной форме выражены социальная миссия данного института и задачи, стоящие перед ним. Конститутивными признаками первичного жанра дискурса предлагается считать объем текста (большой, средний, маленький), его структуру (клишированная/ креативная), а также канал общения (устный либо письменный).

Так, прототипными жанрами научного дискурса выступают письменные: статья, монография, диссертация. Кроме того, к типичным жанрам науки следует отнести рецензию, которая представляет собой доказательное рассуждение, аргументирование главной идеи автора, при этом рецензент должен обосновать свое мнение глубоким

и подкрепленным фактами анализом. Разница между статьей и рецензией лишь в предмете анализа и его объеме. Если на базе первичного текста создается новый текст, посвященный решению другой задачи научного дискурса, или изменяющий основные формальные параметры исходного – его объем, структуру, канал, а также код или сложность, то формируются вторичные научные жанры: автореферат, обзор, аннотация.

Первичные жанры политического дискурса образуют гипержанры, составляющие основу собственно политической деятельности: программные документы, публичная речь политика, предвыборная агитация, внутри которых вычленяются речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т. д. Вторичные жанры политического дискурса можно определить как «разговоры о политике» (интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура и др.) [173, с. 328], они носят респонсивный (от англ. response ‘реакция’) характер и представляют собой комментирование, обсуждение, интерпретацию, реакцию на действия [173, с. 269].

Прототипическим жанром рекламного дискурса принято считать объявление, которое может быть нейтрально звучащим информационным объявлением, эмоционально-экспрессивным призывом или оперативным наставлением. Следует подчеркнуть, что рекламный дискурс есть неоднородное образование, характеризующееся широким репертуаром жанров, которые возникли на разных этапах развития и заимствуются из разных сфер общения (на сегодняшний день – публицистики), трансформируясь под воздействием новых каналов коммуникации (телевидение, радио, интернет) и находясь, таким образом, в отношениях различной степени производности. Кроме того, в данном типе дискурса, в зависимости от коммуникативной стратегии и объекта рекламы коммуникация делится на социальную, политическую, коммерческую. В каждой из них есть конкретная авторская интенция, которая становится важным жанрообразующим признаком рекламных текстов.

Следуя логике Е. И. Шейгал в выделении политических жанров, при синхронном подходе к рекламному дискурсу первичными выступают жанры институциональной рекламной коммуникации (рекламное объявление, заметка/сообщение, рекламная статья, корреспонденция, очерк, репортаж, обзор). Считается, что статья, заметка, интервью являются дискурсоприобретенными жанрами, поскольку были заимствованы из журналистики, следовательно, должны относиться к вторичным. Однако если подходить к прототипичности жанра с точки

зрения выполняемых им функций, то инвариантными в рекламе выступают информативная, репрезентативная и фатическая, с этой позиции статья и т. п. может относиться к прототипу.

Вторичными можно считать «разговоры на тему товаров и услуг». Сферой их бытования является как межличностная, так и публичная коммуникация (чаще всего в компьютерно-опосредованном дискурсе). Расширенное понимание рекламного дискурса позволяет включить в его широкий спектр вторичных жанров афористического, художественного, пародийного дискурсов, которые представляют собой интерпретацию его наиболее существенных свойств и характеристик.

г) по полевой структуре: ядерные и периферийные (ближняя и дальняя периферия). Данный критерий схож с предыдущим по первичности/вторичности (производности/производимости). В центре находятся жанры, которые отвечают основной цели дискурса и отличаются коммуникативной устойчивостью, прототипичностью для данного типа дискурса, т. е. первичные жанры, соответствующие основной интенции дискурса. На периферии — маргинальные жанры, имеющие двойственную природу и находящиеся на стыке разных типов дискурса [173]. Ближнюю периферию полевой структуры институционального дискурса составляют жанры, характерные для данного типа дискурса, но не являющиеся его «эталонном». Дальнюю периферию составляют жанры, общие для разных типов дискурсов, обеспечивающие непрерывность дискурсивного континуума, взаимопроникновение, взаимодействие дискурсов (или интердискурсивность — в терминологии О. С. Иссерс и В. Е. Чернявской [64]; [169]. Их наличие способствует расширению границ дискурса, а также его перетеканию в другие типы.

М. Фуко утверждал, что в дискурсе как устойчивом поле высказываний обнаруживают себя пространственные смещения и отклонения, нормативные формулировки различных уровней и разнородных функций, структурно различающиеся понятия [157, с. 92]. Эти девиации обусловлены *жанровой* природой дискурсов.

Модальные маркеры чувствительны к контексту, в том смысле, что контекст определяет, какой «тип чтения» (какое конкретное деонтическое значение) получает модальный оператор. Речь идет о том, что в рамках одного дискурса разными типами контекстов, жанрами, демонстрируется различная деонтическая семантика: долг, нормативность, обязательство, долженствование, необходимость, целесообразность, вынужденность, разрешение/неразрешение (право), запрет.

Сравним деонтику в нескольких жанрах политического дискурса (предвыборные лозунги, обращение президента, интервью президента, предвыборные программы, законодательные документы):

(1) *Правда. Разум. Результат. Никто, кроме нас. **Не могу** быть равнодушным* [ПС (лозунги кандидатов в депутаты Горсовета, Сергеев Посад, 2010)].

(2) *История делается сегодня! Вместе мы победим! Сильная Беларусь для свободных людей. **Пришло время** вернуть Беларусь народу!* [ПС (предвыборные лозунги координатора гражданской кампании «Европейская Беларусь» Ан. Санникова, кандидата в президенты Беларуси, 2010)].

(3) *Я пришёл, чтобы вы победили. Почему я решил, что буду хорошим президентом? Потому что быть плохим **не стоит**. Прятать **нужно** мусор, а не голоса. Выборы должны быть прозрачными. Говори правду! Каждому Некляев ответит на всё!* [ПС (предвыборные лозунги Вл. Некляева и руководимой им гражданской кампании «Говори правду!», кандидат в президенты Беларуси, 2010)].

(4) *В 2017 году три миллиона семей в России улучшили свои жилищные условия. Теперь нам необходимо стабильно выйти на уровень, когда ежегодно не менее пяти миллионов семей улучшают свои жилищные условия.*

Люди, которые вкладывают свои деньги в строительство жилья, **должны** быть надёжно защищены. От долевого строительства **нужно** поэтапно переходить на проектное финансирование, когда риски берут на себя застройщики и банки, а не граждане.

Предлагаю также вернуться к налогу на имущество физических лиц. Он должен быть справедливым и посильным для граждан [ВВП].

(5) *Ежегодно в конце апреля мы с вами встречаемся в этом зале, откровенно говорим о состоянии дел, подводим итоги и решаем, как будет жить страна на протяжении предстоящего года.*

Определяя **задачи** на перспективу, мы должны смотреть на них сквозь призму современных событий, четко осознавать наше положение в мире.

Для правильного выбора действий внутри страны мы должны чутко и правильно понимать развитие современного мира. А оно определяется тремя ключевыми факторами: взрывным ростом новых технологий, подъемом развивающихся рынков и тотальной глобализацией всех мировых процессов [АГЛ].

(6) - телеканал «Мир»: Какие, по вашему мнению, выводы **должно** сделать общество, если вы говорите, что спецслужбы нельзя оставлять в одиночку в борьбе с терроризмом?

- Лукашенко: Вы знаете, я здесь тоже оригинальным не буду. Люди должны не то, что бояться, хотя в какой-то ситуации **надо** и бояться этого страшного явления, люди должны быть очень внимательными. И там, где они видят, что что-то не так, они должны взаимодействовать со спецслужбами. Они должны информировать правоохранителей. Ясно кого – у нас это милиция, органы безопасности, другие спецслужбы. У нас эта система контактов с советских времен выстроена. **Надо** все-таки об этом говорить. Потому что все эти террористы, они все, так или иначе, в большинстве своем живут среди людей и, так или иначе, готовятся к подобным мероприятиям, террористическим актам. И неправда, что люди этого не видели, не замечали. Время такое, что каждый человек должен быть настороже [ИПРБ].

(7) НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ: Придя к власти, мы осуществим программу широких преобразований: 1. Проведем конституционную реформу. Суть ее – в повышении ответственности власти перед народом. Стране **нужна Конституция** советского народовластия, а не президентского самодержавия. Конституция станет надежной гарантией прав и свобод граждан, преградой произволу, основой политической стабильности. Мы восстановим независимые органы народного контроля над работой госаппарата. Сократим раздутые штаты чиновников. Внедрим в жизнь механизм отзыва министров и депутатов всех уровней, не оправдавших доверие граждан [КПРФ].

(8) Родители или лица, их заменяющие, **имеют право и обязаны** воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении [КРБ].

В указанных жанрах семантическая палитра деонтики отличается. Различна также адресация (агенс) деонтических конструкций. Отлично и то, что деонтика характеризуют либо сообщаемый факт (программа (пр. 7)) и/или его участников (документ (пр.8)), либо и то и другое (пр. 6). Не все жанры выявляют линейную ретроспекцию и/или проспекцию деонтики. Деонтические конструкции выполняют различные функции: фатическую и экспрессивную в лозунгах (пр. 1-3), информативную и референтную в обращении президента (пр. 4, 5), регулятивную в законах (пр. 8). Объединяющим моментом является отсутствие в поверхностной структуре высказывания источника деонтики («Я налагаю обязательство, что/ чтобы»), который как раз и представляет собой социальный институт. Очевидно, что тексты в приведенных

жанрах политической коммуникации различаются по трем так называемым «лингвистическим паттернам» [197]: степень формальности используемых языковых структур, фоновые знания, заданные в тексте, и объем модальностей и оценок, выраженных говорящим.

Таким образом, модальность определяет семантическую организацию дискурса. Она социально обусловлена, поэтому представляет собой не субъективную точку зрения говорящего, а отношение субъекта того или иного дискурса, опыт которого сформирован этим дискурсом. Субъект является необходимым условием реализации дискурса, он есть поле реализации дискурса. Его отношение к действительности (эпистемическое, деонтическое и др.) определяется целями дискурса.

Деонтическая модальность выражает отношение субъекта речи к действиям, своим или окружающих, которым приписывается характер обязательных, для создания того или иного положения дел в мире. Она есть априори дискурсно-ориентированная, поскольку с ее помощью субъект дискурса выстраивает социальные взаимоотношения, выражая долг, вынуждение, разрешение, запрещение, т. е. деонтическое высказывание затрагивает других участников дискурса, налагая различного рода обязательства.

Поскольку социальные институты в своих дискурсах демонстрируют общественные потребности и свои нормативные взгляды, координируют и планируют деятельность, деонтика выступает конститутивной характеристикой институциональных дискурсов, обеспечивая целенаправленность и упорядоченность действий участников дискурса.

Субъект дискурса, используя деонтическую модальность, закрепляет в тексте как результате дискурсивной деятельности необходимое положение дел, обусловленное интересами конкретной институциональной группы, ее «идеологией». Контекстными маркерами, артикулирующими деонтическую модальность, могут быть только социально значимые детерминанты. На основании «идеологически» детерминированной модальности денотативному содержанию текста сообщается такая деонтическая семантическая «коннотация», которая приписывает высказывание к тому или иному институциональному дискурсу.

Дискурс как последовательность высказываний, произведенная в определенных исторических и социальных рамках, особым образом организованная и тематически сфокусированная, способен повлиять на модели субъективного опыта оформления деонтики. Дискурсивные правила создают поле внешней деонтики и определяют направления деонтической модуляции текстового содержания дискурса, т. е. выбора внутренней деонтики.

Формы презентации деонтики субъектами института и набор деонтических значений зависят от цели, потребностей субъектов и конвенций представления, а также связаны с должностью или ролью субъекта в дискурсе, т. е. ограничены средой, видом институционального дискурса.

Актуализация различной семантики деонтики (долг, нормативность, обязательство, долженствование, необходимость, целесообразность, вынуждение, разрешение/ неразрешение, право, запрет) в рамках одного дискурса определяется жанровым типом дискурса. При этом вид дискурса есть инвариант по отношению к конкретным формам своего существования, жанрам.

В жанрах проявляется функциональное отличие конструкций с деонтической модальностью. Именно жанры формируют необходимость ретроспекции и/или проспекции высказываний с деонтическими конструкциями.

На сегодняшний день осознается потребность в изучении деонтики в различных институциональных дискурсах для выяснения сходств и различий в ее функционировании, обусловленных системообразующими признаками дискурсов. Следует отметить открытость и адаптивность дискурсной методологии исследовательским целям, при этом существующая неопределенность относительно выделения жанров дискурса требует принятия критерия первичности/ вторичности жанров как ведущего для проведения однопринципного анализа.

6. ДЕАВТОРИЗАЦИЯ КАК ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ

На данном этапе внимание в языкознании уделяется изучению феномена деавторизации, активно используемого современными средствами массовой информации. Отметим, что существует ряд альтернативных терминов. В зарубежных исследованиях применяется термин «деавторизация», который первоначально использовался Б. Хониг [214] применительно к политической коммуникации. В отечественной лингвистической литературе М. А. Осадчим также используется термин «деавторизация» при рассмотрении тактики ухода от правовых рисков, связанных с распространением порочащей информации и совершением клеветы [112], и термин «деавторизация», которым оперирует М. А. Кормилицына в работе «Синтаксические способы деавторизации информации в современных СМИ» [85]. Иногда исследователи избегают введения термина-существительного и прибегают к использованию терминологического словосочетания «неавторизованная информация» [113]. В целях единства терминологии и во избежание разночтений мы будем пользоваться термином «деавторизация», который представляется нам наиболее удобным, поскольку маркирует явление, обратное авторизации.

В лингвистике данное явление исследовалось нами на уровне высказывания на материале английского и белорусского языков. Под деавторизацией высказывания понимается дополнительный структурно-семантический план, направленный на вуалирование или устранение субъекта – источника информации из синтаксической структуры предложения. Иными словами, в высказывании используются специальные синтаксические конструкции, содержащие указание на некоторый субъект – источник информации. Разработка типологии таких синтаксических конструкций, или конструкций деавторизации, основывалась на концепции Г. А. Золотовой, посвященной феномену авторизации, в рамках которой были описаны авторизующие модели [59]. Для того, чтобы в высказывании создавался эффект деавторизации, а не авторизации, в конструкциях такого рода субъект – источник информации должен иметь несколько иное семантическое наполнение и, прежде всего, являться нереферентным.

Помимо рассмотрения самого понятия «деавторизация высказывания» и языковых средств его репрезентации в высказывании, в современном языкознании проводилось комплексное исследование прагматических функций, реализуемых конструкциями деавторизации в современной публицистической и научной речи на английском

и белорусском языках. В ходе данного исследования были выделены следующие прагматические функции конструкций деавторизации, выполняемые ими, например, в текстах публицистического стиля:

- функция подачи информации как общеизвестной, выполняемая конструкциями с фактивным смыслом «знать»,
- функция снижения авторской ответственности за сообщаемое преимущественно при помощи бессубъектных конструкций,
- функция создания контраста, реализуемая конструкциями с антонимичными субъектами,
- функция создания интерпретационной программы для читателя, реализуемая вследствие инкорпорирования оценочных слов автора текста в конструкции деавторизации,
- функция солидаризации с читателем благодаря использованию конструкций деавторизации с субъектом, представленным обобщенно-собирательными местоимениями,
- функция придания весомости сообщаемому в результате ссылок на нереперентные авторитетные источники,
- функция сокрытия субъекта при употреблении конструкций с неизвестным субъектом;
- передача маловероятной информации, слухов, выполняемая конструкциями с семантикой слухов.

В ходе анализа прагматических функций, реализуемых конструкциями деавторизации в англоязычных и белорусскоязычных текстах публицистического стиля, были установлены отдельные, выполняемые конкретными конструкциями функции в рамках предложения. Взаимодействие деавторизованных высказываний в пространстве всего текста не учитывалось или учитывалось частично тогда, когда антонимичные субъекты, выражающие контрастирующие позиции по определенному вопросу, были представлены в нескольких последовательных предложениях в конструкциях типа *some believe* ‘некоторые думают’, *others assume* ‘другие полагают’. Таким образом, до сих пор в лингвистической литературе понятие «деавторизация» исследовалось применительно к высказыванию, поскольку в определении понятия подчеркивается, что под деавторизацией понимается дополнительный структурно-семантический план *предложения*, указывающий на нереперентный субъект – источник информации.

Изучение подхода С. В. Гричина в отношении трактовки понятия «авторизация» и выделение ее текстостроительной функции в научном дискурсе современного русского языка побудило нас к рассмотрению комплементарного ей понятия «деавторизация» на уровне текста.

Обобщим идеи С. В. Гричина, выраженные в статье «Тексто-строительная функция авторизации». Так, в своей работе ученый развивает мысль о том, что за счет организации коммуникативно-функциональных взаимодействий авторизационных моделей в научном дискурсе категория авторизации реализуется на уровне текста, а авторизационные конструкции включаются в процесс текстообразования [45]. Исследователь вводит понятие «радиус действия» авторизации, под которым понимает объем распространения авторизующего значения авторизационной конструкции, и выделяет три таких радиуса. Первым, минимальным радиусом действия авторизации является уровень высказывания, следующий по длине радиус действия – несколько высказываний, или часть текста, где коммуникативно-функциональное взаимодействие авторизующих смыслов заключается в отражении авторизацией содержательных элементов текста, «возвратно-поступательном» движении от общих к специфическим чертам описываемых объектов: общее мнение > семантическая точка зрения > мнение отдельного ученого. И наконец, им выделяется более широкий радиус действия авторизационных конструкций – текст или несколько текстов научных произведений особых типов, например, обзоры, обобщающие статьи и другие работы, идейно-композиционным стержнем которых является узкая проблема и разносторонний взгляд на ее изучение и решение. Такой идейно-композиционный стержень формируется авторизационными конструкциями отдельных структурных элементов текста, обладающими схожей семантикой. На ряде примеров автор показывает взаимозависимость и взаимообусловленность этих конструкций в пространстве текста, где они становятся своеобразными скрепами сквозной линии развития идеи научного произведения и рассуждений автора. Кроме того, ученый вводит понятие «авторизационный ключ», маркирующий смену источника информации или «авторизатора» в научном тексте [45].

Переход с уровня высказывания на уровень текста при рассмотрении понятия «авторизация» в современной лингвистике, трактовка авторизации как текстовой категории позволяет нам расширить сферу анализа проявлений деавторизации. Изучение лингвистического опыта в отношении смежной текстовой категории, а также собственные наблюдения в части функционирования деавторизованных высказываний в масштабированном объекте позволяют нам выявить тесное коммуникативно-функциональное взаимодействие используемых в тексте деавторизованных высказываний между собой и их взаимовлияние друг на друга в текстовом пространстве. Попытаемся разобрать-

ся в этом подробнее и более четко определить деавторизацию как категорию текста, установив языковые средства ее реализации, сферу действия и коммуникативно-прагматические характеристики.

В нашем понимании **текстовая деавторизация** является коммуникативно-прагматической категорией текста с конкретными языковыми средствами ее реализации. Она предполагает интегрирование неидентифицируемых чужих голосов в текст и их сцепление таким образом, что они способны переакцентуализировать отрезки текста, включить в ткань повествования предложения с нулевым авторством и одновременно создать видимость ссылок на разные источники преимущественно с целью уклонения от ответственности за сообщаемое. Основной **единицей** текстовой деавторизации является **деавторизованное предложение**, которое может вводиться в текст при помощи конструкций деавторизации, т. е. синтаксических конструкций с особым наполнением субъектного компонента, который является нереперентным, принадлежит к одной из четырех семантических разновидностей (т. е. представляет субъект речи, мысли, оценки или восприятия) и является эксплицитным или имплицитным. Взаимосвязанные деавторизованные высказывания, содержащие конструкции деавторизации, являются композиционной составляющей текста, то есть деавторизация понимается как текстообразующий параметр текстового целого.

Логичным представляется выделение трех функциональных уровней действия данной категории. Если деавторизованное высказывание, которое эквивалентно синтаксическому предложению, используется в тексте однократно или несколько деавторизованных высказываний точно употреблены в разных частях текста, то речь идет о **минимальном функциональном уровне**, эквивалентном синтаксическому предложению. Если тесно переплетенные деавторизованные высказывания, содержащие семантически сходные конструкции деавторизации, представляют собой несколько употребленных последовательно предложений или представлены в части текста, то их функциональный уровень определяется как **средний**. И, наконец, **максимальный функциональный уровень** реализуется деавторизованными высказываниями со схожей семантикой, которые представлены во всем тексте либо нескольких связанных текстах. Поскольку проявление деавторизации на минимальном уровне уже освещалось в современном языкознании, остановимся подробнее на двух других уровнях, так как именно в них деавторизация реализует свой текстостроительный потенциал.

Интерес представляет исследование текстостроительной функции категории деавторизации на материале современных публицистических текстов. Известно, что в публицистических текстах информационный обмен носит наиболее массовый и социально значимый характер благодаря их способности влиять на массовое сознание и поведение. В этом отношении ссылки на субъект – источник сообщаемых сведений играют принципиально важную роль, поскольку способности его представления позволяют журналистам освещать события с разной степенью достоверности и точности. В фокусе нашего исследовательского внимания находятся статьи англоязычных газет США и Великобритании, так как пресса этих двух стран, с одной стороны, позиционирует себя как независимая, объективная, открытая для выражения мнений, за которой закрепился такой имидж; с другой стороны, очевидна высокая степень влияния прессы этих двух мировых держав на происходящее не только внутри их стран, но и в других государствах. В результате анализа англоязычных газетных статей была обнаружена взаимозависимость и взаимообусловленность деавторизованных высказываний в пространстве текста. Рассмотрим конкретные примеры.

Так, статья «Which Nation Does the World Trust Most? (Hint: Follow the Dollar)» ‘Какой нации мир доверяет больше всего (Подсказка: следуй за долларом)’ [здесь и далее перевод автора] из американской газеты New York Times от 25 декабря 2017 года начинается с предложения, представляющего собой деавторизованное высказывание, которое вводится конструкцией деавторизации **there is a popular narrative** ‘существует распространенное повествование’. Это первое предложение тесно переплетено с другими используемыми в статье деавторизованными высказываниями, которые содержат конструкции с нулевым или размытым авторством **declinists say** ‘деклинисты утверждают’, **is trusted** ‘доверяют’, **is viewed** ‘воспринимают’, **many observers assume** ‘многие наблюдатели полагают’, **no one doubts** ‘никто не сомневается’, **many forecasters thought** ‘многие аналитики предположили’. Такие единицы используются автором статьи на протяжении всего повествования, образуя своего рода скелет цитирования разных источников. При внимательном рассмотрении оказывается, что источники цитирования не подлежат идентификации читателем. Иными словами, в статье отсутствуют ссылки на конкретные источники, а данные подаются от имени нереферентных субъектов, т. е. неопределенного или весьма обобщенного множества лиц.

Первое деавторизованное высказывание статьи: **There is a popular narrative these days that President Trump is undermining America's**

standing in the world... ‘В настоящее время **распространенным повествованием является** то, что президент Трамп подрывает положение Америки в мире...’ позволяет журналисту констатировать, что сведения, указанные в пропозиции, на сегодняшний день являются не только *«распространенным повествованием»*, но еще и разделяемым многими мнением, что вычитывается благодаря семантике слова *popular* ‘популярный, распространенный’. Кто является автором подобного повествования, среди кого такие рассуждения популярны, не указано ни в самом высказывании, ни далее в тексте статьи. Представим, что выделенная часть высказывания отсутствует. В таком случае без вводной конструкции с нулевым авторством высказывание стало бы констатацией установившегося положения дел от имени журналиста/редакции, что технически возложило бы на них ответственность за написанное.

Далее по мере развертывания повествования мысль о разрушительной деятельности Д. Трампа по отношению к статусу Америки в мире укрепляется: *...these declinists say, Mr. Trump is demoting America to the status of any other country* ‘...эти деклинисты говорят, что г-н Трамп снижает статус Америки до статуса любой другой страны’. И снова, чтобы не нести ответственность за сообщаемое автор статьи продуцирует лингвистически и юридически безопасное высказывание, которое сказано деклинистами – людьми, убежденными, что общество стремится к упадку. Нереперентный субъект «деклинисты», который невозможно соотнести с конкретными людьми в действительности, является удобным средством манипулирования: технически ответственность за сообщаемое снята с автора статьи, поскольку так говорят деклинисты, а идентифицировать деклинистов не представляется возможным, так как это некий неиндивидуализированный круг лиц с размытыми реперентными границами. Кроме того, англоязычный журналист реализует в данном высказывании еще один интересный ход, используя указательное местоимение *these* ‘эти’ применительно к деклинистам, хотя фактически это второе предложение в тексте, а в первом ссылка на конкретных лиц отсутствовала. Иными словами, журналист заменил нереперентный подразумеваемый субъект речи первого предложения на «эти деклинисты» во втором предложении, намеренно используя дейксис с целью создания видимости фактологичности в результате ссылки на предыдущий источник информации, который на самом деле отсутствовал.

Рассуждения о г-не Трампе и отрицательное к нему отношение в дальнейшем подается на фоне контраста существующего положения дел по отношению к предыдущему при помощи негативных оценоч-

ных слов с интенсификаторами, которые вводятся пассивными конструкциями деавторизации: *Mr. Trump is far less trusted than President Barack Obama was and Mr. Trump's America is viewed far less favorably than Mr Obama's was* 'Г-ну Трампу намного меньше доверяют, чем президенту Баракку Обаме, а Америку г-на Трампа воспринимают намного менее благоприятно, чем Америку г-на Обамы'. Деавторизованные высказывания, содержащие конструкции «гораздо меньше доверяют», «воспринимают намного менее благоприятно», позволяют манипулировать интенсифицированной оценкой в тексте, которая технически исходит от неопределенного круга лиц, но вероятнее всего принадлежит журналисту – автору статьи. Безусловно, с одной стороны, оценка, выраженная в высказывании, коррелирует с устраненным субъектом оценки конструкции деавторизации, под которым подразумеваются, по всей вероятности, жители США. С другой стороны, такая оценка, скорее всего, совпадает с авторской, поэтому все высказывание целиком представляет собой оценочное суждение журналиста, а оценка подразумеваемого субъекта наслаивается на оценку автора статьи.

Как известно, полифония голосов, или интегрирование чужих голосов в ткань повествования публицистических текстов, является их неотъемлемой частью. Такая полифония создает полисубъектность в предложении и тексте. Интересно, что в случае с деавторизованными высказываниями такая полисубъектность приобретает особые черты. В частности, полисубъектность в анализируемых высказываниях предполагает двух определенных в референциальном отношении субъектов – журналиста как субъекта повествования, Трампа как субъекта предложения и одного нереферентного субъекта – субъекта конструкции деавторизации, т. е. субъекта – источника информации.

Динамика развития повествования в статье подтверждает тесную взаимосвязь деавторизованных высказываний. Так, в следующем композиционно-содержательном блоке статьи журналист подступает к раскрытию поднятой проблемы с другой стороны, снова прибегая к созданию контраста, и использует деавторизованные высказывания с мультиплицированным множеством людей в качестве источника информации, которые в этот раз ориентированы на противопоставление современной роли Китая роли Америки в мире:

*Many observers nonetheless **assume** that with China rising as an economic power, financial clout will follow* 'Многие наблюдатели тем не менее **полагают**, что за становлением Китая как экономической державы последует финансовый удар';

No one doubts that China poses a growing military and economic challenge to the United States ‘Никто не сомневается, что Китай бросает вызов США в военной и экономической сферах’;

When the Chinese economy grew at a double-digit pace last decade and its currency appreciated strongly, many forecasters thought it would match the size of the American economy by now ‘Когда в прошлом десятилетии экономика Китая показала рост, выраженный двузначным числом, а его валюта сильно увеличилась в цене, **многие аналитики предположили**, что к настоящему моменту она достигнет размера экономики Америки’.

Автор статьи подает информацию от имени неидентифицируемых источников: «многие наблюдатели полагают», «никто не сомневается», «многие аналитики предположили». Благодаря этим не персонифицированным, но численно значимым (ввиду семантики всеобщности и множественности) субъектам создается очевидный оценочный контраст в отношении роли Америки по сравнению с ролью Китая на мировой арене. Дополнительно эффект весомости передаваемой в пропозициях информации придается за счет передачи позиции «многих наблюдателей» и «многих аналитиков», озабоченных существующим положением дел, а бездействие власти в таком свете подвергается имплицитной критике и подается от имени многих специалистов. Нетрудно заметить тематическую взаимосвязь между критическим освещением деятельности президента Д. Трампа и современным статусом США в мире.

При всей лингвистической несостоятельности рассмотренных выше ссылок и простоте их прочтения, формально они остаются маркерами введения чужой речи, мысли, оценки или восприятия тех или иных событий, тем самым фокус ответственности смещен с журналиста – автора статьи на некий круг лиц. Несмотря на то, что деавторизованные высказывания технически расположены в разных частях текста, тем не менее, они тесно связаны критическим отношением к освещаемому в статье вопросу.

На материале целой статьи мы уже говорим не о минимальном функциональном уровне, а о взаимозависимости и взаимообусловленности деавторизованных высказываний в пространстве текста, где они становятся своеобразным средством связи в развитии повествования, тем самым проявляя себя на максимальном функциональном уровне.

Взаимосвязь использованных деавторизованных высказываний в тексте скреплена единой стратегией уклонения от ответственности за выраженную в статье критику. Таким образом, текстовая деавтори-

зация представляет собой коммуникативную стратегию уклонения от ответственности за сообщаемое, которая дополнительно может создавать различные прагматические эффекты, придавать определенную тональность логике повествования. Так, в анализируемой статье отражены а) критическая оценка деятельности президента Трампа со стороны неких субъектов и б) контраст представленных позиций Америки и Китая в современном мире по мнению «многих» с presupposition-позицией того, что большинство редко ошибается. В рассматриваемой статье все ссылки на источники информации являются нереперентными, т. е. во всем тексте статьи не содержится указаний на другие, конкретные в референциальном отношении источники сведений – субъекты передаваемых данных. Подобного рода построение статьи, ее развертывание с опорой на нивелированные источники дает журналисту максимальную свободу выражения мнения и оценки, позволяет автору текста, прикрывшись видимостью ссылок, подавать данные манипулятивным образом без риска наступления правовых последствий.

Очевидно, что не все статьи современной прессы строятся на обращении только к нереперентным источникам. Скорее наоборот: ссылки на реперентные источники либо преобладают, либо газетная статья содержит одновременно ссылки на реперентные и нереперентные субъекты – источники информации, которые переплетены искусным образом и создают эффект фактологичности. В таком случае в статье представлены одновременно две комплементарные категории – авторизация и деавторизация. Та часть статьи, в которой представлены несколько употребленных последовательно деавторизованных высказываний с нулевым авторством, репрезентует средний функциональный уровень текстовой деавторизации, который прерывается там, где вводятся высказывания со ссылками на реперентные, идентифицируемые читателем, источники информации.

В качестве примера приведем статью «EU's Brexit vision plan likely to be delayed over doubts at No 10» 'План ЕС по Брекситу вероятно будет отложен из-за сомнений английского правительства', опубликованной в The Guardian 8 октября 2018 года, в которой реализуются два средних функциональных уровня текстовой деавторизации, представляющих собой два относительно независимых текстовых блока.

Первый текстовый блок упомянутой статьи среднего функционального уровня включает три употребленных подряд деавторизованных высказывания:

Sources said that the ongoing dispute would mean negotiators would face the “mother of all weekends” at the end of this week ‘**Источники сообщили**, что продолжающийся спор означает, что в конце этой недели стороны переговоров ждут «чрезмерно напряженные выходные»’;

The UK’s insistence ... is also said to be a contentious issue ‘**Говорят**, что упорство Великобритании ... является спорным вопросом’;

The two sides are understood to be working on the criteria that would be used to judge at what point this customs union would come to an end ‘**Предполагается**, что две стороны работают над критериями, которые будут использованы для расчета той точки, когда этот таможенный союз прекратит свое существование’.

Анализируемые высказывания введены одной метонимичной конструкцией деавторизации *sources said* ‘источники сообщили’ и двумя пассивными конструкциями деавторизации *is said* ‘говорят’ и *are understood* ‘предполагается’, которые в результате тесного взаимодействия перераспределяют акценты в оценке ситуации с Брекситом и будущим европейского таможенного союза, а в результате совместного употребления создают эффект осторожности в прогнозах и оценках, что отражается в предположительности сообщаемого и в тактике сокрытия источников информации. Журналист не указывает источники, которые сообщили о продолжающемся споре, используя конструкцию *sources said* ‘источники сообщили’, а то, что упорство Великобритании расценивается как «спорное», подается при помощи конструкции *is said* ‘говорят’, которая тесно связана с предыдущей конструкцией благодаря одинаковому глагольному компоненту. Повидимому, чтобы не дублировать первую конструкцию, журналист использует ее текстовый аналог, поскольку во втором предложении этого блока так «говорят» не люди вообще, а все те же «источники», что становится понятным из логики повествования. Эффект предположительности и осторожности реализуется в деавторизованном высказывании, которое вводится конструкцией *are understood* ‘предполагается’, а предполагается все это вероятнее всего все теми же неидентифицируемыми «источниками». Такая тесная взаимосвязь употребленных в статье деавторизованных высказываний подтверждает их текстостроительный функционал.

Рассмотренный выше композиционный блок текста прерывается введением в ткань повествования высказывания, содержащего ссылку на слова конкретного в референциальном отношении субъекта: *Mujtaba Rahman, a former Treasury and commission official, said...* ‘Муй-

таба Рахман, бывший сотрудник Казначейства и комиссии Казначейства, сообщил...’

Второй композиционный блок текстовой деавторизации включает четыре последовательно употребленных деавторизованных высказывания, содержащих шесть конструкций деавторизации разных типов:

*The commission may wait until the eve of the summit to publish the future relationship document, alongside the Brexit withdrawal agreement, **suggested one EU diplomat...*** ‘Комиссия может подождать и опубликовать документ о будущих взаимоотношениях накануне саммита вместе с договором по списанию средств за Брексит, **предположил один дипломат ЕС**’;

One of the new suggestions on the table in Brussels is that the scale of checks could be reduced from 100% to 30% if trade talks go well... ‘**Одним из новых предложений** за столом в Брюсселе **является** то, что количество проверок может быть снижено со 100% до 30%, если торговые переговоры пройдут успешно...’;

It is understood** the proposals for checks “away from the Irish border” envisage controls as near as possible to the source rather than the destination of the goods, meaning they could take place anywhere across the country and not just in ports such as Holyhead or Liverpool, **as previously suggested... ‘**Предполагается**, что предложения проводить проверки «подальше от границы с Ирландией» предусматривают проведение контроля как можно ближе к месту происхождения, нежели месту назначения товаров, что означает, что они могут проводиться в любой географической точке страны, а не только в портах городов Холихед или Ливерпуль, **как предлагалось ранее...**’;

*Up to now, **it has been reported** that these checks would take place in British ports such as Holyhead and Liverpool, but **it is understood** that under the EU proposals, the checks would be done on premises, distribution centres and ports across the UK* ‘До настоящего времени **сообщалось**, что такие проверки будут проводиться в портах Холихед и Ливерпуль, но **предполагается**, что в рамках предложений ЕС проверки будут проходить на заводах, дистрибьюторских центрах и портах всего Соединенного Королевства’.

Следует обратить внимание на преобладание в данном функциональном отрезке текста высказываний, деавторизованных в результате использования безличных конструкций: ***it is understood*** ‘предполагается’, употребленной дважды, ***as [it was] previously suggested*** ‘как предлагалось ранее’, ***it has been reported*** ‘сообщалось’. Оставшиеся два деавторизованных высказывания данной части текста объединяет

то, что в обеих конструкциях деавторизации, которые вводят эти высказывания, содержится неопределенное местоимение *one* 'один'. В частности, речь идет о субъектно-предикатной конструкции ***suggested one EU diplomat*** 'предположил один дипломат ЕС' и номинализованной конструкции с устраненным субъектом ***one of the new suggestions is*** 'одним из новых предложений является'. Внедрение таких высказываний позволяет журналисту не только скрыть источник информации, но и осуществить одностороннее освещение вопроса, ссылаясь на мнение «одного дипломата ЕС», представляя «одно из новых предложений». Такая подача данных с предварительным фильтрованием информации, отбором фактов и отражением лишь одной существующей позиции является частью стратегии убеждения, сопряженной с осторожностью оценок на фоне доминантной стратегии уклонения от ответственности за сообщаемое, которая свойственна всем деавторизованным высказываниям.

Таким образом, как и в случае с первой рассмотренной статьей, в данном тексте стратегия уклонения от ответственности за сообщаемое также сопровождается дополнительной прагматической тональностью. Ее характер отличается от дополнительного эффекта первой статьи, так как ориентирован не на критику и контраст, а скорее на убеждение и осторожность. Кроме того, в результате «разбавления» нерелевантных ссылок ссылками на конкретные, идентифицируемые источники информации доверие к статье со стороны читательской аудитории повышается благодаря более насыщенной фактологичности в части цитирования разных субъектов – источников сведений. Исследование текстовой деавторизации на материале англоязычных газетных статей позволяет трактовать данное явление как одну из составляющих структуры публицистического текста, как его текстообразующую коммуникативно-прагматическую категорию.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что категория деавторизации реализуется на трех функциональных уровнях: а) минимальном, который эквивалентен синтаксическому предложению, б) среднем, который представляет собой часть текста, и в) максимальном, который представлен целым текстом или несколькими связанными между собой текстами.

В случае с минимальным уровнем речь идет о деавторизации высказывания, под которой понимается дополнительный структурно-семантический план, направленный на вуалирование или устранение субъекта – источника информации из синтаксической структуры предложения. Единицей деавторизации высказывания является конструкция деавторизации, в которой субъект как компонент конструк-

ции является, прежде всего, нереферентным. Отдельные деавторизованные высказывания минимального функционального уровня реализуют широкий спектр прагматических задач в публицистическом тексте, например: подача информации как общеизвестной, создание контраста, внедрение интерпретационной программы для читателя, солидаризация с читателем, придание весомости сообщаемому, сокрытие источника сведений, передача слухов.

На среднем и максимальном функциональных уровнях фиксируется текстовая деавторизация, которая представляет собой коммуникативно-прагматическую категорию текста, предполагает интегрирование неидентифицируемых чужих голосов в текст и их сцепление таким образом, что они способны переакцентуализировать отрезки текста, включить в ткань повествования предложения с нулевым авторством и одновременно создать видимость ссылок на разные источники.

Основной единицей реализации коммуникативно-прагматической категории деавторизации является деавторизованное предложение, которое может вводиться в текст при помощи конструкций деавторизации. В случае с текстовой деавторизацией реализующие ее языковые единицы взаимодействуют между собой и включаются в процесс текстообразования, т. е. построения всего текста целиком. В публицистике текстовая деавторизация характеризуется а) единством речевой стратегии и б) тематической общностью или целостностью.

В качестве единой коммуникативной стратегии доминирует уклонение от ответственности за сообщаемое, которая может быть дополнена различными прагматическими эффектами и приданием определенной тональности логике повествования, например, выражением критики, созданием контраста, способствованием убеждению и отражением осторожности в предположениях, оценках и прогнозах.

В публицистических текстах в результате реализации максимального функционального уровня деавторизации журналист максимально свободен в выражении мнения и оценки благодаря лингвистически безопасной упаковке высказываний. В результате реализации среднего функционального уровня деавторизации степень фактологичности текста выше по сравнению с максимальным уровнем благодаря чередованию ссылок на референтные и нереферентные субъекты – источники сведений.

7. КОРРЕЛЯЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТОВ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ПИСЬМА К РЕЗЮМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Язык деловых отношений и сегодня является объектом пристального внимания лингвистов. Несмотря на тенденцию к определенной формализованности и композиционной строгости, официально-деловой стиль отличается достаточным разнообразием языковых форм и их вариаций, что оставляет простор для активных исследований языковых особенностей текстов различных жанров официально-делового стиля.

Исследованию в данном разделе монографии подлежат не тексты резюме, как необходимые к предъявлению бумаги для трудоустройства, а та часть резюме, к которой относятся сопроводительные к ним письма. Отношение к данным формам писем даже в профессиональной среде работодателей далеко неоднозначно. Дело в том, что кто-то из работодателей не считает нужным даже ознакомиться с текстом сопроводительного письма, другие напротив, придают подобным письмам большое значение. Особенно это касается претендентов на творческую работу, где ценится их нестандартное мышление и креативность. Именно эта разнонаправленность оценки роли текстов сопроводительных писем в обществе, безусловно, представляет интерес для специалистов в области лингвистики текста, а также может представлять интерес с точки зрения прикладной лингвистики, например, при составлении текстов сопроводительных писем к резюме различных форматов.

Вот почему объектом настоящего исследования становятся тексты сопроводительных писем к резюме на немецком, английском и русском языках, а предметом проведенного лингвистического анализа – принципы композиционного построения сопроводительных писем к резюме с учетом их грамматических и жанровых особенностей.

Основными методами исследования являются индуктивный метод, используемый при сборе и анализе образцов деловой корреспонденции; сравнительно-описательный метод для выявления сходства английских, немецких и русских деловых писем; контрастивно-описательный метод, устанавливающий различия в разноязычных деловых письмах; типологический метод при выделении наиболее существенных признаков или свойств отдельных языковых явлений и

категорий, а также при установлении обобщенной модели, образца или типа текста; и метод сегментного анализа текстов.

В качестве материалов исследования были отобраны образцы сопроводительных писем к резюме 2000-х годов на немецком, английском и русском языках, которые были взяты как из книжных пособий руководств по написанию сопроводительных писем, так и из интернет-ресурсов в количестве 75 текстов.

Обратимся к официальному определению жанра официально-делового стиля «сопроводительное письмо». Так, например, Н. С. Водина определяет сопроводительное письмо как письмо, указывающее факт отправки приложенных к письму документов и других материальных ценностей [33].

С точки зрения лингвистики, с одной стороны, автор сопроводительного письма к резюме находится в определенных синтагматических рамках, которые определяют общую синтаксическую структуру текста; с другой стороны, автор имеет достаточно свободный выбор из совокупности языковых единиц, то есть парадигм. Относительная свобода выбора языковых средств, как правило, выдвигает сопроводительное письмо к резюме на первое место в плане привлекательности, то есть саморекламы. Это позволяет утверждать, что текст сопроводительного письма к резюме обладает признаками и художественного текста. Именно такой текст дает работодателю по возможности краткую, но в обязательном порядке позитивную информацию о соискателе конкретной должности, и служит основанием для приглашения на работу или, по крайней мере, на собеседование.

Однако, по мнению М. А. Казариной [67], сопроводительное письмо относится скорее к группе рекламных писем. Цель такого письма – представить потенциального сотрудника конкретному работодателю. Для этого в тексте обозначаются его способности, квалификация, комбинации компетенций претендента на вакантное место.

С учетом методов составления текста сопроводительные письма к резюме могут быть **двух типов**.

Первый тип письма является **хронологическим**. В нем поэтапно с использованием дат в линейном порядке указываются основные события в жизни соискателя вакантного места: образование, личные результаты, относящиеся к повышению квалификации, конкретные факты профессионального роста с указанием рабочего стажа, опыта работы, продвижение по службе, личные достижения и награды, и проч. К дополнительной информации относятся сведения о дополнительных трудовых квалификациях, знании иностранных языков или

любых других знаниях и т. д. Заканчивается такое письмо датой и собственноручной подписью.

Второй тип сопроводительных писем к резюме является **функциональным**. В таком тексте на первый план выходит смысловое позиционирование с учетом прагматических установок. Сопроводительные письма данного типа являются, по сути, саморекламой. В таких письмах подробно освещаются такие вопросы: Каковы умения соискателя? Что бы он делал охотнее всего? Какие наиболее сильные стороны своих компетенций он может продемонстрировать на рабочем месте?

Главное отличие функционального типа сопроводительных писем от хронологического типа, тяготеющего к объективной подаче информации, расчет на получателя. В нем содержится, прежде всего, полезная информация для работодателя (отсылка к источнику, получение сведений о вакантном месте).

Содержательная структура двух разновидностей различается по способу представления информации. Данные типы сопроводительных писем к резюме имеют разную композицию, представляющую собой особенности пространственной соотнесенности частей документа, то есть построение документа с точки зрения взаиморасположения тематически завершенных сегментов текста в пределах документов, их физическое и смысловое позиционирование [93].

Обычно выделяются три основные функции сопроводительного письма к резюме: информативная; репрезентативная; побудительная.

Информативная функция является доминирующей по отношению к репрезентативной и побудительной, так как последние две реализуются только в процессе передачи и интерпретации информации. Любое письмо, относящееся к официально-деловому стилю, предполагает наличие обязательной (адрес, телефон, факс, почта, включая электронную, адреса социальных сетей, аккаунты, например Skype и т. д.) и не обязательной информации. При этом важно отметить, что упущение или пренебрежение корректной подачей обязательных блоков информации автоматически закрывает процесс коммуникации.

Автор сопроводительного письма, как правило, использует весь доступный ему набор языковых средств, необходимый для реализации **репрезентативной функции**. Выгодное представление собственной персоны – первостепенная задача для соискателя рабочего места. К таким сведениям можно отнести описания набора знаний, умений и навыков, а также опыта работы, сведения и рекомендации с преды-

дущего места работы, информацию о склонностях, чертах характера, деловых качествах соискателя рабочего места и т. д.

Из репрезентативной функции **вытекает побудительная функция**. Она имеет имплицитный характер – сведения субъективны, зачастую требуется проверка достоверности информации. Такое речевое поведение можно отнести к коммуникативным стратегиям. Побудительная функция не может быть реализована в письме самостоятельно, в противном случае сопроводительное письмо к резюме носило бы декларативный характер, что противоречит социально-деловым отношениям между соискателем и работодателем.

Сопроводительное письмо к резюме относится к группе частных деловых писем. Частные деловые письма направляются от имени частного лица к организации, организации к частному лицу, и частного лица к частному лицу. Поэтому официальные отношения между корреспондентами – обязательная характеристика этих писем.

Весьма важным для лингвиста является вопрос языкового оформления сопроводительного письма к резюме. Этому вопросу уделялось внимание многих лингвистов, и языковое оформление деловых писем имеет уже серьезные наработки в исследовании. Так совершенно ясно, что реализация данного типа текста как языкового явления невозможна без учета грамматических особенностей, присущих ему.

Своеобразие текстов сопроводительных писем к резюме заключается в резком контрасте информативных словосочетаний со сложными синтаксическими структурами основного текста. В сопроводительных письмах к резюме крайне редко встречаются типы простых предложений, если двусоставные предложения можно встретить в начале или в конце сообщения, то односоставных предложений в анализируемых текстах сопроводительных писем к резюме на всех трех рассматриваемых языках не встречается.

Кроме перечисленных грамматических особенностей тексту сопроводительного письма присущи свои стилистические особенности. К основным стилистическим особенностям сопроводительного письма можно отнести закон экономии речевых усилий. В текстах недопустима речевая избыточность, не встречается широкого распространения синонимия, что указывает на еще одну важную стилистическую особенность – прямые лексические повторы. Слова употребляются только в прямом значении для предотвращения семантических потерь. Использование прямых лексических повторов указывает на принадлежность сопроводительных писем к официально-деловому стилю с точки зрения стандартизации. Это один из немногих стилей языка, в котором так явно проявляется стандартный литературный язык [40].

За последние десятилетия наметилась тенденция использования стилистически окрашенных речевых оборотов, особенно это прослеживается в письмах авторов более молодого поколения (школьники, студенты). Использование данных речевых оборотов противоречит нормам письма, однако они зачастую успешно выполняют задачи коммуникативного плана [2].

Стилистическое своеобразие сопроводительных писем объясняется еще одним фактом, который также связан с явлением смешения стилей. Речевой стиль в отличие от книжного более богат в средствах выбора, и потому здесь можно привести утверждение Ю. С. Степанова о том, что богатство языковых элементов способствует проникновению норм условно низких стилей в более высокие: совпадение элементов (слов, типов предложения), если известны сами элементы, можно предвидеть заранее и, следовательно, установить дедуктивно. И напротив, расхождение, расщепление одного элемента на несколько заранее предвидеть невозможно, его можно описать только на основании наблюдения фактов речи, то есть установить индуктивно. Поэтому знание стиля с большим числом элементов (вариантов) позволяет легко перейти к стилям с меньшим числом вариантов [141].

Таким образом, следует отметить, что нормы сопроводительных писем к резюме являются одними из самых нетипичных с точки зрения стилистики писем официально-делового стиля.

Как уже отмечалось, резюме – анкетный сложный алгоритмичный констатирующий жанр официально-делового стиля, характеризующий личные и деловые качества работника, дающий информацию об образовании и опыте работы [182]. Как сложившийся жанр, резюме вмещает в себя поджанр – сопроводительное письмо к резюме. Этот поджанр имеет набор следующих присущих ему жанровых признаков:

1. Жанровый признак **официальность** четко прослеживается в каждом деловом письме, поэтому любое сопроводительное письмо к резюме начинается с соблюдения определенных формальностей. Пренебрежение данным пунктом ставит под вопрос целесообразность ознакомления с содержанием письма.

2. Жанровый признак **лаконичность** характерен для многих видов деловой корреспонденции. Обычно по своему объему деловые письма не выходят за рамки 8-10 строк. Композиционные правила очень строгие. В начале письма стоит адрес автора и дата (в правом верхнем углу); ниже (в левом углу) имя, адрес получателя. Текст содержит краткое сообщение, заключение, финальное клише (прощание или пожелание) [132].

3. Жанровый признак **точность** достигается путем использования в тексте максимально объективной информации, к которой относятся определенные тематические разделы, устойчивые формулировки, клише, личные данные участников деловой переписки (адресанта и адресата).

4. Жанровый признак **индивидуализация** присущ всем сопроводительным письмам к резюме, так как частные деловые письма являются авторским текстом. Основным средством выражения индивидуальности в письмах-резюме являются имена собственные, личные, притяжательные и возвратные местоимения.

5. Жанровый признак **информативность** представлен в тексте письма с помощью содержательно-фактуальной (СФИ) и содержательно-концептуальной информации (СКИ) [93].

К содержательно-фактуальной информации относятся сообщения автора письма о себе, о своем образовании, о настоящем месте работы, о приобретенных навыках и умениях. В содержательно-концептуальной информации автор сопроводительного письма к резюме, как правило, выражает готовность предоставить адресату более детальную информацию о себе на собеседовании, по телефонному разговору или в ответе по электронной почте. Вместе с тем, кроме объективно-необходимой информации в тексте присутствует информация субъективного характера. Автор сам решает, в какой форме он предоставит эту информацию. Эта информация, прежде всего, о профессии и о роде деятельности адресанта на данный момент.

6. Жанровый признак **прагматичность** является ключевым, так как основная цель письма – повлиять на читателя определенным образом. Здесь трудно выделить какой-то один компонент, так как письмо служит одной цели – положительная реакция на прочитанное.

Рассмотрим реализацию **грамматических средств** в рамках **жанрового признака официальность**. Основным морфологическим средством обозначения адресата является имя собственное. Во всех европейских языках и в большинстве языков мира, имеющих алфавит и различие между строчными и прописными буквами, имена собственные пишутся с заглавной буквы: *Lukas Müller; Enid Smith; Александр Иванов* – имена адресантов

Frau Dr. Meulenschlick; Büro & Co. Personalabteilung, Synapse & Bite Plc; Уважаемая Лариса Сергеевна – имена конкретных адресатов или название отдела организации, куда отправляется письмо.

Кроме имен собственных широко используются личные местоимения уважительной формы, притяжательные местоимения, соот-

ветствующие глагольные формы. Реже для этой цели используются прилагательные и наречия. Примеры:

***Sehr geehrter Herr** Livertz, in einem Artikel der „Hessischen Allgemeinen“ vom 11.01.2006 habe ich gelesen, dass **Sie** in **Ihrem** Betrieb jedes Jahr junge Menschen zu Industriemechanikern **ausbilden**.*

В образце на немецком языке в одном предложении задействовано одновременно шесть различных частей речи, для передачи уважительного отношения к партнеру по переписке. Это имя собственное *Herr Livertz*, личное местоимение *Sie*, соответствующая форма глагола *ausbilden*, прилагательное *geehrter* и наречие *sehr*, которое усиливает значение прилагательного *geehrter*.

В образце на русском языке выявлено сходство с образцом сопроводительного письма к резюме на немецком языке – местоимение *Ваш* пишется с заглавной буквы.

***Уважаемые господа**, на **Вашем** сайте я прочитал информацию о том, что в **Вашей** компании есть вакансии в области налогообложения.*

Рассмотрим пример на английском языке:

***Dear Sir or Madam Reynhold**, I saw **your** advertisement for a position as a sales assistant in **your** garden furniture department and I would like to apply for the job.*

В образце на английском языке не наблюдается такого разнообразия эксплицитных средств выражения уважения к адресату, как в предыдущих примерах на немецком и русском языках. В обращении нет конкретных имен, но формальное обращение *sir* и *madam* подчеркнуто вежливо пишется с заглавной буквы, что является нормой официальной переписки. Анонимность адресата предопределяет использование притяжательного местоимения *your* – ‘Вы’, в отличие от немецкого письма местоимение *your* не пишется с заглавной буквы. Следует отметить в предложении прилагательное *dear*, использование которого возможно только в начале письма. Повтор использования данного прилагательного недопустим в традиции частной деловой корреспонденции.

Наряду с именами собственными редко используются имена нарицательные для подчеркивания социального статуса адресата: *Sehr geehrte Frau **Dr.** Meulenschlick*; *Sehr geehrte Frau **Rechtsanwältin** Reiner*, *sehr geehrter Herr **Rechtsanwalt** **Dr.** Ugaroff*. Это могут полные наименования званий, должностей, научных степеней и т. д. или их сокращения.

Кроме морфологических средств реализации жанрового признака официальность, широко используются в сопроводительных пись-

мах к резюме морфолого-синтаксические средства. К этой категории относятся стандартные фразы, клише, словосочетания с использованием терминов.

Словосочетание-обращение: *Sehr geehrter Herr Kruse; Dear Mrs Allsop; Уважаемая Анастасия Николаевна.*

Словосочетание побудительного характера: *Bitte lassen Sie sich durch meine Zeugnisse nicht abschrecken – mir liegt die Paukerei nicht; Если Вас интересует, вы можете связаться со мной по телефону 7-000-00-00-000; Please see my curriculum vitae enclosed in the same envelope, for more details.*

Словосочетания, обозначающие место и время событий.

На немецком языке: *Sehr geehrter Herr Schulze-Althoff, Ihr Stellenangebot vom 15.04.2006 in der Westfälischen Allgemeinen Zeitung interessiert mich.*

На английском языке: *Dear Sir or Madam, I am interested in the post of Deputy Designer, advertised in the "Pioneer" of 12th February, and would be glad if you could send me further particulars and an application form.*

В этих примерах наглядно прослеживается использование коммуникативных клише, которые нельзя разделить на составляющие, не нарушив языковой нормы жанра.

В сопроводительных письмах к резюме **жанровый признак лаконичность** реализуется с помощью соответствующих морфологических и синтаксических средств языка. На лексическом уровне языковая экономия достигается путем замены длинных слов сокращениями и общепринятыми символами: *Tel.: 0561 2223334* – сокращение слова *Telefon*; *D-44567 Hamburg* – сокращение слова *Deutschland*; *Om 1000 \$* – сокращение слова *dollars*; *im EDV-Bereich.* – сокращение термина *Elektronische Datenverarbeitung*; *Neue Kölner Str.3* – сокращение слова *Straße*; *45 Wapole Rd* – сокращение слова *Road*; *I enclose my CV and a letter of recommendation.* – сокращение словосочетания *Curriculum vitae*; *кат. В.* – сокращение слова *категория*.

Математические символы, прежде всего цифры от 0 до 9, не только позволяют быстрее составить текст, но и значительно ускоряют их составление и прочтение: *Tel.: 02202122333– null, zwei, zwei, null, zwei, eins, zwei, zwei, drei, drei, drei.* Запись числительных буквами, особенно в немецком языке, в котором числительные пишутся слитно, крайне избыточна.

К синтаксическим средствам языковой экономии относится способ разбивки сложных предложений на простые, что упрощает восприятие текста адресатом: *In meiner Diplomarbeit habe ich mich mit der*

Schnittstelle von Software-Design und Vermarktung beschäftigt. Dabei ging es um spezialisierte Kassen-Software im Getränke-Einzelhandel. Уверена в своих силах. Готова пройти испытательный срок. Для сопроводительных писем к резюме на английском языке такой способ не типичен.

Жанровый признак точность прослеживается в указании четкой информации об адресанте и адресате, их адреса, личные данные, где используются имена собственные и числительные: (*Livotech Drehteile GmbH Co. KG, Herrn Benno Livertz, Sollingstr. 12 – 16, 34135 Kassel*) – адресат; (*23 Ave Rostand, 7500 Paris, France, 6th May 2006, Steffi Neumann*) – адресант; *Вы можете связаться со мной по телефону (495)111-11-11.*

К точной информации относятся любые сведения о предыдущей работе: *I am currently nearing the end of a one-year contract with **Bolney & Co**, and have relevant experience and qualifications, including a **BSc in Design Engineering** and an **MSc in Industrial Design**. На данный момент работаю юристом в юридической фирме «**ФОРЕКС**», хочу сменить место работы в связи с её скорым закрытием. Также имена собственные употребляются в указании места получения образования: *Ich bin promovierte Biologin mit Schwerpunkt Landespflege (Universität Erlangen)*; при указании ссылок на источники информации о вакантном месте: *на сайте **http://hh.ru** я узнал, что в Вашей компании открыта вакансия торгового представителя*; при указании полного обозначения вакантного места: *Bewerbung als **Landschaftsplanerin** bei der Stadt Bad Wörishofen*; *I am writing in the hope that you might be able to offer me a position in your firm as an **interior designer***; *Я узнала о том, что в Вашем образовательном центре открыта вакансия **переводчика-преподавателя** английского языка.**

Для указания индивидуальности используются имена собственные: *K. J. Dixon (Mrs); Александр Виленский; Lukas Müller*

Жанровый признак индивидуализация предполагает изложение текста в письме за счет употребления личного местоимения 1-го лица единственного числа во всех падежах кроме родительного (за исключением сопроводительных писем к резюме на русском языке: *У меня есть успешный практический опыт разрешения различных вопросов с целью преодоления тех или иных налоговых проблем*):

1) личное местоимение 1-го лица единственного числа в именительном падеже: *Außerdem habe **ich** Spaß am Umgang mit Computern; Я обладаю знаниями специализированных программ для автоматизированной системы накопления данных и формирования документооборота; программы Консультант Плюс.*

2) личное местоимение 1-го лица единственного числа в дательном падеже: *Bitte lassen Sie sich durch meine Zeugnisse nicht abschrecken – **mir** liegt die Paukerei nicht; Опыт работы **мне** удалось сочетать с успешной научной деятельностью – защищена кандидатская диссертация по вопросам налогообложения оплаты труда, а также опубликованы статьи по вопросам налогообложения и бухгалтерского учета*

3) личное местоимение 1-го лица единственного числа в винительном падеже: *Wenn Sie mich bald zum Vorstellungsgespräch einladen; **Меня** интересует эта вакансия, так как я являюсь дипломированным молодым специалистом по специальности «Экономика и финансы», и она является наиболее интересной **для меня** сферой деятельности.*

Изложение текста в письме проявляется также за счет употребления возвратного местоимения 1-го лица единственного числа:

– возвратное местоимение 1-го лица единственного числа в дательном падеже: *ich kann **mir** vorstellen, dass die Arbeit bei Ihnen anspruchsvoll ist;*

– возвратное местоимение 1-го лица единственного числа в винительном падеже: *Ich freue **mich**, wenn Sie mich bald zum Vorstellungsgespräch einladen. Ich **würde** mich freuen, bald von Ihnen zu hören.*

В образцах английского языка такое грамматическое явление отсутствует. А вот в текстах сопроводительных писем к резюме на русском языке возвратные местоимения связаны с залогом, где форма *себя* проявляется в постфиксе *-ся* возвратных глаголов: *на данный момент обучаюсь на курсах вождения автомобиля с целью получить водительские права кат. В.*

Кроме личных и возвратных местоимений, к средствам передачи индивидуализации в письмах-резюме следует отнести притяжательные местоимения: *Sie sehen **mein** jetziges Aufgabengebiet ist schon recht vielseitig und interessant, und trotzdem – oder vielleicht gerade deswegen – bin ich bereits an die innerbetrieblichen Grenzen gestoßen; Please see **my** curriculum vitae enclosed in the same envelope, for more details; **My** colleague Robert Martin, who used to work for you, tells me that you are planning to appoint extra staff this September; Благодарю Вас за рассмотрение **моего** резюме.*

Жанровый признак информативность перекликается со всеми остальными жанровыми признаками, так как все части текста независимо от их функционального предназначения передают информацию. Следует рассмотреть наиболее значимую в плане коммуникации грамматическую категорию времени. Время в любом тексте любого жанра передается в первую очередь:

– с помощью глагола: *ich **bin** promovierte Biologin mit Schwerpunkt Landespflege; I **hope** you will be able to make use of my services; Много общалась и общаюсь непосредственно с носителями языка;*

– при помощи глагольных конструкций: *I am an experienced shop assistant and I **have worked** in many different departments; Während eines studienbegleitenden Praktikums im vorletzten Jahr habe ich erste berufliche Erfahrungen in einem IT-Unternehmen gesammelt;*

– при помощи наречий: ***во время** учебы в институте; **постоянно** повышаю свою квалификацию; I am **currently** teaching German as a Foreign Language at the Goethe Institute in Paris; **Zurzeit** bin ich in einer ungekündigten Festanstellung in einer großen Hamburger Firma für Unternehmensberatung tätig;*

– при помощи имен числительных и существительных: *I have just returned from Bonn where I have lived for **5 years**; Мой опыт работы в юриспруденции составляет **3 года**; 16. März 2006.*

Жанровый признак прагматичность передается за счет сложных грамматических конструкций: в текстах сопроводительных писем к резюме употребляются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, однако в редких случаях простые синтаксические конструкции, такие как простое односоставное предложение, успешно решают прагматические задачи: ***Interessiert?** Dann lassen Sie uns den Termin für ein Vorstellungsgespräch vereinbaren.*

Задачи прагматического плана в сопроводительном письме к резюме решаются с помощью употребления такой части речи, как прилагательное. С помощью прилагательных, используемых в обращениях, автор старается составить о себе благоприятное впечатление: *Sehr geehrter Herr Schulze-Althoff; Dear Mrs Allsop; Уважаемые господа.*

Прагматическую установку несут этикетные клише: *Yours faithfully; Yours sincerely; Mit freundlichem Gruß; Mit freundlichen Grüßen; С уважением, Иван Иванов; Спасибо за внимание!*

Как уже было изложено выше, каждому жанру официально-делового стиля присущ определенный набор жанровых признаков: официальность, лаконичность, точность, индивидуализация, информативность и прагматичность. Наличие данных признаков прослеживается во всех типах сопроводительных писем к резюме на всех языках, рассматриваемых в рамках данной работы. Это позволяет говорить об универсальном характере этих признаков. Какова бы ни была структура текста, внутри нее реализуются все жанровые признаки, а в их совокупности реализуется и сам жанр. Однако сама реализация жанровых признаков протекает по-разному, что влечет за собой изменение общей структуры текста.

Выделение средств текстового порядка сопряжено с проблемой целостности текста. Весь текст составлен в соответствии с законами официально-делового стиля. В качестве примера можно привести этикетную рамку из общей структуры немецкого текста. Пример:

1)

Lukas Müller
Radenhoffgasse 19
34130 Kassel
Tel.: 0561 2223334
Lukas19.mueller@provider-net.de

Livotech Drehteile GmbH Co. KG
Herrn Benno Livertz
Sollingstr. 12 – 16
34135 Kassel

Kassel, 16. März 2006

2)

Initiativbewerbung um einen Ausbildungsplatz als Industriemechaniker

Sehr geehrter Herr Livertz,

3)

Mit freundlichen Grüßen
Lukas Müller

В данном образце на немецком языке прослеживается четкая взаимосвязь всех средств в общей композиции письма. Во-первых, это все необходимые данные об участниках официального общения (1); во-вторых, это корректное обращение к официальному лицу, являющемуся адресатом (2); в-третьих, это окончание письма с учётом жанровых особенностей текста, сюда входит вежливое прощание и подпись адресанта (3).

В образце на английском языке выдержана такая же композиционная целостность. Пример:

1)

*Inverness IV90 OLL
Phone: 01463 34454
13th February 2006*

*The Personnel Manager
Pandy Industries PLC
Florence Estate
Bath BA55 3TT*

2)

Dear Sir or Madam,

3)

*Thanking you in anticipation, I remain,
Yours faithfully,
A Aziz*

Содержание и форма письма отличается от образца на немецком языке, но текстуальная целостность в письмах-резюме на английском и немецком языках идентична.

Схожую композицию имеют тексты на русском языке.

Пример:

*Добрый день, уважаемая Татьяна!
Заранее благодарю Вас за внимание к письму и уделенное моей
кандидатуре время.*

*С уважением,
Комаров Юрий Викторович*

Вместе с тем композиционная схожесть не позволяет говорить об идентичности все этих трех писем. Композиционная схожесть повторяет лишь общие базовые формы, но не объемы и не содержание. Такое различие обусловлено ни сколько совокупностью языковых традиций, особенностей грамматики, стилистических норм, сколько превалированием в тексте жанрового признака прагматичность. За счет прагматических установок расширяется сфера применения язы-

ковых средств, «работающих» на лаконичность. В этих текстах опущены целые информативные блоки, присущие сопроводительным письмам к резюме на английском и немецком языках. Именно с точки зрения прагматичности объясняется схожесть писем на английском и немецком языках. Однако разницу можно наблюдать и между ними.

Главное различие в рассматриваемых образцах сопроводительных писем к резюме на всех трех языках наблюдается в использовании или неиспользовании аналитических языковых форм. Для деловых писем на немецком и английском языках характерно употребление определенных артиклей (*Ich bin in **der** 10. Klasse und stehe kurz vor **dem** Realschulabschluss*; *I am interested in **the** post of Deputy Designer*) и неопределенных артиклей с существительными (*in **einem** Artikel der „Hessischen Allgemeinen“ vom 11.01.2006 habe ich gelesen, dass Sie in Ihrem Betrieb jedes Jahr junge Menschen zu Industriemechanikern ausbilden*; *I saw your advertisement for a position as sales assistant in your garden furniture department and I would like to apply for the job*). Артикль выступает как средство уточнения, а значит, наиболее раскрыт в жанровом признаке точность. В русской языковой традиции артикль отсутствует. Грамматические категории существительного передаются флексивным способом (с помощью окончаний): *Я обладаю знаниями специализированных программ для автоматизированной системы накопления данных и формирования документооборота; программы Консультант Плюс*.

Аналитические формы также способствуют большему насыщению глагольных форм в письмах на английском и немецком языках. Подобное явление существенно усложняет синтаксическую форму предложения: *На сайте <http://hh.ru> я узнал, что в Вашей компании открыта вакансия торгового представителя*; *I **have** just **returned** from Bonn*; *in einem Artikel der „Hessischen Allgemeinen“ vom 11.01.2006 **habe** ich **gelesen** <...>*. Как видно из примеров, для выражения действия в прошлом в русском языке достаточно одного глагола в форме прошедшего времени *узнал*. В английском языке для этой цели служит аналитическая форма *have returned*, в немецком языке *habe gelesen*. В русском языке вспомогательный глагол в анализируемых образцах употребляется при передаче будущего времени: *Буду признателен за отклик и приглашение на собеседование в удобное для Вас время*. Схожее грамматическое явление наблюдается в немецком и в английском языках, где для передачи будущего времени используется вспомогательный глагол: *Ich werde mich freuen, bald von Ihnen zu hören*; *As you will see from y enclosed CV, I have a BA in interior design and plenty of experience*. Именно аналитический тип языка пред-

полагает более широкое употребление глагола в английском и немецком языках по сравнению с русским. Несмотря на различие в количественном употреблении глагольных форм, стоит отметить, что эта морфологическая единица является широко употребляемой во всех трех рассматриваемых языках.

Употребление глаголов и глагольных форм зачастую во всех трех рассматриваемых языках требует определенного предложного управления:

*С удовольствием приму предложение **встретиться** с Вами и **рассказать** более подробно о своем профессиональном опыте работы и возможном потенциале.*

*I have just **returned from** Bonn where I have **lived for** 5 years.*

*Deswegen **bewerbe** ich mich **bei** Ihnen **um** einen Ausbildungsplatz. **Über** die Ausbildung **in** Ihrem Betrieb **habe** ich schon viel Lob **gehört**.*

Как уже отмечалось выше, для текстов деловых писем, к которым относится также сопроводительное письмо к резюме, характерно использование сложных предложений. Здесь важную роль играют союзы:

*Ознакомившись с перечнем квалификационных требований, я пришел к выводу, **что** могу претендовать на данную должность, учитывая тот факт, **что** уже почти 2 года работаю в сфере продаж, при этом эффективно выполняя поставленные передо мной планы и задачи.*

*Außerdem reparierte ich Nähmaschinen, Radios, Anschaltungen oder Fahrräder – alles, **womit** meine Eltern, Schwestern und Freunde zu mir kommen, **wenn** es nicht läuft.*

*I left my last job six year ago **when** I reached retirement age got too old, **but** I get terribly bored at home.*

Употребление союзов во всех трех языках наиболее раскрыто в жанровом признаке информативность, так как информация не всегда передается в сжатом виде.

Стоит отметить, что в сопроводительных письмах к резюме есть различие в употреблении прилагательного. В образцах на немецком языке имя прилагательное употребляется чаще, чем в образцах на английском и русском языках: *Sie sehen mein **jetziges** Aufgabengebiet ist schon recht **vielseitig** und **interessant**, und trotzdem – oder vielleicht gerade deswegen – bin ich bereits an die **innerbetrieblichen** Grenzen gestoßen.* Употребление прилагательного в рассматриваемых языках обусловлено неодинаковыми задачами. Отдельные жанровые признаки предполагают более широкое употребление прилагательного.

Схожесть наблюдается при передаче жанрового признака информативность:

*Я обладаю **глубокими** знаниями российской **налоговой** системы и российского **бухгалтерского** учета.*

*I have just returned from Bonn where I have lived for 5 years, and I am keen to join a **small** team here in Cardiff.*

*Überdies ist es gerade im Umweltbereich keineswegs einfach, die **ökonomischen** Zwänge mit den Forderungen des Gesetzgebers und den **gegensätzlichen** Wünschen von Bürgerinitiativen, Umweltverbänden und der Wirtschaft unter einen Hut zu bringen.*

Различия наблюдаются при передаче жанрового признака индивидуализация:

*Моим приоритетом на ближайшие пять лет является **перспективная** работа в сфере налогообложения в крупной компании.*

*I feel I am **ready** for a new challenge now.*

*Schließlich verbinde ich seit mehreren Jahren die Berufstätigkeit mit meiner Aufgabe als **alleinerziehende** Mutter.*

Передача жанровых признаков официальность и индивидуализация на всех трех рассматриваемых языках невозможна без употребления личных местоимений. Официальность передается, прежде всего, через вежливую форму обращения:

*Я много слышала о Вашем центре и была бы рада работать у **Вас**.*

*Thanking **you** in anticipation, I remain,*

*Für ein Gespräch stehe ich **Ihnen** jeder Zeit zur Verfügung.*

Примечательно, что в русском и немецком языках вежливая форма пишется с заглавной буквы, в то время как в английском языке такого разграничения не наблюдается. Также стоит отметить, что в английской языковой культуре нет различия обращения на «ты» и «Вы».

Совпадения наблюдаются также на всех трех языках в употреблении наречий в текстах сопроводительного письма к резюме. Наиболее широко наречие используется в жанровом признаке индивидуализация:

***Много** общалась и общаюсь непосредственно с носителями языка.*

*I have **just** returned from Bonn where I have lived for 5 years, and I am keen to join a small team here in Cardiff.*

*Maschinenschlosser – das will ich **gern** sein.*

Употребление частиц и междометий не типично для текстов сопроводительных писем к резюме на всех трех рассматриваемых языках за исключением отрицательных частиц:

*Желаемый уровень зарплаты: **не** ниже 1000\$.*

*I **can't** wait to hear from you.*

*Bitte lassen Sie sich durch meine Zeugnisse **nicht** abschrecken – mir liegt die Paukerei **nicht**.*

Во всех трех рассматриваемых языках также используется междометие этикетно-выразительного плана, которое типично для жанрового признака – официальность: *Спасибо; Danke; Thanking you.*

В плане выбора синтаксических языковых средств не наблюдается особого различия во всех текстах образцов сопроводительных писем к резюме на русском, немецком и английском языках. Сходство прослеживается, прежде всего, в утвердительной форме высказывания. На это указывает упомянутое выше редкое употребление отрицательных частиц.

Подавляющая часть предложений во всех образцах является повествовательной по цели высказывания. Автор сопроводительного письма к резюме повествует о различных фактах действительности, касающихся лично его и возможности его трудоустройства. Вопросительные и побудительные (восклицательные) предложения не типичны для данного поджанра официально-делового письма:

Добрый день! Спасибо за внимание!

Interessiert? Dann lassen Sie uns den Termin für ein Vorstellungsgespräch vereinbaren. Ich freue mich darauf!

Как видно из вышеприведенных примеров, восклицательные предложения употребляются крайне редко в рассматриваемых образцах на немецком и русском языках ввиду того, что они экспрессивны. В образцах на английском языке восклицательные и вопросительные предложения отсутствуют.

Еще одним общим сходством образцов сопроводительных писем к резюме на всех трех рассматриваемых языках является преимущественное использование определено-личных предложений:

Ознакомившись с перечнем квалификационных требований, я пришел к выводу, что могу претендовать на данную должность, учитывая тот факт, что уже почти 2 года работаю в сфере продаж, при этом эффективно выполняя поставленные передо мной планы и задачи.

I am writing in the hope that you might be able to offer me a position in your firm as an interior-designer.

Während eines studienbegleitenden Praktikums im vorletzten Jahr habe ich erste berufliche Erfahrungen in einem IT-Unternehmen gesammelt.

Использование определенно-личных предложений обусловлено тем, что в тексте подается информация о конкретных лицах, действиях и событиях. По этой причине крайне редко встречаются неопределенно-личные предложения и безличные предложения.

К особенностям анализируемых текстов образцов сопроводительных писем к резюме на немецком, английском и русском языках относится широкое употребление сложных предложений, которые служат для языковой экономии:

Мое резюме приложено к данному письму, в нём вы можете более подробно ознакомиться с моей кандидатурой.

As a part of my advanced training relating to my current position as a junior system trainee in Köln, I have to work for a period of not less than two months over the summer in a computing firm in Britain or Ireland.

In der Regel erarbeite hierzu Gutachten mit Grafiken, die ich auch selbst präsentiere.

Сложные предложения в основном встречаются в середине текста, простые чаще всего используются в начале и в конце сопроводительных писем к резюме, что обусловлено традицией написания делового письма, а также простые предложения служат для упрощения восприятия и понимания содержания текста.

Руководствуясь результатами проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Поджанр «сопроводительное письмо к резюме», находясь в рамках жанра «резюме», обладает набором только ему присущих грамматических категорий.

2. Лингвистический анализ грамматических категорий показал их прямую корреляцию с жанровыми признаками: официальность, лаконичность, точность, индивидуализация, прагматичность и точность. Реализация данных жанровых признаков напрямую зависит от выбора морфологических и синтаксических средств, составляющих языковой корпус грамматики. Части речи отвечают за общее смысловое значение, за семантику синтаксических конструкций, так как предложение является средством выражения законченной мысли. В свою очередь синтаксические конструкции отвечают за логическое смысловое содержание текста.

3. Жанр резюме, относясь к жанрам официально-делового стиля, остается в его рамках, в то время как его составная часть – поджанр сопроводительное письмо – имеет уникальные стилистические осо-

бенности, расширяя границы понимания нормы официально-делового письма.

4. К стилистическим особенностям сопроводительных писем можно отнести следующие языковые явления: при подвижности границ использования лексики не меняются границы синтаксических норм.

5. Анализ текстовой структуры различных типов сопроводительного письма к резюме с учетом их жанровых признаков показал, что текстовая структура находится в прямой зависимости от прагматических установок автора. Композиционная особенность каждого вида сопроводительного письма заключается в том, что текст, сохраняя типичные композиционные черты, может различаться по объему, по расположению и насыщенности информативных блоков.

8. ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЖАНРА ИНТЕРАКТИВНОЙ ТЕЛЕБЕСЕДЫ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

За последние несколько лет изучение медийного дискурса не теряет своей актуальности в области лингвистики, а такой его подтип, как телевизионный дискурс, вызывает у исследователей особый интерес из-за развития новых диффузных жанров в результате активного взаимодействия телевизионных жанров с жанрами интернет-дискурса. *Диффузия жанров определяется нами как процесс взаимодействия и взаимопроникновения языковых средств, а также элементов структур двух и более жанров, в результате которого образуется особая жанровая модель, обладающая собственной прагмалингвистической организацией и целью* [35, с. 30]. Исследуемый нами диффузный жанр интерактивной телебеседы возник в процессе взаимодействия жанра телевизионного дискурса «телебеседа» с жанром интернет-дискурса – «интернет-блогом». Анализ структурной организации диффузного жанра интерактивной телебеседы проводится на материале англоязычной телепрограммы “Q&A” (полная версия “Questions and Answers”) [148] и белорусскоязычной телепрограммы «Дыя@блог» («Блог Алены Трацэнка», «Блог Крысціны Смольскай», «Дыя@блог Р.С.») [20, 21, 52]). Так как исследуемый диффузный жанр интерактивной телебеседы состоит из двух жанров – телебеседы и интернет-блога, логично выделить в его структуре два композиционных элемента – телепрограмму (представляющую телебеседу) как основной элемент, и интернет-блог как вспомогательный элемент. Телезритель, оставляя вопросы в блоге, является не только участником блога, но и непосредственным создателем телепрограмм. В результате диалога со зрителем посредством оставленных им в блоге вопросов, сообщений и комментариев появляются темы для новых выпусков телепрограмм: *«гледачы могуць удзельнічаць у стварэнні перадачы. У аснове праграмы – інтэрактыў праз інтэрнэт-блогі. Усе пытанні і каментарыі, якія дасылаюцца на блог вядучых, будуць агучаны падчас эфіру»* [52]. То есть интернет-блог является, с одной стороны, основой для создания новых телепрограмм и их постоянным хранилищем, а с другой стороны, связью с телезрителем для создания интерактивных телебесед.

Анализ практического материала позволил представить англоязычную и белорусскоязычную модели исследуемого жанра в виде схем на рисунках 1 и 2.

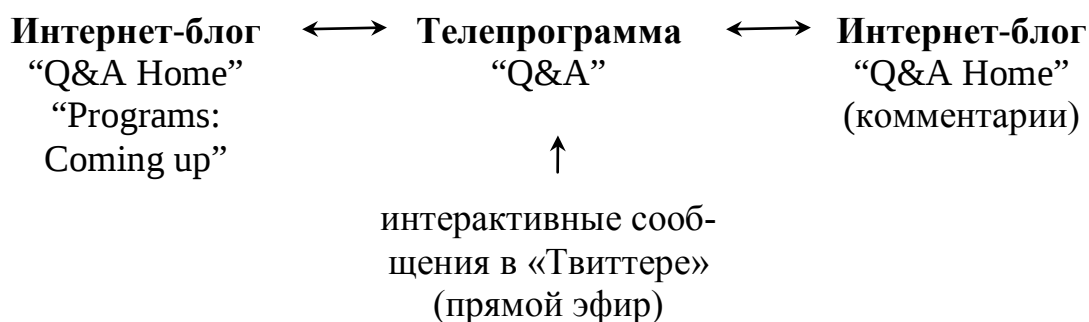

Рисунок 1 – Принцип построения англоязычной модели жанра интерактивной телебеседы

В блоге “Q&A Home” (“Q&A Домашняя страница”) [148] имеется рубрика “Programs: Coming up” (“Программы: скоро в эфире”), где отображается анонс последующей телепрограммы, которая затем обсуждается в телепрограмме “Q&A”. Запись телепрограммы размещается в блоге, чтобы читатель/зритель смог ее просмотреть, если не успел это сделать в прямом эфире, а также оставить свои комментарии через мини-блог «Твиттер».

Англоязычная модель диффузного жанра по своей организационной структуре мало отличается от белорусскоязычной структуры жанра. Различия отмечаются в оформлении рубрик самих блогов, в средствах связи и количестве участников телепрограммы. В белорусскоязычной модели новая информация отражается в блоге по одной из тематик (к примеру, «Дыяблог пра мову»), затем обсуждается в телепрограмме под таким же названием, после чего запись программы размещается в блоге, чтобы читатель/зритель смог оставить свои комментарии. На рисунке 2 это выглядит следующим образом [35, с. 31]:

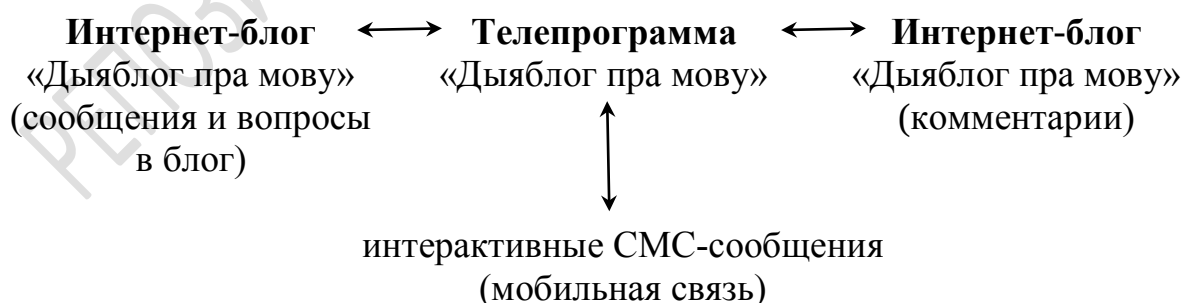

Рисунок 2 – Принцип построения белорусскоязычной модели жанра интерактивной телебеседы

Исходя из приведенных моделей жанра интерактивной телебеседы, мы видим, что основной и вспомогательный элементы диффузного жанра – телепрограмма и интернет-блог – находятся в единстве. Внутри единства двух разных жанров отмечается определенная многоступенчатая структура, которая состоит из этапов подготовки телепрограммы на основе ее интерактивной взаимосвязи с блогом, что является характерной чертой диффузного жанра интерактивной телебеседы [35, с. 31]. Рассмотрим подробнее следующую таблицу, в которой прослеживаются поэтапные взаимосвязи основного и вспомогательного элементов жанра интерактивной телебеседы, а также коммуникативные взаимосвязи его участников:

Таблица 1 – Многоступенчатая структура строения диффузного жанра интерактивной телебеседы

Жанр интерактивной телебеседы			
Этап	Жанр	Канал	Участники коммуникации
1. Подготовительный	Интернет-блог	Интернет	1. Ведущий/блогер → читатели 2. Читатели → гость-эксперт ↙ ↘ ведущий/блогер
2. Основной	Телепрограмма (прямой эфир)	Телевидение + блог и другие интерактивные каналы связи	1. <i>Англоязычная телепрограмма:</i> гость ↙ ↘ ведущий ↔ зрители в зале ↙ ↘ телезрители 2. <i>Белорусскоязычная телепрограмма:</i> гость ↙ ↘ ведущий ↔ телезрители
3. Рефлексивный	Интернет-блог	Интернет	Телезрители ↔ Блогер

В таблице 1 представлены три этапа, которые лежат в основе создания диффузного жанра интерактивной телебеседы – подготовительный (в жанре «интернет-блог» блогер предоставляет информацию читателю с тем, чтобы читатель оставил вопросы гостям); основной этап – это телепрограмма, где участвуют все три звена «ведущий – гости-эксперты – зрители в зале – телезрители» (в англоязычной модели) и «ведущий – гость-эксперт – телезрители» (в белорусскоязычной модели); рефлексивный этап включает комментарии, сообщения и предложения телезрителей/читателей блога.

Следует отметить, что участники жанра на каждом этапе меняют свою роль, например, ведущий телепрограммы на подготовительном этапе является блогером, а читатель блога на основном этапе становится телезрителем. Такая смена ролей является отличительной чертой данного диффузного жанра интерактивной телебеседы [35, с. 31–32], [34, с. 7].

Коммуникативные взаимодействия участников на всех этапах структурной организации исследуемого жанра позволяют предположить, что жанр интерактивной телебеседы характеризуется наличием в нем трех коммуникативных субпространств: блога, телепрограммы и интерактивных сообщений, отправляемых через другие интерактивные каналы связи. Внутри каждого субпространства между участниками происходит коммуникативное взаимодействие (интеракция), каждое из которых имеет определенный характер. Например, непосредственное/ опосредованное (по способу установления и удержания контакта, то есть личностное взаимодействие или через канал связи), оперативное/неоперативное (прямая/непрямая трансляции), обязательное/необязательное (необходимость взаимодействия), активное/пассивное (участие всех коммуникантов), рефлексивное/нерефлексивное (наличие реакции на сообщение) [34, с. 8].

Для описания особенностей интерактивной коммуникации мы частично использовали классификацию Дж. Томсона, который выделяет три вида интеракции: непосредственную, то есть лицом к лицу; опосредованную (через дополнительный канал связи) и опосредованную квазиинтеракцию (нерефлексивные сообщения) [257]. Однако в нашей работе под интеракцией мы рассматриваем коммуникацию в узком смысле слова, то есть ту, которая осуществляется через дополнительный канал связи, например, интернет. С этой позиции сообщения, оставленные в интернет-блоге до или после программы, а также те, которые поступают в прямой эфир, мы называем интерактивными. Общение участников между собой обозначаются нами как коммуникативное взаимодействие, которое может быть непосредственным,

прямым или опосредованным, то есть интерактивным. М. Толбэт указывает на вариативность или микшированность интерактивных взаимодействий [256]. Именно эта особенность характерна для исследуемого жанра интерактивной телебеседы. Виды коммуникативных взаимодействий в разных субпространствах – блоге, телепрограмме и интеракции в прямом эфире представлены в таблице 2 [34, с. 8].

Таблица 2 – Особенности коммуникативных субпространств жанра интерактивной телебеседы

Коммуникативное субпространство	Модели коммуникации	Виды коммуникативных взаимодействий (КВ) в субпространствах жанра интерактивной телебеседы
1	2	3
1 Блог	Сообщения телезрителей блогеру / ведущему / будущему гостю-эксперту) <i>до телепрограммы.</i>	Опосредованное, обязательное, неоперативное (не в прямом эфире), рефлексивное (в телепрограмме), пассивное КВ.
	Сообщения телезрителей <i>после телепрограммы</i> в блог.	Опосредованное, необязательное, неоперативное, пассивное, нерефлексивное КВ.
2 Телепрограмма	А) <i>Английская телепрограмма:</i> ведущий – гости–эксперты (более 2х гостей) – зрители в зале.	А) Непосредственное, оперативное, активное, рефлексивное, обязательное КВ между ведущим, гостем и зрителями в зале.
	Б) <i>Белорусская телепрограмма:</i> ведущий – гость/эксперт (не более 2 гостей).	Б) Непосредственное, оперативное, рефлексивное, обязательное, активное КВ.

Окончание таблицы 2

1	2	3
3 Интеракция в прямом эфире телепрограммы (интерактивные сообщения телезрителей, отправляемые через блог, «Твиттер», социальные сети, а также СМС-сообщения).	А) <i>Английская телепрограмма</i>: телезрители оставляют сообщения в прямом эфире телепрограммы. Ответная реакция не предполагается. Б) <i>Белорусская телепрограмма</i>: телезрители оставляют сообщения в прямом эфире телепрограммы. Ответная реакция предполагается.	А) Опосредованное, оперативное, необязательное, пассивное, нерефлексивное КВ (квазиинтеракция). Б) Опосредованное, оперативное, необязательное, пассивное, рефлексивное КВ.

В результате диффузии двух жанров разных типов дискурса особый интерес вызывают не столько изменения, которые происходят внутри этих жанров, сколько степень изменения главных перечисленных параметров нового образовавшегося жанра. Рассмотрим более подробно структуру телепрограммы как основного элемента жанра интерактивной телебеседы. По словам Н. Н. Цибановой, телевизионная программа, телепрограмма, телепередача – это видеоряд, обладающий единым назначением и некоторой целостностью (сюжетом), показываемый по телевидению [165, с. 833–837]. Телепрограммы, в отличие от телепередач, регулярны и обладают одноформатными признаками: имеют постоянное название, единую структуру, общую тему, идею, наполнение, оформление, постоянных ведущих, творческую группу, стабильную аудиторию, постоянный хронометраж и место в расписании передач (конкретный день и одно и то же время). Если телепередача представляет собой самостоятельный автономный разовый эфирный материал, то телепрограмма, по словам Н. Н. Цибановой, является частью проекта: «Программа имеет композиционную завершенность как звено цепи. Все звенья одинаковые, они связаны и образуют единый проект» [165, с. 833–837].

Телепрограммы в рамках телевизионного дискурса, в свою очередь, представляют материалы разных жанров. Как один из внутренних структурных элементов жанра интерактивной телебеседы, телепрограмма является основным его структурным элементом (табли-

ца 1, этап 2). В телепрограмме в процессе телебеседы принимает участие максимальное количество участников – ведущий телепрограммы, аудитория и сами гости-эксперты, отвечающие на вопросы всех участников телебеседы (рисунок 3).

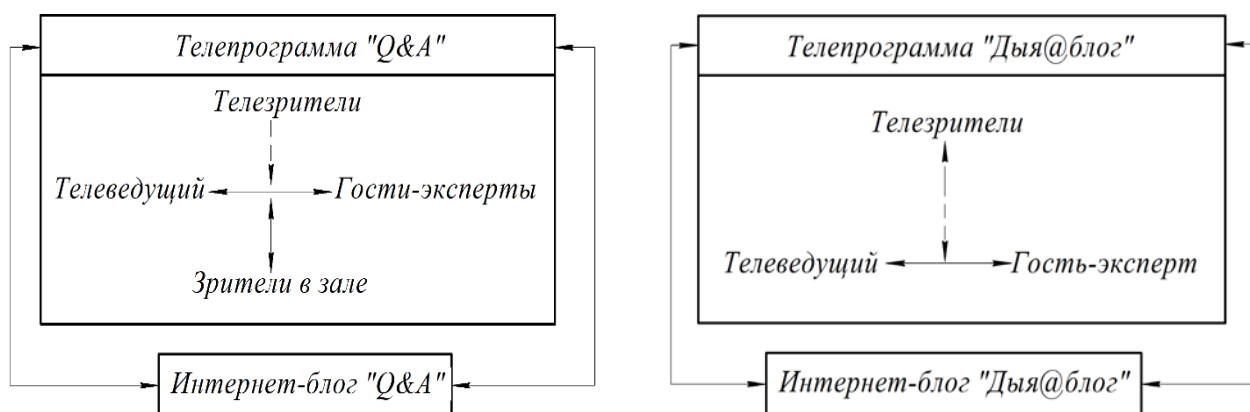

Рисунок 3 – Структурные схемы диффузного жанра англоязычной и белорусскоязычной интерактивной телебеседы

Следует отметить, что ведущий является как самостоятельным участником дискурса, задавая свои вопросы гостям, так и участником-посредником, озвучивая вопросы зрителей и читателей блога. Зрители, в свою очередь, могут представлять собой аудиторию, сидящую в телестудии, телезрителей у экранов и интернет-пользователей, читающих блог/смотрящих телепрограмму через интернет-блог. Рассмотрим и сопоставим две схемы на рисунке 3, которые отображают структуру диффузного жанра англоязычной и белорусскоязычной интерактивной телебеседы. Из рисунка 3 видно, что диффузный жанр состоит из взаимосвязанных элементов – телепрограммы (основного) и интернет-блога (вспомогательного). Телепрограмма как основной элемент жанра включает максимальное количество участников – телезритители, телеведущий, гости-эксперты. В англоязычной схеме диффузного жанра именно те телезритители, которые оставляют в блоге "Q&A" свои вопросы и оставляют заявки на участие в программе, присутствуют в телестудии. В белорусской версии телепрограммы зрители в студию не приглашаются. Телезритители вне зала, как показывают обе схемы, могут оставлять интерактивные сообщения в прямом эфире телепрограммы. Двойная стрелка, соединяющая телезрителей с ведущим и экспертом в белорусскоязычной схеме, обозначает, что сообщение телезрителя рефлексивно, то есть на него реагирует ведущий или эксперт. В англоязычной схеме коммуникативное взаи-

модействие между телезрителем и участниками телебеседы одностороннее, нерефлексивное, так как все могут видеть сообщения на экране, но не реагировать на них. Гипотетически, их могут комментировать другие телезрители, однако это нетипично для англоязычной телепрограммы, так как каждый заинтересован оставить только свое мнение.

Анализ схем показал, что телепрограмма интерактивна как по своей внутренней структуре, то есть внутри своего коммуникативного субпространства (телезритель может участвовать в беседе в прямом эфире), так и за счет вспомогательного элемента – интернет-блога (телезритель или читатель блога может осуществлять коммуникативное взаимодействие с участниками в блоге до и после просмотра программы). Это значит, что диффузный жанр характеризуется двойной интеракцией.

Рассмотрим процесс коммуникативного взаимодействия участников телебеседы более подробно. Как правило, в начале англоязычной и белорусскоязычной телебеседы ведущий приветствует всех, представляет себя и гостей. В англоязычной программе гостей может быть от 4 до 6, тогда как в белорусскоязычной – 1 или 2 гостя. Рассмотрим следующие примеры:

TONY JONES: Good evening. Welcome to Q&A <...>. I'm Tony Jones and here to answer your questions tonight ('Тони Джонс: Добрый вечер. Добро пожаловать в программу Q&A <...>. Я, Тони Джонс, здесь с вами для того, чтобы ответить на ваши вопросы сегодня вечером') [QAA].

Крысціна Смольская («Дыя@блог – Пра прыгожае»): Вітаю вас у праграме “Дыяблог. Пра прыгожае” з Крысцінай Смольскай. Праграма наша інтэрактыўная і вы можаце актыўна далучыцца да нашай дыскусіі, напісаць вашы пытанні, каментарыі на наш сайт diablog.by, таксама вы можаце даслаць вашы смс-наведамленні падчас эфіру. Таксама я нагадаю, што ўсе выпускі нашых праграм вы можаце паглядзець на сайце тэлеканала “Беларусь-3”. Калі ласка, далучайцеся [БКС].

После приветствия ведущий представляет всех гостей, приглашает к онлайн-беседе посредством сообщений через мини-блог «Твиттер» (в английской телепрограмме) и СМС-сообщения (в белорусской телепрограмме). В англоязычной телебеседе ведущий сразу переходит к вопросам: *Please welcome our panel. Thank you. Tonight we're hoping to get to climate change, virtue signalling and poverty. Our first question comes from Kevin Muslayah* ('Пожалуйста, поприветствуйте наших экспертов. Спасибо. Сегодня мы надеемся обсудить

такие темы, как изменение климата, добродетель и бедность. Наш первый вопрос исходит от Кевина Муслаи') [QAA].

Белорусскоязычная телебеседа отличается тем, что ведущий не переходит к вопросам сразу после того, как представил гостей, а вводит телезрителя и гостя в тему постепенно через наводящие вопросы приглашенному гостю-эксперту, спрашивая, готов ли он начать общение. Так, в последующем примере ведущий озвучивает тему предстоящей беседы, приветствует гостя, и далее на экране демонстрируются фотоснимки или видеофрагменты, которые обсуждаются в начале диалога, готовят зрителя к теме и последующим вопросам, связанным с ними:

Алёна Трацэнка: – Вітаю вас, Уладзімір!

Уладзімір Бербераў: – І я вас вітаю ўзаемна.

Алёна Трацэнка: – Уладзімір, давайце, падрыхтуем глядачоў да гутаркі і прапануем ім відэафрагмент выступлення фолк-гурта “Ліцвіны”.

Уладзімір Бербераў: – Калі ласка [БАТ].

Следует также отметить, что в белорусскоязычной телебеседе сам гость может сказать слова приветствия, чего он ожидает от беседы, что не наблюдается в англоязычной версии. Далее ведущий озвучивает вопросы телезрителей в ходе беседы, либо зритель задает свой вопрос сам, сидя в студии или через СМС-сообщение. Следует отметить, что вопросы, оставленные в блоге заранее, не являются спонтанными. Однако любой зритель может отправить СМС-вопрос или оставить комментарий в ходе телебеседы.

Обращаясь к представленной ранее таблице 1, демонстрирующей этапы построения жанра интерактивной телебеседы, мы выделяем завершающий этап – рефлексивный, который связан с телепрограммой именно потому, что данном этапе, исходя из таблицы, читатели блога, постоянные или гипотетически возможные, могут оставить свои комментарии, а также еще раз просмотреть телебеседу, пересмотреть все озвученные вопросы, стенограмму телебеседы (в англоязычной версии), прочесть объявления/комментарии в «Твиттере» [147] или в рубрике СМС (в белорусскоязычной версии). В отличие от традиционного жанра телебеседы, в котором коммуникация между участниками замыкается внутри телепрограммы, в жанре интерактивной телебеседы цепочка коммуникативного взаимодействия участников выходит за рамки телепрограммы и отображается в интернет-блоге в виде комментариев. Возможность последующего участия посредством комментариев является одной из отличительных особенностей жанра интерактивной телебеседы. Для наглядности сравним две

коммуникативные цепочки традиционного жанра телебеседы (А) и диффузного жанра интерактивной телебеседы (Б):

А) *Телепрограмма = Ведущий + Гость + Телезрители + (Зрители в зале);*

Б) *Телепрограмма = Ведущий + Гость + Телезрители + (Зрители в зале) + интернет-блог: комментарии любого участника неограниченны.*

Рассматривая вспомогательный элемент жанра интерактивной телебеседы, следует отметить, что интернет-блог – это веб-сайт, представляющий собой онлайн-дневник с отзывами, комментариями, которые зачастую сопровождаются гиперссылками [240, с. 31]. Блоговые записи представляют собой текстовые (textual) сообщения, а также могут содержать фото и мультимедиа» [238, с. 222].

Главная цель блога – построение коммуникативной площадки, где коммуниканты могут общаться друг с другом, выражать свои чувства, и размышлять на различные темы [238, с. 231].

Мы считаем, что интернет-блог является вспомогательным элементом диффузного жанра интерактивной телебеседы, поскольку оставленные в блоге вопросы телезрителей являются для ведущего ориентиром при создании телепрограммы. Таким образом, блог создает условия для интерактивности участников. Помимо интеракции, он может использоваться в качестве хранилища информации, рекламы, инструмента для сбора данных, для самовыражения его автора и многих других задач.

В данном исследовании интернет-блог, как отмечалось ранее, находится в тесной взаимосвязи с основным элементом исследуемого жанра – телепрограммой. Он позволяет осуществить контакт с аудиторией, вызвать интерес и стимулировать читателя/телезрителя стать участником телебеседы, используя возможность задавать вопросы, предлагать темы для бесед и оставлять комментарии. Следует отметить, что авторы белорусскоязычных блогов выполняют роль и блогеров, и телеведущих, в отличие от англоязычных телеведущих “Q&A”. Это позволяет сделать вывод о том, что белорусскоязычный блог также является инструментом самовыражения телеведущего-блогера.

Как правило, интернет-блог имеет свою структуру, которая представлена определенными рубриками. Рассмотрим основные рубрики англоязычного блога “Q&A” [148], такие как “Q&A Home” (‘Домашняя страница’), “Programs” (‘Программы’), “Ask a question” (‘Задать вопрос’), “Join the schools Panel” (‘Присоединиться к школьной группе специалистов’), “Join the discussion” (‘Присоединиться к

дискуссии'), *"Join the studio Audience"* ('Присоединиться к аудитории в студии'), *"About"* ('О нас'), *"Contact"* ('Контакт'). На главной странице блога ***"Q&A Home"*** ('Q&A Домашняя страница') размещается информация о приглашенных гостях, которые будут участвовать в предстоящем выпуске программы. На подготовительном этапе создания телепрограммы тематический анонс отражается в блоге ***"Q&A Home"*** ('Q&A Домашняя страница'), где читатель блога видит, какие эксперты будут участвовать в следующем выпуске передачи. Например: ***Monday 15 October, 2018. Climate, Welfare and Religious Schools. Here to answer your questions tonight, leading international economist Jeffrey Sachs, Liberal senator James Paterson, Labor frontbencher Terri Butler, the conservative writer who coined the phrase 'virtue signalling', James Bartholomew, and our People's Panellist, Linda McIver, a computer science high school teacher who's founded a charity to promote data science education. Please welcome our panel*** ('Чтобы ответить на ваши вопросы сегодня вечером собрались ведущий международный экономист Джеффри Сакс, либеральный сенатор Джеймс Патерсон, представитель лейбористской партии Терри Батлер, консервативный писатель, который придумал фразу «сигнал о добродетели», Джеймс Бартоломью и наш всенародный эксперт Линда Макивер, школьный учитель, которая основала благотворительную организацию для содействия образованию в области информатики. Пожалуйста, приветствуйте наших экспертов') [QAA].

Следующая рубрика ***"Programs"*** ('Программы') предлагает анонс последующих телепрограмм (*"Coming Up"*), архив программ (*"All Programs"*) и сборку лучших передач за год (*"Best of 2017"*), а также возможность скачать и сохранить записи передач (*"Download"*). Обсуждаемые темы и названия программ различны, например: *Trust, Leadership, and Stability* ('Доверие, лидерство и стабильность'), *Climate, Welfare and Religious Schools* ('Климат, благосостояние и религиозные школы'), *Teaching Special* ('Учить по-особенному') [QAA, 148] и другие. Как видно из примеров, темы могут затрагивать как экономику, политику, общественные законы, так и сферу образования и культуры. То есть все, что интересует общественность и является более актуальным в настоящий момент. Также ведется статистика активности участников в беседе, кто насколько активно выражал свою позицию в беседе.

Для участия в телепрограмме ***"Q@A"*** в рамках одной из многочисленных тематик, как правило, приглашаются от 2-х до 5-ти участников-экспертов, которым телезрители и читатели блога могут написать/задать вопросы в рамках интересующих их тематик. Для этого и

существует рубрика **“Ask a question”** (‘Задать вопрос’), в которой зритель/читатель может напечатать вопрос в блоге (**“Web question”** (‘Веб-вопрос’)) или отправить вопрос в видеоформате (**“Video question”** (‘Видео-вопрос’)). Количество вопросов зачастую определяет актуальность темы и повышенную заинтересованность читателей-зрителей блога. Рубрика **“Join the discussion”** (‘Присоединиться к дискуссии’) предоставляет возможность просмотра телебеседы в прямом эфире, а также возможность оставлять комментарии в ходе телебеседы, о чем подробно излагается в подразделе **“Q&A’s Twitter Broadcast”** (‘Трансляция в «Твиттере»’). Рубрика **“Join the studio Audience”** (‘Присоединиться к аудитории в студии’) предполагает регистрацию и рассчитана на тех, кто хочет присутствовать в студии в ходе телебеседы, а также задать свой вопрос лично. **“About”** (‘О нас’) и **“Contact”** (‘Контакт’) – рубрики, которые носят информационно-организационный характер. Рубрика **“About”** содержит информацию о проекте **“Q&A”** в целом, а в разделе **“Contact”** представлена информация для контактов. Таким образом, телепередача создается с учетом запросов и пожеланий аудитории – читателей и телезрителей.

В англоязычном варианте зрители используют мини-блог «Твиттер» для связи со зрителем непосредственно в прямом эфире. В белорусскоязычной модели также используется «Твиттер», однако отсутствует бегущая строка с откликами на экране, вместо этого на экране отображается вопрос из блога. Также телезрители могут отправлять вопросы и с помощью СМС-сообщений, однако в студию не приглашаются. Следует отметить учет статистики взглядов аудитории, например, в телебеседе на тему **«Church and State»** (‘Церковь и государство’) мы видим следующие данные:

Audience: *In the #QandA audience tonight 74% say that they believe in God* (‘Аудитория: 74% сегодняшней аудитории, участвующей в беседе, верят в Бога’) [QAA].

А также прослеживается процент принадлежности аудитории к определенным политическим партиям:

Audience: *Coalition 22%, ALP 22%, Other 29%, Greens 10%* (‘Аудитория: коалиция 22%, ALP 22%, другие 29%, партия зеленых 10%’) [QAA].

Таким образом, на подготовительном этапе (1) читатель-зритель посредством своих вопросов влияет на формирование будущей передачи. Так, в англоязычном блоге Грант Томпсон написал вопрос в блоге **“Q&A”** о том, насколько актуально и важно в наши дни изучать Шекспира:

GRANT THOMPSON asked: After having the privilege of teaching Shakespeare to drug addicted teenagers, criminals, super models, AFL footballers, Iraqis, Persians, Kiwis, merchant bankers and dentists, I found Shakespeare helped us all understand each other as human beings. Is asking you “Is Shakespeare relevant?” like asking a scientist “Is Climate Change Real?” (‘ГРАНТ ТОМПСОН: У меня была возможность преподавать Шекспира подросткам-наркоманам, преступникам, супер-моделям, футболистам Австралийской футбольной лиги, выходцам из Ирака, Ирана, Новой Зеландии, банкирам, дантистам и пришел к выводу, что независимо от рода деятельности и социального класса Шекспир помог нам лучше понять друг друга. Не кажется ли вам, что после этого задавать вопрос об актуальности изучения Шекспира – это все равно что спросить ученого, реальны ли климатические изменения?’).

Белорусскоязычный блог «Дыя@блог» состоит из нескольких блог-страниц и имеет следующие основные тематические направления:

«Пра мову» – «Блог Алены Трацэнка» [20];

«Пра літаратуру» – «Блог Тацяны Сівец & Стеллы Чирковой» [23];

«Пра прыгожае» – «Блог Крысціны Смольскай» [21];

«Пра вечнае/О вечном» – «Блог Михаила Кириченко» [22];

«Дыя@блог P.S.» (блогер-ведущий Наум Гальперович) [52].

Каждая блог-страница принадлежит определенному автору, то есть блогеру. Следует отметить, что в белорусской версии каждый автор-блогер является ведущим интерактивной телепрограммы, связанной с его блогом. Например, Елена Троценко является и телеведущей, и блогером блог-страницы «Пра мову», Кристина Смольская – ведущая и автор страницы «Пра прыгожае», раздел «Пра літаратуру», включающий в себя и блог, и телепрограммы, ведется одновременно на русском и белорусском языке двумя телеведущими – Татьяной Сивец и Стеллой Чирковой по авторскому замыслу программы и блога. Блог Михаила Кириченко – русскоязычный. Блог-страницы каждого автора имеют определенные рубрики. Приведем пример рубрик белорусскоязычного блога Елены Троценко [20]:

«Галоўная старонка» – информационная страница, где размещаются материалы, которые, по мнению автора блога, могут заинтересовать читателя («*Гэта цікава*»); а также темы и сведения о приглашенных гостях, которым читатели блога могут написать свои вопросы («*“Дыя@блог” ладзіць размову пра падручнікі. У студыі вітаем Вольгу Зелянко*» [БАТ, 20]).

«Выпускі праграм/Тэмы праграм» – рубрика, содержащая информацию о программах, которые уже были показаны. Начало раздела состоит из обращения к телезрителям и интернет-пользователям и сообщения о том, где они могут посмотреть программы: *«Сябры! Тыя, хто не паспеў паглядзець нашы праграмы ў эфіры тэлеканала “Беларусь 3”, могуць зрабіць гэта ў інтэрнэце ў маім блогу»*.

26 студзеня. Тэма: *Скарбы дыялектных гаворак. Наша госця – Вераніка Курцова – загадчык аддзела дыялекталогіі і лінгвагеаграфіі Інстытута мовазнаўства імя Я. Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі [БАТ]*.

«Пра мяне» – рубрика, в которой автор пишет о себе. Например, Елена Троценко представляет себя следующим образом:

– Нарадзілася я ў Гомелі ў сям’і, у якой панавалі каханне і згода. Звычайная дзяўчынка, што пачувалася шчаслівай роўна з таго часу, як пачала ўспрымаць сябе часцінкай вялікага свету... [БАТ].

«Займальна пра мову» – данная рубрика, содержащая некоторые факты о родном языке, не типична для всех блогов, а скорее является авторским замыслом определенного блогера;

«Задаць пытанне» – рубрика, в которой любой интернет-пользователь и телезритель может написать свой вопрос;

«Водгукі» – рубрика для комментариев телезрителя или интернет пользователя;

«Фотагалерэя» – рубрика, содержащая фотографии блогера (необязательный раздел, присутствует не во всех блогах);

«СМС» – рубрика, в которой фиксируются присланные в студию СМС-сообщения и вопросы телезрителей.

Расположение и названия разделов в блог-страницах каждого автора могут несколько отличаться (например, у Елены Троценко есть раздел «Займальна пра мову», но нет раздела «Задаць пытанне», а в блоге Кристины Смольской – как раз наоборот). Следует отметить, что в блоге информация накапливается, однако заполняемость рубрик дополнительным материалом зависит от желания автора и его замысла. В белорусскоязычных программах приглашается, как правило, один или два гостя-эксперта, но гостей может быть и больше, поскольку это зависит от темы беседы и замысла автора.

На подготовительном этапе в белорусскоязычном блоге «Блог Алены Трацэнка. Пра мову» прописываются темы: Пра «залатое» дзесяцігоддзе беларускай мовы і яго набыткі; Ад мянушкі да прозвішча – «Дыяблог» вітае Васіля Шура; Зоя Падліпская завітала ў «Дыяблог» и так далее. После названия следует краткая биография и

сведения о госте и приглашение участвовать в беседе: *Чакаем ваших пытанняў да нашага госця!* [БАТ].

В белорусскоязычном блоге также отмечается определенное количество вопросов к каждому гостю новой телепрограммы. Например, в блоге Елены Троценко мы видим вопрос от Максима Лебедева, обращенный к доктору филологических наук, профессору Александру Лукашанцу, члену-корреспонденту Национальной академии наук Беларуси:

Максім Лебедзеў 20 февраля 2017 г., 00:07 *Вырашэннем якіх задач займаецца сёння інстытут мовазнаўства? Якая ад яго карысць беларусам?* [БАТ].

Анализ блогов подобного типа позволяет сделать вывод о том, что общая их структура на разных языках практически одинакова, для них свойственна единая цель – проинформировать читателя/телезрителя и предоставить возможность задать вопросы. Различия продиктованы наличием авторства блогов и тем материалом, который автор публикует, от чего и зависит создание той или иной рубрики.

Таким образом, исследование показало, что в процессе взаимодействия жанра медийного дискурса «телебеседа» с жанром интернет-дискурса – «интернет-блогом» образовался диффузный жанр интерактивной телебеседы, где под интерактивностью понимаются функциональные возможности участия телезрителей в беседе посредством интернета или мобильной связи. Жанр интерактивной телебеседы обладает многоступенчатой структурой, в которой отмечаются такие этапы, как подготовительный, основной и рефлексивный. Композиционно диффузный жанр состоит из основного элемента – телепрограммы, представляющей жанр телебеседы, и вспомогательного – интернет-блога. Каждому элементу свойственно определенное коммуникативное субпространство. Однако интерактивные сообщения телезрителей, поступающие в прямой эфир телепрограммы, создают дополнительное коммуникативное субпространство. Все участники коммуникативных субпространств взаимодействуют друг с другом. В англоязычной телепрограмме участвует от двух до шести гостей-экспертов, тогда как в белорусскоязычной присутствует не более двух. В англоязычной версии телезритители могут задавать вопросы, оставленные в блоге, находясь непосредственно в студии. В белорусскоязычной версии телепрограммы зрители не присутствуют в зале, однако все тематические вопросы из блога отображаются на экране телевизора/монитора и озвучиваются телеведущим в прямом эфире. Интерактивные сообщения в прямом эфире англоязычной телепрограммы можно отправлять через «Твиттер», а в белорусскоязычной

программе сообщения можно отправлять только посредством СМС. Белорусскоязычные сообщения озвучиваются телеведущим и рефлексивны, англоязычные отображаются на экране, но не рефлексивны.

Проведя сравнительный анализ англоязычного и белорусскоязычного блогов (“Q&A” и «Дыя@блог»), мы пришли к выводу, что для них характерны общие и различные признаки в организационной структуре. Телеведущий англоязычной программы не является блогером и не несет ответственность за информацию в интернет-блоге. Телеведущий белорусскоязычной телепрограммы является блогером, то есть автором связанного с ней интернет-блога. К отличительным особенностям можно отнести разное оформление рубрик в блогах, что можно объяснить тем, что создание блога – это творческий процесс.

Сравнивая англоязычную и белорусскоязычную модели жанра интерактивной телебеседы, мы выделяем такие сходства, как наличие многоступенчатой структуры жанра, одинаковые этапы строения, общие каналы связи – интернет и телевидение; общие участники (телеведущий, гости-эксперты, телезрители). К отличиям относится разное количество приглашенных гостей-экспертов, технические интерактивные условия передачи информации, мена ролей (ведущий-блогер), временные рамки телепрограмм.

На наш взгляд, диффузный жанр интерактивной телебеседы имеет уникальную структуру и цель, направленную на привлечение большего количества участников с тем, чтобы заинтересовывать, развивать и просвещать их. Мы полагаем, что исследуемый жанр возник в результате необходимости расширения границ англоязычного и белорусскоязычного медийного дискурса. Поэтому мена ролей и интерактивность участников телебеседы, а также незамкнутая коммуникативная цепочка жанра являются характерными особенностями диффузного жанра интерактивной телебеседы.

9. ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРАНТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современный этап развития лингвистики отличается повышенным интересом к исследованию дискурса. Изучение коммуникационной направленности текста, его прагматического потенциала и социально-ситуативных детерминант речи сформировало предпосылки для объективации дискурса как новой лингвистической реальности и его трансформации в один из самых перспективных объектов лингвистического исследования.

В научной литературе отсутствует единый общепринятый подход к определению понятия «дискурс» (*фр.* discours, *англ.* discourse, *нем.* diskurs от *лат.* discursus – беседа, разговор, речь, процесс языковой деятельности), интегрирующий различные ситуации его употребления.

В гуманитарных науках, предмет которых прямо и опосредованно предполагает изучение функционирования языка, данная категория отождествляется с различными понятиями. В лингвистике все более утверждается выдвинутое культурологом М. Фуко представление о дискурсе как совокупности всего вышесказанного и произнесённого [162, с. 14]. «В современной науке под дискурсом понимается практически все, что угодно исследователю. При этом авторы редко предлагают свое понимание термина, предоставляя, таким образом, читателю/слушателю значительную возможность разобраться во всем самому» [125].

Исследователи связывают понятие дискурса с текстом, речевым актом, функциональным стилем, речевым жанром. Как отмечает М. Л. Макаров, «широкое употребление дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой» [98, с. 82]. Данный автор объясняет многозначность термина «анализ дискурса», сопоставляя следующие подходы к его изучению:

1) анализ дискурса в самом широком смысле как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения как его формы, так и функций;

2) анализ дискурса (в узком смысле) как наименование традиций анализа Бирмингемской исследовательской группы;

3) анализ дискурса как «грамматика дискурса», близкое, но не тождественное лингвистике текста направление.

В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой «дискурс» представлен как многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Наиболее значимыми являются следующие: 1) связанный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [108, с. 467].

По мнению Н. Н. Мироновой, «к настоящему времени сформировались два основных понятия дискурса: 1) дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях, и 2) дискурс как дискурсивная практика» [102, с. 12]. В. Е. Чернявская сводит понимание дискурса к двум типам: 1) конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве; 2) совокупность тематически соотнесенных текстов [168, с. 107–108].

По определению В. В. Богданова, две неравнозначные стороны дискурса представляют речь и текст. Под дискурсом понимается все, что говорится и пишется. «Термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» [25, с. 5]. Н. И. Формановская считает необходимым разграничение категорий текста и дискурса: «как предложение противопоставлено высказыванию, так, по нашему мнению, и текст противопоставлен дискурсу» [153, с. 60]. И. П. Сусов предлагает разграничивать «дискурс» и «текст» следующим образом: «Связные последовательности речевых актов именуют дискурсом. Передаваемое от говорящего слушателю высказывание (или последовательность высказываний) становится текстом, когда оно оказывается зафиксированным на письме (или с помощью звукозаписывающего аппарата). Текст выступает, таким образом, в виде «информационного следа» состоявшегося дискурса» [144, с. 8]. При этом особое значение приобретает результат дискурсивной деятельности. Так, Т. ван Дейк отмечает, что дискурс представляет собой письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия. В данном случае акцентируется не процессуальность дискурса, а значимость его продукта, который представляет собой видимый результат дискурсивной деятельности и позволяет оценивать ее характер и интенсивность [198, с. 8].

Таким образом, можно выделить два подхода к определению дискурса: процессуальный – дискурс как речевая деятельность; дискурс как результат речевой деятельности в форме текста, речевого проведения. Данная тенденция к стратификации понятий «дискурс» и «текст» тем не менее предполагает сохранение тесной связи между ними.

В последние годы термин «дискурс» вышел за пределы лингвистики текста. Для анализа коммуникативного взаимодействия индивидуумов недостаточно изучения языка как системы знаков. Дискурс представляется как языковая единица, расположенная выше уровня текста, но значительно более сложно организованная, чем нижестоящие единицы, включая при этом в парадигму дискурсивных единиц социальные, психологические, кинетические, этнографические факторы. В рамках данного направления исследуется речевое взаимодействие адресанта и адресата, а не высказывание отдельного субъекта. При этом дискурс рассматривается как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [3, с. 136], коммуникативное событие, порождающее текст, соотносящееся, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, и, во-вторых, с конкретными моделями – образцами, прототипами текстопорождения и восприятия» [166], «процесс речевой деятельности говорящего (монолог)/говорящих (диалог), в котором представлена не только информация о «положении дел в мире» (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и других смыслов. При этом говорящий в коммуникативной ситуации производит свое речевое произведение, опираясь на общую с адресатом денотативную ситуацию, учитывая свои интенции, эмоции, оценки, связывает высказывания по текстовым законам смысловой и структурной целостности, завершенности, когезии и когерентности, оформляя таким образом «некий результат – текст, т. е. «упаковывая» дискурс в текст» [153, с. 61]. «Дискурс не есть текст, но есть в тексте, если рассматривать последний как цепь/комплекс высказываний, т. е. речевой (или коммуникативный) акт и его же результат» [125]. При данной интерпретации текст является внешней реализацией дискурса, отражающей его специфику.

Трансформация подходов к определению дискурса приводит к тому, что предметом исследования становятся конкретные разновидности дискурса, языковые отличительные черты и стилистическая специфика. При употреблении термина «дискурс» прослеживается тенденция к уточнению традиционных понятий «стиля» и «индивидуального языка». Тем не менее, функциональная стилистика традици-

онно ограничивается изучением пяти функциональных стилей (научного, публицистического, художественного, официально-делового, разговорного), выделяемых на основе социально-значимых, исторически сложившихся сфер общения и деятельности.

По мнению В. И. Карасика, термин «функциональный стиль» относится к числу наименее удачных терминов в лингвистике. Поэтому автор, «основываясь на критерии жанрового канона дискурса», предлагает использовать «новое обозначение» для понятия стиля – «формат дискурса». Под форматом дискурса следует понимать «разновидность дискурса, выделяемую на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств; конкретизацию типа дискурса. Формат дискурса в свою очередь конкретизируется жанрами речи» [68, с. 190].

Большая подвижность референциальных границ термина «дискурс», его отнесенность к разным коммуникативным сферам позволяет исследовать дискурсивные формации из различных проекций.

В зависимости от целей исследования можно выделить феминистский дискурс, массово-информационный дискурс, деловой дискурс и др., выделенные по определенным критериям, направленным на выявление характеристик коммуникативного своеобразия агента социального действия. Например, цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, делового дискурса – установление взаимовыгодных деловых отношений между организациями и др.

Популярность дискурса привела к употреблению данного термина в самом широком смысле как любого коммуникативного события, происходящего между автором сообщения и его адресатом в определенном временном, пространственном, культурном, идеологическом и других контекстах. Тем не менее, по мнению Е. Н. Малюги, дискурс – более узкое понятие, чем коммуникация, но по сравнению с речью и речевым актом дискурс понимается шире [99, с. 149]. Следовательно, можно обсуждать «религиозный дискурс», «театральный дискурс» или «дискурс президента США», но нельзя рассуждать о «религиозном общении», «театральном общении», «общении президента США». Это соответствует трактовке дискурса, сводимой к формуле «дискурс = речь + текст». Текст и дискурс есть произведения, существующие в структуре и содержании коммуникации и являющиеся «фигурами коммуникации».

Определение дискурса как «коммуникативного события, порождающего текст», «информационный след» состоявшегося дискурса,

предполагает изучение соотношений таких понятий, как «дискурс» и «жанр». Пространством реализации дискурса являются типы тестов – жанры, целое того или иного типа дискурса формируется в наборе присущих для него жанров. Каждый жанр неизбежно существует в пространстве того или иного дискурса.

Н. В. Денисова отмечает, что «к концу XX века дискурс-анализ сформировался как междисциплинарное направление современной лингвистической когнитивно-функциональной парадигмы, отражающее общую тенденцию к изучению различных аспектов речевой коммуникации» [50, с. 28]. При этом чертой, объединяющей различные определения «дискурса», является признание определяющей роли внелингвистических факторов в формировании формально-смысловой структуры текста.

Большое разнообразие подходов к определению дискурса порождает необходимость определения признаков его классификации.

В зависимости от интенциональной базы и ориентации коммуникации (личность или общественный институт), можно выделить бытовой, художественный, институциональный дискурс [99, с. 150]. В рамках статусно-ориентированного общения на основании цели и социальной сферы общения противопоставляются институциональные типы дискурсов (политический, административный, военный, педагогический, научный, деловой, рекламный и др.).

По признаку способа (канала) передачи информации выделяют устный, письменный и электронный (компьютерный) дискурсы [78].

Более детальная классификация дискурса предполагает использование таких признаков, как тема (временный тематический и периодически возобновляемый тематический дискурсы) и общность участников коммуникативной практики (дискурс различных субкультур, ситуативный дискурс) [131, с. 102].

Таким образом, дискурс представляет сложный, комплексный и многоаспектный предмет исследования. Исследователи отмечают совмещаемость различных типов дискурсов, их взаимовлияние и взаимопроникновение, находящее выражение в текстах, используя характеристику полидискурсивности. Ни один дискурс не является замкнутым и завершенным, он, скорее, постоянно изменяется благодаря контактам с другими дискурсами. Границы дискурса устанавливаются относительно некоторого периода времени, сферы деятельности, области знаний, типологии текста и других параметров. Тем не менее, можно согласиться с мнением В. Карасика, что различные подходы к изучению языка являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Стремление к максимально «точной фиксации одних ха-

рактистик при описании одного и того же явления» приводит к неопределенности «других характеристик, дополнительно связанных с первыми».

Исследование дискурса международной грантовой деятельности предполагает, прежде всего, рассмотрение ключевой категории – гранта. Словарь Random House Webster's College Dictionary содержит следующие определения гранта:

1. **Grant** (*noun*) – something granted, as a privilege or right, a sum of money or a tract of land: Several major foundations made large grants to fund the research project [245, с. 569] ('грант – это то, что предоставляется в качестве привилегии или права, сумма денег или участок земли').

2. **Grant-in-aid** (*noun, plural grants-in-aid*) – 1. a subsidy furnished by a central government to a local one to help finance a public project, as the construction of a highway or school; 2. a financial subsidy given to an individual or institution for research, educational, or cultural purposes [245, с. 570] ('целевая субсидия или дотация, которая предоставляется центральным правительством местному, для того чтобы финансировать общественный проект, например, строительство шоссе или школы; или финансовая помощь частному лицу или учреждению на проведение исследования в образовательной или культурной сфере').

3. **Grant** – an amount of money that the government or an organization gives you for a specific purpose and does not ask you to pay back [245, с. 656] ('грант – это количество денег, которое правительство или организация выделяет на определенные цели и не просит вас вернуть их').

Словарь Longman Business English Dictionary [231] также дает толкование понятия **grant** – (1) a sum of money given to you by the government for a particular purpose such as a student's grant, on which he can live while studying; (2) in Britain, money provided by the central government to local government authorities to be spent on the services which they provide for the public in their areas.

Достаточно детальная характеристика рассматриваемой категории представлена во всемирно известном электронном ресурсе Wikipedia («Википедия») [209]:

Grants are non-repayable funds or products disbursed by one party (grant makers), often a government department, corporation, foundation or trust, to a recipient, often (but not always) a nonprofit entity, educational institution, business or an individual. In order to receive a grant, some form of "Grant Writing" often referred to as either a proposal or an application is required. ('Грант представляет собой безвозмездные денежные средства или продукты, предоставляемые одной стороной (грантодате-

лем), обычно правительственной организацией, корпорацией, фондом или трастом, получателю обычно (но не всегда) некоммерческой организации, образовательному учреждению, предприятию или индивиду. Для получения гранта необходимо заполнить определённые формы комплекта документов, имеющие отношение к проекту или проектной заявке’).

Most grants are made to fund a specific project and require some level of compliance and reporting. The grant writing process involves an applicant submitting a proposal (or submission) to a potential funder, either on the applicant’s own initiative or in response to a Request for Proposal from the funder. Project-related funding involving business, communities, and individuals is often arranged by application either in writing or online. (‘В основном гранты предоставляются для финансирования определённых проектов и требуют соответствия определённым требованиям и отчетности. Процесс составления заявки на грант включает подачу заявки на грант потенциальному грантодателю по собственной инициативе заявителя или в ответ на объявление о конкурсе, размещаемое грантодателем. Финансирование проектов коммерческих и общественных организаций, индивидуальных лиц осуществляется на основе подачи заявки в письменной форме или онлайн’).

Таким образом, единым для всех рассмотренных выше вариантов определения гранта является выделение денежных средств на безвозмездной основе (безвозмездная субсидия) на реализацию определённого проекта, представляемого в форме проектной заявки. Это предполагает более детальное исследование категории проектной заявки. Словарь Random House Webster’s College Dictionary даст следующие дефиниции проектной заявки:

Project (*noun*) – a large or major undertaking, esp. one involving considerable money, personnel and equipment (‘мероприятие, для реализации которого требуются значительная сумма денег, персонал и оборудование’ [245, с. 1073]).

Толковый словарь Longman Dictionary of English Language and Culture даёт следующее определение проектной заявки (**‘project proposal’**): a plan or suggestion; an act of proposing [232, с. 1119] (‘план, или предложение, предложение как действие’).

В словаре Cambridge International Dictionary of English понятия **project** и **proposal** толкуются следующим образом: **project** is a piece of planned work or activity which is completed over a period of time and intended to achieve a particular aim [188, с. 1130] (‘запланированная работа или деятельность в течение определённого периода времени, направленная на достижение определённой цели’); **proposal** is a sug-

gestion, sometimes a written one [188, с. 1135] ('предложение, иногда в письменном виде').

Таким образом, общими чертами всех дефиниций являются следующие:

- запланированность (planned work);
- ограниченность во времени (completed over a period of time);
- целенаправленность действий (to achieve a particular aim);
- получение денежных средств (finance, a sum of money);
- источники финансирования: правительство или общественный орган (a government or public body).

Основными направлениями деятельности, финансируемой на грантовой основе, являются следующие:

- обучение или стажировка;
- проведение исследований;
- поездки;
- малобюджетные или кратковременные проекты.

Исследование англоязычного дискурса международной грантовой деятельности предполагает изучение рассматриваемых феноменов гранта и проектной заявки с учетом социокультурных характеристик. Гранты являются неотъемлемой составляющей американской и британской общественной и культурной жизни. В лингвострановедческом словаре «Жизнь и культура США» представлены культурологические комментарии к американским реалиям, в том числе встречается понятие «грант». Словарь содержит следующее определение: «грант – это финансовая помощь, оказываемая правительством или организацией для поддержки конкретного лица или программы, в частности студента, который не может оплатить обучение из собственных средств или средств своей семьи». В качестве синонима предлагается сложное слово «grant-in-aid» – целевые средства, выделяемые правительством США из налогов для штата или муниципалитета под определенную программу. В другом словаре «США. Лингвострановедческий словарь» представлена более широкая трактовка данного понятия: «grant-in-aid» – 1) субсидия, деньги, выделяемые федеральным правительством штату или городу на конкретные цели; 2) стипендия, грант [94, с. 102].

В Соединенных Штатах гранты часто предоставляются различными государственными ведомствами или широким кругом общественных и частных фондов. По данным Foundation Center количество данных фондов превышает 88 тысяч, а сумма, ежегодно выделяемая на гранты, составляет более 40 млрд дол. Образовательные гранты, финансируемые правительством, предоставляются студентам высших

учебных заведений. В некоторых случаях доля образовательного кредита погашается за счет средств гранта, прежде всего для поддержки перспективных студентов. Требования к грантополучателям и формы отчетности варьируются в зависимости от типа гранта и грантодателя.

Европейская Комиссия ЕС осуществляет финансирование через многочисленные конкурсы проектных заявок, которые могут проводиться в соответствии с Рамочными программами. Тем не менее, существуют множество долгосрочных (возобновляемых) программ (срок реализации – 7 лет), которые обеспечивают финансирование на различные цели. Это могут быть фонды, финансирующие структурные преобразования, образовательные программы и программы молодежной активности. Существуют также программы финансирования специальных проектов. Большинство из них реализуются через так называемые национальные агентства, но некоторые из них финансируются через Комиссию ЕС в Брюсселе. К европейским организациям, осуществляющим финансирование проектов, также относится Совет Европы, функционирующий автономно от ЕС.

К организациям, предоставляющим финансирование на грантовой основе, в Ирландии относятся Ирландский исследовательский совет по науке, технике и технологии и Научный фонд Ирландии (в отношении исследовательских грантов).

В Великобритании гранты предоставляются на различные цели: развитие бизнеса, благотворительность и научные исследования. Самые большие гранты финансируются правительственными организациями и агентствами через сторонние организации (часто благотворительные фонды), которые действуют от их имени. К крупным грантодателям в Соединенном Королевстве относятся благотворительные и корпоративные фонды (в рамках политики по корпоративной социальной ответственности). Например, Google финансирует гранты в рамках своей программы, в соответствии с которой любая благотворительная организация может получить финансовую поддержку. Гранты предоставляются на определенный период времени (обычно от 1 до 3 лет) с целью реализации государственной политики, продвижения новой идеи и др. Гранты обычно предоставляются на финансирование нового проекта.

В последние годы оформление заявок на грант сформировалось в определенный вид деятельности. Многие организации нанимают специалистов для выполнения данной работы. В Великобритании существует Институт фандрайзинга. Фандрайзинг обычно включает поиск возможных источников финансирования, составление проектной заявки и отчетность.

Исследование феномена гранта позволяет прийти к выводу, что коммуникации в сфере грантовой деятельности относятся к институциональному дискурсу. «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Институциональное общение реализуется в статусно-ориентированном дискурсе и представляет собой речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [68, с. 187].

При изучении различных институциональных дискурсов, кроме анализа существующих подходов к изучению конкретного дискурса, необходимо решить вопрос о выделении единиц анализа дискурса. Многие исследователи отмечают, что, несмотря на континуальность дискурса во времени, он все же дискретен в плане членимости. То есть социальная деятельность воспринимается не только как процесс, но и как структура, состоящая из определённых элементов. Сложность идентификации единиц объясняется стремлением исследователей к выделению сегментов, коррелирующих одновременно с формальными, смысловыми, функциональными и даже ментальными уровнями деятельности языкового общения. Под единицей понимается «такой продукт анализа, который обладает всеми основными свойствами, присущими целому» [99, с. 150].

Анализ институционального дискурса предполагает определение базовых дискурсивных параметров, характеристика которых позволяет выявить специфику институционального типа дискурса (Якобсон, 1985; Макаров, 2003; Манаенко, 2003; Карасик, 2004; Силантьев, 2006; Чернявская, 2006). При этом логика описания дискурса построена по направлению от описания своеобразия условий общения к особенностям его реализации в текстах:

- участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики);
- условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда);
- организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств);
- способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения).

Рассмотрим более подробно основные компоненты исследуемого дискурса.

1. Участники (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики).

Существенной характеристикой, определяющей специфику дискурса международной грантовой деятельности, является ограничение круга субъектов и целей такого общения – этот дискурс ограничен рамками профессиональной деятельности специалистов и ведется для достижения взаимовыгодного соглашения по обсуждаемому деловому вопросу [174, с. 6].

Деловой вопрос в проектной заявке специфичен – заявители просят у грантодателей финансовую поддержку на реализацию той или иной социально-значимой идеи. Проектную заявку составляют специалисты, которые стремятся убедить грантодателя в том, что никто лучше них не справится с данной проблемой.

Ядром дискурса международной грантовой деятельности является общение базовой пары участников коммуникации – грантодателя и заявителя на грант, подающего проектную заявку. Основными участниками являются представители какого-либо общественного или государственного института (агенты). Это может быть Федеральное Агентство по образованию, фонд Карнеги, агентство по международному развитию и др. С другой стороны, участниками являются люди, обращающиеся к ним (клиенты).

При рассмотрении феномена гранта было выявлено, что преобладающая часть целевой субсидии выделяется на финансирование новых проектов, прежде всего связанных с получением новых знаний и их распространением. В связи с этим значительную группу заявителей составляют научно-образовательные организации. Анализ структуры внутренних затрат на исследования и разработки учреждений Министерства образования и науки РФ показывает, что основными агентами являются организации предпринимательского сектора зарубежных стран (42,1 % совокупных объемов финансирования), государственные организации зарубежных стран (30,6 % соответственно), меньшая доля приходится на международные организации (8,8 %) и прочие зарубежные организации (18,5 %) [63, с. 90].

Анализ получателей средств из иностранных источников финансирования среди организаций, осуществляющих научные исследования, показывает, что основная доля приходится на предпринимательский (59% совокупного объема финансирования) и государственный сектор (32 %), в меньшем объеме финансируется сектор высшего образования (9%) [63, с. 91].

Участники институционального дискурса отличаются своими качествами и предписаниями поведения. Клиенты оформляют проектную заявку, агенты-эксперты оценивают ее. В качестве участников в проектной заявке выступают специалисты – представители общест-венности в роли заявителей с одной стороны и эксперты, грантода-тели, с другой. Номинация участников общения в проектных заявках и руководствах по написанию проектных заявок представлена следу-ющим образом:

1) субъект, оформляющий проектную заявку и подающий ее в фонды (клиент): *writer, grantwriter, applicant, proposer, grantseeker*.

2) субъект, оценивающий проектную заявку и финансирующий проект (при удачном стечении обстоятельств): *funder, advisor, reader, project sponsor, reviewer, committee, proposal reader, program officer, fundholder* (агенты).

2. Хронотоп.

В данном дискурсе хронотопом выступает обстановка, харак-терная для делового общения в современных условиях. Это письмен-ный диалог, для которого прототипным местом является рабочее ме-сто для клиента, подающего проектную заявку; общение происходит посредством электронной почты, телефонной связи и почтовой связи. Эксперт (агент) рассматривает проектную заявку на своем рабочем месте. Участники общения, как правило, не знакомы лично. Заочная форма общения установлена в целях исключения возможности ли-цеприятия, продвижения личных контактов, а также объективности оценки проекта.

3. Цели.

Цель делового общения – организация и оптимизация опреде-ленного вида совместной предметной деятельности [140]. Цель обще-ния в нашем случае – решение социально значимой проблемы (кото-рая определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития) за счет средств грантодателя.

Преобладающая доля грантов на финансирование новых проек-тов, связанных с получением новых знаний, позволяет предположить, что цели делового дискурса будут коррелировать с целями научного дискурса. Цель заявителя при составлении проектной заявки – полу-чение финансовой поддержки для реализации определенной социаль-но значимой проблемы. Цель эксперта – объективно оценить и спо-собствовать решению грантодателя выделить финансовые средства на реализацию действительно актуальной проблемы, решение которой обеспечит социальный эффект. Положительное решение грантодателя зависит от способности заявителя убедить в необходимости и целесо-

образности финансирования проекта, т. е. побудить к нужному выбору или поступку. Таким образом, комплекс целей дискурса международной грантовой деятельности будет включать дополнительно и цели рекламного дискурса: привлечь внимание грантодателя к проблеме, заинтересовать его, сформировать положительную оценку и вызвать желание профинансировать проект.

4. Ценности (в том числе и ключевой концепт).

Базовые ценности – это совокупность того, что, представляя наибольшую значимость для пишущего заявку, находится в иерархии ценностей субъекта на первых позициях и обуславливает существование цели дискурса. Ценности делового дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (для проектной заявки – это проблема, план решения проблемы, финансовая поддержка). Они сводятся к признанию существования социально значимых проблем, к необходимости доказать их объективность, к приведению способов их решения, к предложению способов наиболее эффективного решения этих проблем. Это позволяет признать комплексный характер целевых установок дискурса грантовой деятельности, включающие также цели научного дискурса, к которым относятся объективность, логичность, аргументированность, достоверность, обобщенность и последовательность. С помощью проектных заявок острые социальные проблемы решаются согласно четко прописанному плану реализации, что составляет главную ценность данного элемента делового дискурса, так как это ведет к общественной социальной гармонии.

5. Стратегии.

Речевая (коммуникативная) стратегия предполагает планирование речевого поведения с целью максимально эффективного речевого воздействия [65, с. 54]. Эффективность убеждающего воздействия как одной из форм психологического воздействия, зависит от отношения реципиента (лица, на которое оказывается убеждающее воздействие) к индуктору (лицу, оказывающему убеждающее воздействие) [84, с. 4].

Коммуникативные стратегии дискурса международной грантовой деятельности многочисленны. Они определяются в соответствии с его частными целями, которые, как было рассмотрено выше, носят комплексный характер. Автор проектной заявки (клиент) стремится воздействовать на адресата, убедить его профинансировать представленный проект. Персуазивное воздействие реализуется посредством использования различных коммуникативных стратегий: самопрезентации, оценочного информирования, положительного имиджа, установления контакта, информационно-интерпретационная стратегия,

стратегия постановки задач, аргументативная и агитационная стратегия, стратегия прекращения контакта. Одной из основных стратегий является самопрезентация, успешная реализация которой в первых разделах проектной заявки предполагает принятие реципиентом дальнейшей информации. Приведем пример использования стратегии самопрезентации из проектной заявки Promoting Sustainable Excellence in Testing and Assessment of English на грант TEMPUS IV – 4th Call for proposals Joint Projects / Structural Measures [244].

*“The University of Bedfordshire has four faculties – Creative Arts, Technologies and Science; Education and Sport; Health and Social Sciences and Business – and nine Research Institutes. The university **was awarded the highest ‘confidence’ rating in a recent UK Quality Assurance Agency (QAA) audit 2009, which assesses how UK universities maintain their own academic standards and quality.** There are 21,000 students at the university (representing over 100 different countries) and 1,200 staff. The Centre for Research in English Language Learning and Assessment was set up in 2005. The centre, with eight academic members of staff, offers scholars, examining boards and government organisations both a domestic and foreign centre in the UK that can provide and assist in quality research and development in the areas of English language learning and assessment. Since its inception **CRELLA has won national and international recognition as a centre for research into language testing and assessment.**”*

Указание на признание достижений организации-заявителя в профессиональной и общественной среде позволяет сформировать привлекательный имидж и положительное восприятие у грантодателя.

Данная стратегия реализуется посредством использования таких тактик, как персонализация, оппозиционирование (прием черно-белого изображения), указание на перспективу.

Персонализация предполагает представление организации как единого целого, группы единомышленников, осуществляющих слаженную работу. Данная тактика реализуется через употребление местоимения 1-го л. мн. ч. **we**, словосочетаний с притяжательным местоимением **our** и др. Частота использования данных местоимений формирует впечатление единства, сплоченности, коллективного обращения к реципиенту.

*“Finally **we** do recognize that the ‘word-of-mouth’ responses generated from such a tangible feature, available to all EU and Partner Countries and directed at students and staff, must not be overlooked. As such, **we** intend to draw attention to the platform at national and international conferences and through the mass media campaign [244]. <...>*

We anticipate that with the final integration of this programme will decrease separation between Target Universities and other universities who have had the three-cycle system for years, thus eliminating differences and increasing compatibility and transparency. In the longer-term we anticipate that engagement with this programme will lead to success for students in private, academic and business endeavors, and improved comparability in research and written communication between EU and partner countries” [244].

Кооперация участников проекта и единство их интересов подчеркивается использованием слов и словосочетаний, выражающих общее значение сплоченности.

“Finally, it has been agreed that, as far as possible, participating colleagues from RF universities involved in this project should be both members of their respective national NATE and also item writers for the Russian Federation National English Language Test (NELT) in association with the Russian Ministry of Education thus ensuring not only enhanced quality but additionally offering a further forum for dissemination in order to ensure sustainability” [244].

Тактика подчеркивания качественных показателей и акцентирования положительной информации реализуется через лексико-фразеологический уровень посредством употребления слов и фраз, выражающих открытое положительное оценочное суждение.

*“Members of the Executive Board of this project have **proven experience** in: ASW, project management, Quality Assurance and Curriculum Development” [215].*

Тактика подчеркивания количественных показателей реализуется посредством использования количественных числительных.

*“Founded in 1896, Tomsk Polytechnic University is the first and the largest technical institution of higher education in the Asian part of Russia with more than 150,000 graduates. In 2007 TPU became one of the 16 RU universities awarded a grant in innovation educational programme. In 2009 TPU was **recognized as National Research University of Resource-Efficient Technologies among only 12 other RU universities**” [177].
<...>*

*“Mordovia N.P. Ogarev State University, founded in 1957, is one of the top hundred and largest universities in Russia. There are 109 undergraduate and 93 postgraduate educational programs and 27 Academic Boards that issue PhD (Candidate) degrees. The total number of students is **20000 (including around 200 international students)**.”*

“The university actively develops cooperation with universities in Europe, Africa, Asia, Middle East, Finno-Ugric Countries and the USA.

*Each year **over 200 people** (staff members, students, lecturers) go abroad to improve the integration of Russian educational system into the European educational space, to provide agreements with other foreign universities, to participate in international programs of academic mobility” [244].*

В целях убеждения грантодателя профинансировать представляемый проект, автор проектной заявки должен обосновать решаемую проблему, что предполагает использование коммуникативных стратегий научного дискурса: постановки проблемы, ее изучения на стыке смежных проблем, разработки нового ее решения, его апробации и распространения полученного знания. При этом необходимым является акцент внимания грантодателя на уникальности и выгодах (полученных результатах), что относится к коммуникативным стратегиям рекламного дискурса.

6. Материал.

Проектная заявка может охватывать различные сферы деятельности: юридическую, военную, педагогическую, религиозную, медицинскую, спортивную, научную и др., в которых существует актуальная социально значимая проблема, требующая решения. В Приложении Б.1 представлена информация о финансировании международных проектов российских вузов и научных организаций. Данные свидетельствуют о том, что наиболее актуальными являются проекты в следующих областях:

1) Общественные науки: «Языкознание», «Народное образование. Педагогика», «Экономика. Экономические науки», «История. Исторические науки», «Государство и право. Юридические науки».

2) Естественные и точные науки: «Физика», «Химия», «Биология».

3) Технические прикладные науки. Отрасли экономики: «Энергетика», «Электроника. Радиотехника», «Металлургия», «Машиностроение», «Химическая технология, Химическая промышленность».

4) Общеотраслевые и комплексные проблемы (межотраслевые проблемы): «Организация и управление», «Охрана окружающей среды. Экология человека».

7. Разновидности и жанры.

Понятие жанра за последнее время претерпело изменения. Он перестал быть только формой построения специальных лексических, фразеологических и синтаксических единиц в соответствии с типичной композицией жанра. Рассмотрение речевых жанров предполагает понимание их сущности в описании категориями лингвопрагматики и теории коммуникативных актов. Любой текст, представляющий тот или иной жанр, реализуется в коммуникативной ситуации, поэтому

жанр рассматривается как единица дискурса, а не функционального стиля. Понятие же дискурса объединяет языковые средства в сочетании с условиями коммуникации.

В дискурсе международной грантовой деятельности можно обнаружить жанры, характерные для официально-делового, научного и публицистического стилей. Исследование феномена гранта и особенностей международной грантовой деятельности как сферы коммуникации позволяет выделить проектную заявку как ключевой жанр. Джон М. Свейлз в своей работе «Анализ жанра» (Genre Analysis) выделил проектную заявку (grant proposal) как жанр, основанный на поиске информации (research process genre) [255, с. 186]. Тем не менее, данный дискурс обслуживается широким пластом языковых средств. Типичными жанрами являются информационное письмо, директивы, инструкции, руководство по написанию проектных заявок, мотивационное письмо, информационный сайт, листовки и презентации.

“Request for proposal (RFP) (Call for proposals, Solicitation or Announcement) – A type of bidding solicitation in which a company or organization announces that funding is available for a particular project or program, and companies can place bids for the project's completion. The Request For Proposal outlines the bidding process and contract terms, and provides guidance on how the bid should be formatted and presented. A Program Solicitation or Announcement describes the program and indicates the exact format for the preparation of the proposal and the criteria for evaluation” [187]. Объявление конкурса, в котором компания или организация заявляет о возможности финансирования определенных проектов и программ, и компании могут направлять проекты на рассмотрение. Объявление о конкурсе содержит информацию о конкурсной процедуре и его условиях, а также обеспечивает руководство по составлению и подаче заявки.

Руководство по написанию проектных заявок – жанр деловой литературы, в котором даются образцы (модели) типовых проектных заявок и советы по их составлению и оформлению, например, The Grant Proposal Guide (GPG) provides guidance for the preparation and submission of proposals [177]. Он содержит подробные комментарии, касающиеся не только содержания проектных заявок, но и правил их оформления, начиная с заголовка и заканчивая советами по поводу того, на какой бумаге следует писать, каким шрифтом и пр., чтобы произвести должное впечатление на адресата.

В случае, если грантодатель – фонд или правительственная организация реализует несколько программ, в рамках которых осу-

ществляется финансирование проектов, публикуется Руководство по программам, которое содержит информацию о приоритетных направлениях финансирования, условиях и требованиях к участникам (грантополучателям), например, The Guide to Programs provides background information about all of the Foundation's activities in education and research [177].

В связи с тем, что грантовая деятельность связана с предоставлением денежных средств правительственными и общественными организациями, она подлежит регламентации. Поэтому одним из жанров, типичных для исследуемой сферы является регламент (официально-деловой стиль). Регламент – вид нормативно-правового акта, принимаемого Еврокомиссией (*a Regulation is entirely binding upon the UK as a member state of the EU. It is directly applicable in UK law without the need for the UK Parliament to enact the regulation through domestic legislation*).

К жанрам дискурса международной грантовой деятельности относятся также сайты, буклеты и презентации.

Информационный сайт является основным корпоративным сайтом организации в Интернете. Он содержит информацию об организации, реализуемых программах финансирования, объявления о конкурсе заявок на получение гранта и другую ключевую информацию. Официальные корпоративные сайты выполняют информационную и имиджевую функции.

8. Прецедентные (культурогенные) тексты.

В проектных заявках не наблюдается использование прецедентных текстов, что связано, прежде всего, с межкультурным характером коммуникаций в сфере грантовой деятельности. Проектную заявку могут подавать специалисты из любых стран, владеющие рабочими языками фонда (чаще всего это английский язык для международных фондов и национальный язык для фондов местного уровня).

9. Дискурсивные формулы – это те своеобразные функционально-детерминированные обороты речи, которые свойственны коммуникации в соответствующем социальном институте, а также языковые средства разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического). К основным дискурсивным функциям проектной заявки следует отнести максимально точную характеристику содержания проблемы, обеспечение ее соответствия ценностям адресата.

Систематизация научных подходов к изучению дискурса позволила прийти к выводу, что он представляет собой комплексный и многоаспектный предмет исследования. Все более выраженной становится тенденция к конвергенции различных дискурсов, обнаружи-

ваемая в текстах, отмечаемая исследователями как полидискурсивность. При этом границы дискурса фиксируются относительно таких параметров, как период времени, сфера деятельности, область знаний, типология текста и др.

Анализ англоязычного дискурса международной грантовой деятельности позволил прийти к выводу, что тексты в данной сфере являются полидискурсивным пространством, включающим деловой, научный и рекламный дискурс. Научный дискурс выстраивает логику повествования, рекламный проявляется на лексическом уровне, а деловой задает структуру. Грантовая заявка как ключевой жанр данного дискурса представляет собой полидискурсивное образование, стоящее на периферии научного, рекламного и делового дискурсов.

10. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО АВТОРСТВА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФЕМИНИЗМА

Веками складывающийся статус женщины как пассивного агента культуры в XX в. подвергся существенным изменениям благодаря развитию феминизма и формированию гендерного подхода к осмыслению культуры. В научный и исследовательский круг вводится понятие «женская субъективность», основанное на репрезентации уникального женского опыта и представляющее особую интуитивно-бессознательную природу женского способа осмысления мира. Обретая свой «голос» в культуре, женщина во всей полноте репрезентируется в женских текстуальных практиках. Их выражением является женское письмо как естественно сформированный в истории тип общего речевого потока маргинальной культуры, обладающий своими отличительными признаками и характеристиками: тематикой, стилистикой, наличием различных оппозиций, активным присутствием автора и преобладанием семиотического языка.

Благодаря проникновению феминистской мысли в научный дискурс в гуманитарных науках наметилась тенденция к изучению маргинальных явлений культуры. Одним из самых интересных направлений исследований становится женский текст, в рамках которого происходит формирования «женского» дискурса о женском. При этом происходит не просто изучение творчества женщин-писательниц, но и анализируются тексты, моделирующие репрезентацию женщины в культуре и социуме, выражая индивидуальный гетерогенный опыт женщины.

Исследование жанровой представленности женской субъективности в теоретическом пространстве феминизма рассматривается как современный взгляд на женскую субъективность, как ресурс, позволяющий женщине артикулировать свой собственный опыт и переживания. Однако для создания теоретических оснований необходимы выходы в практику конкретных текстов, но, несмотря на широкий спектр тем, рассматриваемых в трудах по «женскому вопросу», количество работ, посвященных исследованию нового для культуры типа женского текста как средства личностного самоопределения, работ по анализу и экспликации философских символов в женской литературе недостаточно. По крайней мере, значительно меньше, чем работ по исследованию феминистской литературы.

Формирование жанровых параметров и особенностей гендерно-маркированного текста в рамках феминистской критики, основано на развитии изучения женской природы и места женщины в культуре и обществе. В 80-е годы XX в. интерес к трактовке женской субъективности в терминах психоанализа сместился в сторону возможностей и способов репрезентации женской субъективности в культуре, тексте и текстуальных практиках, а также в сторону особенностей женских типов дискурса, письма и текста («женский язык», «женское письмо», «женский» или «феминистский текст»), что связано с проникновением постмодернистских взглядов во все сферы гуманитарного знания. Основная проблема теории феминизма в этот период – женская репрезентация (саморепрезентация), базирующаяся на философской концепции женской субъективности, – оформляется в междисциплинарную лингвофилософскую проблему женского авторства и текста. Появляется особый интерес к языку с точки зрения выраженности в нем мужских и женских установок, способов мышления и символов посредством «текста», «речи», «дискурса» и т. д. Даная тематика широко анализируется посредством методологических подходов, принципов и идей в работах Р. Барта, М.М. Бахтина, Э. Брукс, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ф. Джеймсона, Ю. Кристевой, Ж.-Ф. Лиотара, А. Рич, С. Сулейман, М. Фуко.

При этом теоретики философского постмодернизма предложили новую небинарную стратегию текста, который уже не идентифицируется с понятием книги, так же как и понятие письма с алфавитом или письменным текстом. Как отмечает В. Петрова, при узком, традиционном понимании, характерном для исследований филолого-лингвистического направления, под текстом понимается любое речевое высказывание независимо от объема, но непременно обладающее признаком завершенного смыслового единства и коммуникативной значимости [117, с. 123].

Затрагивая вопрос о «присутствии» женского дискурса, Ж. Деррида критикует вытеснение женщин из традиционной культуры в связи с отсутствием дискурсивных средств для выражения собственного женского языка и артикуляции женской субъективности. В результате женщине приходится либо подчиниться порядку значений традиционной культуры, либо попасть в ситуацию феминной неартикулированности, либо совершить невозможное и обрести способ выражения своей женской субъективности посредством создания нового языка. Именно такое решение и предлагает Деррида. В своих работах он соглашается с Лаканом в том, что язык – это бессознательное, но придерживается мнения, что «язык – это скорее тип письма, а не речи,

который осуществляет себя через серии графических различий – «следов», которые никогда не могут быть редуцированы к единственному значению, например, к символической функции фаллоса», и долингвистическое восприятие объекта само по себе является текстом [194, с. 65]. В связи с этим бессознательное как текст конструируется, основываясь на неиерархических постоянных перемещениях, замещениях и повторениях «следов» или памяти бессознательного, а язык представляет собой топографию подобных «следов».

Отражая бессознательное в тексте, Деррида, считает Петрова, является «идеологом концепции сплошной текстуализации, или теории «текста без берегов» [117, с. 125]. Безграничность текста, его «абсолютная тотальность», соглашается В. Хализев, позволяет Деррида считать «текст – уже не просто речевым актом», а говорить о проявлении бессознательного во всем [164, с. 17].

Для противопоставления фаллоцентризму Деррида определяет структуру языка подобной «гимену», в его способности одновременно быть скрытым и открытым, когда «каждое желание находит в языке свое завершение, но одновременно ни одно желание не может в нем быть полностью удовлетворено». В результате в одно и то же время происходит «слияние и путаница между противоположностями, и язык стоит между ними, достигая тем самым двойственного эффекта – статуса «между», который нельзя отнести ни к какой из двух оппозиций» [192]. «Гимен» указывает на постоянное различие между желанием и объектом, но сам не является бинарным. Язык с такой структурой может одновременно содержать в себе множество значений, противоположных по своей природе, но равноправных по своим значениям и существующих без иерархий. И такой язык требует нового стиля письма, который Деррида определяет как «феминный» [192].

Феминные текстовые практики, предлагаемые Деррида, как считает британский профессор английской литературы, культуролог Д. Элам, являются альтернативой традиционному логоцентризму культуры. Они действуют через письмо, постулируя бесконечную возможность смещений, замещений и дополнений, придя на смену стереотипам традиционной культуры. При этом способность деконструктивистского чтения, без всяких априорных и предзаданных оценок со стороны читающего, Деррида также называет «феминной» [203, с. 48]. По мнению отечественного исследователя, занимающегося проблемой трансформаций гендерного субъекта в культуре, Н. Завершинской, через понятие «феминность» Деррида также определяет метод работы с реальностью, когда любые застывшие клише и стереотипы культуры «подрываются» или подвергаются деконструк-

ции, еще одному ключевому понятию методологии феминистской критики [62, с. 206].

Таким образом, значение теории Деррида относительно выражения женской субъективности как особого текстового жанра в том, что через текст данный тип субъективности может достичь освобождения от власти абсолютного, от бинарных оппозиций, т. к. текст – это «языковая игра, которая всегда специфична, разнородна и индивидуальна» и текст «может жить своею собственной жизнью» вне автора и его культурных и социальных установок. Тогда, как замечает Деррида, смыслы текста «играют – импровизируют, опираясь на существующий текст, некое свое толкование» [51, с. 219].

Концепция теории текста Р. Барта имела также определенное значение для методологических ориентаций феминистской критики, а более точно, для формирования жанрового видения женского авторства, как способа репрезентации женской субъективности. Широким кругам исследователей Барт известен благодаря тезису о «смерти автора» – отсутствие фигуры привилегированного авторства в тексте. Текст – безличностная, бессубъектная структура, стоящая над автором. И. Жеребкина приводит две причины, по которым данная концепция оказалась важной для феминистских теоретиков. Во-первых, считает она, это позволило поставить методологический вопрос о гендерной маркировке авторства, т. е. о специфическом «женском авторстве». Во-вторых, «отказ от позиции единственного значения в тексте, носителем которого традиционно считался автор, позволил признать наличие множества текстуальных интерпретаций, а значит, возможность феминистской интерпретации традиционных (патриархатных) текстов», т. к. «смерть автора» делает текст свободным от выражения авторских индивидуальных внутренних состояний или социального контекста [54, с. 21]. «В качестве социального лица, – пишет Р. Барт, – автор давно мертв: он более не существует ни как гражданская, ни как эмоциональная, ни как биографическая личность; будучи лишена былых привилегий, эта личность лишена отныне и той огромной отцовской власти над произведением, которую приписывали ей историки литературы...» [11, с. 483].

С точки зрения методологии, новый принцип авторства базируется на перемещении дискурсивного внимания с текстового производства на текстовое восприятие, т. е. с позиции автора на позицию читателя. Читатель у Барта уподобляется не творцу, а «праздному человеку, который снял в себе всякие напряжения, порожденные воображаемым, и ничем внутренне не обогащен... Его восприятия множественны, не сводятся в какие-либо единства, разнородны по проис-

хождению» [11, с. 462–464]. Такой читатель – не потребитель, он играет с текстом: играет в текст как игру и играет текст; он и исполнитель, и соавтор текста [11, с. 471]. Подобная амбивалентность авторства позволяет Барту постулировать амбивалентность любого типа теоретического дискурса в культуре, его «смысловую многозначность и игровую оборачиваемость», что дает возможность проявления и женской субъективности авторства [10, с. 384–391].

Также Барт обращает специальное внимание на то, что в неклассическом литературном дискурсе логика текста неотделима от чувственных механизмов его восприятия читателем через «призму чувственного опыта индивида» [11, с. 480]. Другими словами, текст апеллирует уже не к системе идей, а к системе переживаний, и значение текста уже не является единственно возможным, заложенным автором. Возникает возможность различных интерпретационных значений, и вместо одного автора их становится множество. Преобладание в процессе чтения перцептивных критериев позволяет читателю сопереживать тексту, что делает сам процесс глубоко эмоциональным переживанием. В результате читатель выходит за пределы своего определенного «я» в сферу множества чувственных состояний. Подобная практика позволяет Барту определять текст как «текст-наслаждение», легализующий тип «женского» восприятия в культуре. Подобная трактовка текста оказала влияние на феминистский литературный критицизм, поскольку постулирует равноправность феноменов «женского» и «мужского» в литературном и философском дискурсе [11, с. 465].

Таким образом, в результате читательской жанровой интерпретации текста книга существует как вид читательской жизни, ведь «прочитать текст», по Барту, означает «написать» свою собственную жизнь, не отделяя ее от собственного жизненного опыта и субъективных переживаний. Американский философ и писательница А. Рич считает, что значение данного методологического тезиса для формирования феминистских концепций женского авторства «в теоретическом обосновании возможности трансформации женской субъективности в процедурах чтения как авторства» [246, с. 24].

Кроме концепции «смерти автора» на формирование «женского авторства» оказала влияние интерпретация Бартом текстовой структуры как эротической, т. е. обладающей механизмами чувственного воздействия на читателя. Это структура с текстовыми характеристиками, приписываемыми в традиционном культурном дискурсе феномену «женского» в связи с его связью с чувственным, телесным, внутрен-

ним, аффектированным, интимизированным, не позволяющим осуществлять рациональные или мужские текстовые интерпретации.

Эротическая структура бартовского письма характеризуется технологией фрагментаризации, т. к. мир фрагментов, мир «частичных объектов» представляется Барту свободным от иерархии. В построенном фрагментарным способом тексте каждая его часть несет в себе свой собственный смысл и способна вызвать восхищение им. Соответственно в целом тексте, состоящем из множества равноценных смысловых образований, нельзя выделить одну или несколько частей, которые бы превалировали над остальными, и «погружение читателя в данные образования обеспечивают эротическую структуру текста» [11, с. 420]. Данная точка зрения во многом сходна с мнением Деррида о смещениях, замещениях и дополнениях в структуре текста, позволяющих сосуществовать различным текстовым практикам, основанным на субъективном опыте, на равных и артикулировать в том числе и женский опыт.

В центре постструктуралистской философии французского философа М. Фуко – утверждение связи между формированием субъективности и сексуальностью, властью, безумием, желанием и маргинальными практиками. Идеи, отраженные в его работе «История сексуальности», были положены в основу методологии теории феминизма для изучения феномена женского в целом и особенностей женской субъективности в культуре [159, с. 2].

В своей теории Фуко вводит термин «тело», предлагая новое видение субъективности, т. е. субъективность трактуется как поверхность, на которой прописаны социальные нормы и регулятивы. «Тело» указывает на внесубъектный и аффектированный уровень функционирования субъективности, когда «классическая форма субъекта-субстанции теряется, и субъект становится всего лишь неидентичной себе формой» [224]. Для примера Фуко использует маргинальную субъективность заключенного, больного, сумасшедшего, сексуализированного и политического субъекта, женщины и ребенка, т. к. их выражение субъективности могут им «не принадлежать» и им могут «навязывать какой-либо тип поведения» [160, с. 173].

Современная форма существования тела, считает Фуко, – «послушное тело» – форма, функционирование которой определяется не внешними правилами властной регуляции и подчинения, а нормами саморегуляции, самоуправления и самоконтроля [160, с. 136]. Другими словами, современное тело более «послушно» не власти, а воле и желанию. Для анализа телесных практик субъективности ученый использует различные уровни функционирования реальности – не толь-

ко пенитенциарные практики, механизмы действия которых он затем переносит на все поле современной культуры, а также язык, текст, практики сексуальности и прочие предметные сферы анализа феминистской теории.

Следует подчеркнуть, что точки зрения феминистских исследовательниц и Фуко на феномен «женского» во многом совпадают. Для них «женское» становится символом любых телесных репрессированных практик в культуре – тех, которые он называет маргинальными практиками. Идея о женщине как маргинальном субъекте культуры, нашедшая понимание у феминистских теоретиков, отразилась в представлении Фуко об особенностях функционирования женского дискурса и языка. В своей работе «История безумия в классическую эпоху» он проводит аналогию между традиционными носителями дискурса признания в культуре, которыми являются преступники, больные и женщины, репрезентируемые в культуре через дискурс вины и создающие литературу признаний. Он обращает специальное внимание на то, что женский дискурс в культуре – это всегда дискурс вины и признания, т. е. «идеальной фигурой воплощения вины в истории является женщина» [156, с. 491]. Феминистские исследовательницы С. Гилберт, С. Губар и Э. Шоултер соглашаются, что женщине в культуре оставлено место «признающей субъективности», и женская субъективность формируется на основе того, о чем говорит признающаяся женщина, в зависимости от того, о чем ей запрещается говорить и по мере того, как ее творческая самоидентификация подвергается цензуре [249, с. 2–7].

Формирование структуры субъективности, по мнению Фуко, неразрывно связано с властью и механизмом насилия. В работе «Надзирать и наказывать» он рассматривает «насилие как политический феномен, как механизм принуждения». Одним из самых сильных проявлений власти является, с точки зрения Фуко, политическая власть. Для него это не только функционирование государственных институтов, но и способность к успешному воздействию на индивидов, независимо от локализации и предметной области применения [158, с. 157]. Анализируя принцип образования субъективности, ученый доказывает, что формирование возрастающей индивидуализации человека в культуре обусловлено «стремлением власти знать об индивидах как можно больше для того, чтобы успешнее ими управлять» [161, с. 26]. И хотя он и выделяет два основных типа существования власти: «прямое физическое воздействие на тело» и власть как «надзорное» или «символическое насилие над телом, основополагающим парадоксом власти является ее невидимость или анонимность» [161, с. 31–45].

Таким образом, женская субъективность представляется Фуко неподконтрольной для самой женщины, т. к. она служит «поверхностью», на которой прописаны культурные, языковые, социальные и прочие стандарты общества. В результате такая субъективность получает статус маргинальной, что является прямым следствием принуждения, насилия и давления со стороны, прежде всего, государственной власти, а также власти желания, культуры, сексуальности и других проявлений властного дискурса.

Поиски понимания женской субъективности неотделимы от языка, под которым Ж. Делез и Ф. Гваттари подразумевают не «язык лингвистических парадоксов», а язык желания, ассоциирующийся с «женским языком». Когда аффект желания оказывает влияние на структуру языка, он лишает ее основной классической функции – «сигнификации». Желание формирует в языке «ситуацию языковой пролиферации», или разветвления, когда происходит «разрыв между актом говорения» (планом выражения) и «смыслом говоримого» (планом содержания). Подобную структуру языка Делез и Гваттари называют «избыточной», и она не может быть сведена ни к лингвистической, ни к семиотической языковой модели, поскольку язык не используется как средство передачи информации [48, с. 17–19].

В качестве примера Делез приводит «язык Алисы» из книг английского писателя Л. Кэрла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в зазеркалье». Восстановить единый смысл происходящего или придать единый смысл всем высказываниям Алисы невозможно из-за существования лишь отдельных, «частичных» языковых сцен, текстовая коммуникация осуществляется «на неязыковом уровне аффецированной телесности» [48, с. 112–120]. В этом случае представляется возможным говорить о принципе «внеязыкового функционирования», так называемого «мира без языка», когда слово теряет функции коммуникативного знака, а язык становится только частью неязыкового поля – «поля желания, которое определяет социальные практики, политику или производство» [193, с. 75–80].

Отметим, что в традиционной культуре женщина определяется через конститутивное отсутствие параметра желания в структуре субъективности, когда вместо собственного желания женщина воплощает объект желания для мужского субъекта. Благодаря философской концепции Делез и Гваттари, в которой они обращаются к концепции желания и к миру без «Другого», становится возможным утверждать самостоятельный характер женского желания и независимость женской субъективности в культуре. А понимание субъективности как «становление-женщиной» помогает избежать любых ген-

дерных дихотомий в процессе становления субъективности. Методология Делеза и Гваттари широко используется такими феминистскими исследовательницами, как Р. Брайдотти, Э. Гросс, Т. де Лауретис и А. Острайкер.

Известным теоретиком по проблемам субъекта является французский специалист в области семиологии и философии языка Ю. Кристева, изучающая субъект с точки зрения усвоения языка и символического порядка. Философская проблематика феминного, материального и материнского, а также проблематика языка и субъективности Кристевой оказали огромное влияние не только на содержание или теоретический аппарат современной феминистской теории, но и на формирование феминистских концепций «женского философского письма» [86, с. 27].

Собственную философскую стратегию Кристева обозначает понятием «семанализ», как «разработанный с целью анализа гетерогенного характера означающих практик говорящего субъекта и акцентирующий внимание на таких аспектах языка, как звуки, ритмическая организация, графическая репрезентация» [152, с. 863]. Чтобы понять суть семанализа и значение концепции Кристевой для формирования и репрезентации женской субъективности, необходимо обратиться к языку, который она рассматривает как динамический процесс или гетерогенную структуру, манифестирующую и формирующую разнообразие человеческих субъективностей. В связи с этим она определяет два нераздельно существующих внутри языка уровня – семиотический и символический, комбинирование которых производит все многообразие типов дискурса. Семиотическое, согласно Кристевой, представляет собой «долингвистическое состояние инстинктивных влечений», которое проявляется в языке и также выступает фундаментальной стадией в процессе формирования субъекта, «подготавливающей будущего говорящего к вступлению в область знаков (символического)». Символическое выступает в качестве «социального эффекта отношения с Другим, проистекающего из объективного противостояния биологических (в том числе сексуальных) различий и конкретных исторических структур семьи»; оно включает в себя идентификацию субъекта, выделение отличного от него объекта и установление знаковой системы.

Говоря о репрезентации женской субъективности, Кристева отмечает принципиальную невозможность женского самовыражения и, основываясь на теории диалогизма, разработанной Бахтиным, предлагает концепцию семиотического языка, в рамках которого возможно преодоление гендерных отношений и создание гендер-нейтральной

картины мира. Семиотический язык – это открытая, находящаяся в процессе становления структура, в основу которой положен не логос, а инстинкт, импульс. В этом языке отсутствует иерархия, свойственная нормативному языку. Опираясь на диалогизм Бахтина, Кристева определяет семиотический язык как диалогический по отношению к монологическому, нормативному, в котором доминирует мужское начало.

Концепция Кристевой также способствует легализации феномена женского текста в связи с его множественностью и гетерогенностью. Она выделяет два способа организации текста: фенотекст и генотекст, созданные по аналогии с биологическими понятиями фенотипа и генотипа. Данные термины были введены Кристевой в работе «Семиотика» и позднее получили более детальную проработку в ее докторской диссертации «Революция поэтического языка». Фенотекст представляет собой «семиотический продукт, язык коммуникации и лингвистических структур, обладающий устойчивым смыслом», генотекст – «внелингвистическую структуру языка, в которой отсутствует субъективность», и которая получает структурную упорядоченность только на уровне фенотекста [90, с. 329]. По мнению самой Кристевой, генотекст выступает как основа, «находящаяся на предъязыковом уровне», а фенотекст «расположен поверх него». Фенотекст – это структура, подчиняющаяся правилам коммуникации, она предполагает наличие субъекта акта высказывания и адресата. Генотекст – это процесс, протекающий сквозь зоны относительных и временных ограничений; он состоит в прохождении, не блокированном двумя полюсами однозначной информации между двумя целостными субъектами» [222, с. 83–84].

Воспользовавшись методологической и терминологической базой психоанализа, обратившись к лакановскому прочтению идей Фрейда, Кристева выделяет три стадии развития субъекта. Конституирование говорящего субъекта предстает для нее сложным процессом, где на первой стадии – доэдипальной или «стадии зеркала» – ребенок осуществляет воображаемый синтез, результатом которого становится идеальный образ. Данный уровень Кристева определяет как семиотический и рассматривает как феминный и гетерогенный, состоящий из недихотомических множеств, не позволяющих осуществить сведение субъективности к единому основанию. Подобный нестабильный этап в строении субъективности она обозначает термином «хора» (от греч. слова «чрево»), что в дискурсе Кристевой определяет пространство, в котором еще не присутствует знак, осознаваемый как отсутствие объекта и разделение на реальное и символическое [228, с. 24–33].

На следующей стадии – эдипальной фазе становления субъективности, в течение которой субъект усваивает язык, – происходит полное выделение субъекта из семиотического континуума хора и конституирование субъекта завершается. Данное пространство конституирует гетерогенное измерение языка, которое не может быть понято в рамках традиционной лингвистической теории. Именно эта стадия функционирования языка определяется Кристевой как «поэтический язык» [223, с. 35–38].

Теория «поэтического языка», в основе которой лежит понимание субъективности как структуры «говорящего субъекта», основанной на различении уровней семиотического и символического, определяющих процесс означения, также оказала сильное влияние на концепцию женского письма и женской субъективности. Примером поэтического языка для Кристевой служит творчество французских поэтов С. Малларме и Ф. Я. Лотреамона – классиков постструктуралистской истории французской литературы. Исследовательница считает, что именно они осуществили кардинальный разрыв с предшествующей поэтической традицией, выявив кризис языка, субъекта, символических и социальных структур. Данный разрыв определяется термином «негация» – т. е. отрицание самостоятельного объекта и введение его в структуру познающего субъекта. Согласно Кристевой, негация по своему значению синонимична с «разнородностью», «гетерогенностью», «отказом», «прорывом», данная терминология используется и для описания импульсного действия либидо. При этом, чем больше «прорыв» семиотического ритма «негативизирует» нормативную логическую организацию текста, навязывая ему новое значение, лишенное коммуникативных целей, тем более такой текст, с точки зрения Кристевой, будет поэтическим, женским и тем более трудным он будет для усвоения читателя [222, с. 34–56].

Возвращаясь к поэзии, она отмечает, что «негация» у обоих поэтов определяется во фрейдистском духе, представляя собой бунт против отца и отцовской власти [222, с. 450–451]. В данном случае процедура негации совпадает с процедурой желания, определяющей женскую субъективность. Оба этих понятия подразумевают, что объект потерян и недостижим, иначе желание исчезает. В результате структура субъективности с одной стороны состоит из относительно структурированного опыта субъекта как опыта «я», а с другой стороны, в ней присутствует опыт негации, гетерогенности как желания, направленного за пределы субъективных границ, т. е. опыт «не-я» [222, с. 30]. Таким образом, используя методологию психоанализа,

Кристева феминизирует концепцию субъективности, придавая ей множественность, присущую феномену женского в культуре.

Описывая «поэтический язык», Кристева упоминает, что он является результатом «ритмических артикуляций между семиотической и символической стадиями» [223, с. 42]. Однако понятие ритма в ее философии никак не связано с понятиями классической поэтики. В философском энциклопедическом словаре находим определение ритма как «параметров желającego тела», т. е. чувственных, эмоциональных, инстинктивных, несемантизированных доминант речи, предшествующих смыслу и имеющих абсолютное значение. Именно такой язык Кристева называет «материнским» и с его помощью анализирует разные виды дискурса – литературу, поэзию, искусство [224, с. 160].

Понятие «хора» Кристева использует и для разработки концепции «женского письма», выражающегося в «практическом создании текстов, в которых семиотическая хора, понимаемая как «женское», оказывает влияние на существующую языковую систему, модифицируя и изменяя её». В результате происходящий «эффект женщины», постоянно вытесняемой из литературы, предоставляет автору возможность создания «чувственно определяемых текстов» [223, с. 24]. Кристева реконструирует стиль, избегающий «символического порядка» отцовского языка, и приближается к названному ею «семиотическим» опыту единства «мать – дитя», пытаясь возродить это утраченное единство; новый язык нарушает подчиненный иерархическим грамматическим структурам речевой строй «символического». Подобный прорыв «семиотического» в «символическое» Кристева находит во фрагментаризации, в абстрактной поэзии, в семантической открытости, в расщеплении смысловых единиц языка.

Необходимо отметить, что понятие «материнского» в структуре феминного играет значительное место в лингвофилософии Кристевой. Это связано в первую очередь с тем, что именно отношения мать/ребенок выдвигаются ею на первый план в структуре субъективности, т. к. «этот союз тел», по ее мнению, «основан не на логической структуре, а на структуре субъективности, подразумевающей изменчивость чувств и выражений, каждое из которых имеет собственные множественные нюансы». Именно материнский язык является языком тела и эмоций, языком *jouissance*, «в отношении которого символический порядок культуры обычно играет роль цензуры» [221, с. 100]. Поэтому достичь многообразия субъективности и глубины языка женщина может только в роли матери, и это также не может быть выражено в рациональных понятиях.

Символический мир удовольствия – *jouissance*, свободный от проявлений любых конкретных объектов, Кристева называет «женским» [225, с. 65]. Подобно всем исследователям, обращающимся к данному понятию (Барт, Гваттари, Делез, Жижек, Лакан, Иригарэй и др.), синонимичному женской субъективности, Кристева полагает, что в «женском» состоянии утрачиваются бинарные оппозиции духа и тела, чувственности и рациональности, внутреннего и внешнего. Только в нем возможно раскрепощение обычно подавляемых эмоций, которые наиболее полно характеризуют женскую субъективность [224, с. 160].

Анализируя параметры «женского» текста, Кристева затрагивает вопрос об «интонационной пунктуации», которая не совпадает со стандартной письменной пунктуацией, т. к. она позволяет обнаружить автономный и субъективный тип произношения. Кристева считает, что использование традиционных понятий «поэтика», «нарратив», «жанр» не имеет прежнего смысла, поскольку при анализе феминных текстов концепция «полилогикки» более эффективна, т. к. позволяет фиксировать «бесконечность текстовой фрагментации через техники полилогического анализа» [227, с. 159–209]. Термин «скандирование», относящийся к индивидуальному ритму дыхательных периодов и неразрывно связанный с отказом от традиционной пунктуации, становится одним из ведущих понятий полилогического анализа. Благодаря скандированию в любом тексте можно зафиксировать его досинтаксическое, метрическое измерение. По мнению Кристевой, «в полилогическом тексте вы должны, прежде всего, слышать структуру ритм-звук-голос-скандирование, позволяющую разложить символические текстовые структуры» [226, с. 22].

Особого внимания заслуживает понятие постмодернистской текстологии «интертекстуальность», артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой. Данный термин был введен Кристевой в 1967 г. на основе анализа концепции работы М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». В ней автор, описывая диалектику существования литературы, отметил, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами». Делая данное умозаключение, Бахтину удалось зафиксировать феномен диалога текста с текстами и жанрами, предшествующими и параллельными ему во времени, обозначая общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, бла-

годаря которым тексты (или их части) «могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [13, с. 9–191]. По замечанию Ильина, в употреблении Кристевой этот термин стал «одним из основных в анализе художественных произведений постмодернизма, причем употребляется он не только как средство анализа литературного текста или описания специфики существования, но и для определения того миро- и самоощущения современного человека, которое получило название постмодернистская чувствительность» [62, с. 204–205].

Концепция интертекстуальности Кристевой, в благоприятной для неё атмосфере постмодернистских и деконструктивистских настроений, быстро получила широкое признание и распространение у филологов и литературоведов самой различной ориентации. Как отмечает отечественный исследователь интертекстуальности И. П. Смирнов, концепция интертекстуальности в целом восходит к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения [134, с. 11]. Она облегчила, как отмечает Ильин, как в теоретическом, так и в практическом плане осуществление «идейной сверхзадачи» постмодернизма – «деконструировать противоположность между критической и художественной продукцией, а также классическую оппозицию субъекта объекту, своего чужому, письма чтению и т. д». Однако конкретное содержание термина существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый учёный. Общим для всех служит постулат, что «всякий текст является «реакцией» на предшествующие тексты» [62, с. 206–207].

Благодаря тому, что женская субъективность может быть выражена через язык, письмо и литературу, специфика ее изучения носит междисциплинарный характер. Поэтому, в результате смещения интереса с трактовки женской субъективности в терминах психоанализа в сторону ее репрезентации в терминах феминистской критики, происходит обращение к женскому письму как средству самовыражения авторов-женщин в текстуальных практиках.

Сегодня женский стиль письма для феминистских исследователей – это, прежде всего, способ обретения женщиной своего «голоса» в тексте, в культуре, обретение своей идентификации, собственного места в культурном пространстве. Письмо, считает Э. Сиксу, «это то самое место, где подавление женщины увековечивалось снова и снова, более или менее сознательно... где все признаки половых противоположностей (не различий) чрезвычайно преувеличивались, где она

никогда не дожидаясь своей очереди говорить – это все тем более серьезно и непростительно, что именно в письме содержится главная возможность изменения; это есть место, которое может служить трамплином для разрушения мысли, предтечей движения по трансформации социальных и культурных оснований» [190, с. 483]. Другой историк Дж. Келли спрашивает: не является ли «исключение женщин из канона» результатом «мужского взгляда на мир» [219, с. 2–3]?

Определяя мужскую литературу как, прежде всего, оценочную категорию, становится понятно, что идея о необходимости обоснования теории женской литературы и женского письма возникла среди женщин-исследователей по причине того, что женщины писали и пишут иначе, чем мужчины. Как отмечает финский специалист в области гендера М. Рюткёнен, утверждение о влиянии гендерной системы общества на создание и интерпретацию литературных произведений «уже давно не вызывает сомнений» [127, с. 5]. В связи с этим в рамках феминистской критики сформировалось два подхода к проблематике женского письма: определение через категорию «инаковости» по отношению к мужскому и традиционному, и утверждение собственной, уникальной, независимой топологии «женского». Первая точка зрения в основном рассматривалась в 70–80-е гг. XX в. в работах таких авторов, как С. Гилберт, Э. Моэрс, Э. Шоултер и др. Вторая точка зрения была представлена с конца 80–90-х гг. XX в. в работах А. Жардин, Т. Мой, А. Острайкер, Ш. Фельман и др., а также французскими теоретиками Л. Иригарэй и Э. Сиксу.

Анализируя феминистский литературный критицизм, мы сталкиваемся с крайне сложной задачей классификации данного дискурса. Внутри данного теоретического направления, отмечает американский литературный критик Шоултер, трудно выделить какие-либо разновидности, т. к. они «сильно связаны между собой и практически не поддаются дифференциации» [250, с. 22]. Однако Э. Гросс выделяет такие параметры в феминистском литературном критицизме, как «женская литература», когда акцент делается на пол автора, «женское чтение» – на восприятие читателя, «женское письмо» – стиль текста и «женская автобиография» – с акцентом на содержание текста [210, с. 9–24].

Исследуя женское авторство в статье «К вопросу о феминистской поэтике», Шоултер различает два основных метода феминистского литературного критицизма: «феминистская критика» и «гинокритика». Первый метод, по ее мнению, отражает традиционное мужское воображаемое по поводу женщин и женского в литературе, а коннотация «феминистская» в данном случае означает просто «жен-

ская». В качестве читательницы и потребительницы мужского текста, женщина дешифрует традиционные текстуальные сексуальные коды и гендерные стереотипы. И хотя структуры женского читательского опыта изменяются со временем, в основе «мужско-сконструированной» литературной истории лежит «эксплуатация и манипуляция» женской читательской аудиторией через формы массовой популярной литературы и культуры. Основной областью изучения становятся женские авторы, героини и «женские» жанры письма, такие как стих, новелла, автобиография, мемуары, дневники, имеющие отношение к сфере интересов женско-центрированной традиции в литературе, а базовым теоретическим конструктом является идея женской эмансипации в литературе [250, с. 22].

Другой тип практик, выделяемый Шоултер, предлагает новые модели литературного дискурса, которые базируются на собственно женском опыте и переживании, когда женщина является автором текста и производителем текстуальных значений. «Гинокритика» выступает как противоположный по значению дискурс, который не принимает мужские литературные модели и теории и строит новые, независимые от мужского типы женского выражения. «Гинокритика», по словам Шоултер, начинается тогда, когда мы «прекращаем вписывать женщину в просветы между линиями мужской литературы и вместо этого фокусируемся на мире собственно женской культуры, исследуя женскую сексуальность, топологию женского тела и субкультуру женских отношений в роли матерей, дочерей, сестер и друзей» [250, с. 36].

В связи с отсутствием единой классификации, необходимо обозначить, что наиболее полно задачи и цели настоящего исследования отражаются в рамках концепции «женского письма». Принимая за основу понятийный аппарат Гросс, мы рассматриваем данный термин шире, полагая, что «женское письмо» – это, прежде всего, пространство, где женщина-автор свободна в самовыражении, сознательно или бессознательно использует свой опыт, идентифицируя себя в других и других в себе. Мы уверены, что авторство не может быть гендерно-нейтральной категорией, поэтому спецификой «женского письма» является выраженность гетерогенной субъективности женщины и ее опыта в литературе – гинокритика, а не только предпочтения женщин в использовании тех или иных языковых средств в письменной речи. Если женское письмо исходит из признания особого женского бытия в мире и соответствующих ему женских репрезентативных стратегий, то мужское письмо ассоциируется у ученых, прежде всего, с преференцией в использовании тех или иных языковых средств [133, с. 142]

В своей статье «Смех медузы» Сиксу считает, что «женское письмо» является тем путем, который поможет женщинам прорваться за грань «возможного» и «раскопать» в себе свою подлинную феминность, чтобы изменить мир и историю. Она отмечает, что данный тип письма заключает в себе удивительную способность побуждать «знание, зарытое в теле, переходить в сознание» [190, с. 409]. Сиксу не однажды была поражена описанием собственного мира женщины: «Было жаль, что женщина не напишет и не заявит о своей уникальной империи так, чтобы другие женщины могли бы воскликнуть: я тоже переполнена; мои желания породили новые желания, мое тело знает неслыханные песни» [190, с. 481]. Весь текст Сиксу пронизан страстными призывами к женщинам: «Почему вы не пишете? Пишите! Письмо для вас, вы для вас; ваши тела – ваши, берите их!.. Пиши себя. Твое тело должно быть услышано. Только так богатейшие способности подсознания могут проявиться» [190]. Современные отечественные исследователи В. Е. Кемеров и Н. П. Коновалова считают, что Сиксу имеет в виду процесс «раскапывания» в теле «подлинно женского опыта переживания жизни через выражение мыслей посредством чувств, а понятий – через эмоции» [77, с. 36].

Несмотря на то, что для Сиксу механизмом обретения подлинной женственности является женский тип письма, сам факт написания женщиной текста она не причисляет автоматически к «женскому письму», т. к. «подавляющее большинство пишет по мужским правилам, создавая произведения, ничем не отличающиеся от мужского письма, которое или также только «затемняет» природу женщин, или воспроизводит классическое представление о них (чувствительные – интуитивные – мечтательные и т. п.)». Исследовательница сожалеет о том, что, начиная примерно с XIX в., несмотря на увеличение числа пишущих женщин, ничего не меняется [190, с. 483].

Сиксу не дает содержательного определения природы женского письма, подчеркивая невозможность определения феминного опыта. Тем не менее, эта работа, по мнению Н. Черняевой, стала своеобразным манифестом, «культовым текстом» феминистского литературоведения [190, с. 19]. Во многом это связано с тем, что ускользающий от определения женский опыт «всегда выходит за пределы, превышает возможности фаллоцентристского дискурса, существует, но в сфере иной, чем философско-теоретические субординации» [190, с. 477]. Для репрезентации себя и выражения своей женской субъективности на письме Сиксу использует определенный стиль, особенностью которого является обращение к женской телесности, когда текст равен телу, но при этом само тело «может быть описано не больше чем Бог,

душа или Другой; эта часть тебя – есть пространство между тобой и твоим побуждением выразить в языке твой женский стиль» [190, с. 476].

Другим телесно-ориентированным и по своему способу, и по содержанию является «женское письмо» Иригарэй, для выражения которого используется понятие «вагинального символизма», в противопоставлении его «фаллическому символизму» Деррида. Основное различие между ними, по мнению Иригарэй, основывается на «при- сущем второму семантическом эффекте глагольной оппозиции иметь/не иметь, в то время как для языка «вагинального символизма» определяющим оказывается множественность, децентрированность, диффузность значений и синтаксической структуры», поскольку он базируется на отношении не идентичности, а длительности, и механизм его действия «не подчиняется логическому закону непротиворечивости» [216, с. 28]. В такого рода текстах определяющим оказывается чувственность, проступающая через настроение и ритм прозы.

Примером текста, где «женский язык» находит выражение в практике письма, может служить статья самой Иригарэй с показательным названием «Когда наши губы говорят сомкнутыми», где идея выражена через ритм, особое «дыхание» текста, который представляет собой попытку передать не столько вербальным, сколько телесным способом чувства, ощущения, волнения, а также «высвобождающуюся через язык тела, женственность, которая не нашла артикуляции в традиционной культуре» [217].

Попытки отразить женский опыт, особые стратегии повествования и творчества женщин в женском письме связаны с определением экстралитературных критериев, с поиском «женских» средств литературной выразительности. По нашему мнению, наиболее полно данный подход реализован в книгах Шоуолтер. Интерес исследовательницы направлен на рассмотрение творчества женщин-писательниц, считающихся второстепенными с точки зрения «большого» литературного дискурса. Шоуолтер показывает, что топология женского авторства в литературе XIX в. определялась, в первую очередь, по биологическому критерию и лишь затем по профессиональному. Поэтому женское творчество воспринималось как результат «природной креативности и психологической особенности женщины», ее особых интенсивных телесных, аффективных состояний, т. е. как результат «демонического женского гения». А женская субъективность конструировалась через «девиацию и соответствующее ей чувство вины» по отношению к «нормативной» мужской субъективности. В результате этого основной формой проявления женской субъективности в

женской литературе XIX в. стала «особая женская аффективная выразительность» (девиантная и маргинальная), называемая Шоуолтер «языком безумия»; отказ самих писательниц от подобной маркировки своей субъективности происходит только в конце XIX–начале XX в. [251, с. 37]

В отличие от Шоуолтер, исследовательницы классической женской литературы, С. Гилберт и С. Губар в своем труде «Безумная на чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое XIX века» анализируют творчество не второстепенных, а известных женщин-писательниц, таких как Дж. Остин, М. Шелли, Дж. Элиот и Э. Дикинсон. В их творчестве они обнаруживают не только патриархатную трактовку женской литературы как патологии и сумасшествия, но «устойчивый бинаризм женского», когда женщина представляется либо «чудовищем и ведьмой», либо «святой». Авторы доказывают, что женщины-писательницы неизбежно попадают в «дискурсивные ловушки», т. к. в любом случае вынуждены «драматизировать амбивалентное разделение» между двумя возможными образами женского: традиционным патриархатным образом и одновременным сопротивлением ему. Данный «разрыв», по мнению авторов, и формирует амбивалентную структуру женского авторства как структуру «сумасшествия» [208, с. 17].

Профессор английского языка Э. Моэрс, рассматривая историю женской литературы с точки зрения преемственности женского авторства, полагает, что если мужское авторство формировалось в публичном пространстве, то женщина, лишенная «возможности образования и участия в публичной жизни, изолированная в пространстве дома, ограниченная в путешествиях, болезненно ограниченная в дружбе», формируется как автор в приватном, интимном пространстве семьи и интимизированного чтения. Наибольшее влияние на женщин-авторов, по ее мнению, оказывают другие женские авторы. Проведение аналогий с собственными ощущениями и переживаниями, подчеркивает она, возможно только через женское авторство, т. к. у авторов-мужчин данные категории являются нефиксируемыми. Моэрс приходит к выводу, что для женских авторов, независимо от исторического периода, национального контекста или социальных условий, женская литературная традиция как бы «замещает» мужскую, что привносит в текст черты, присущие автобиографическим текстам [236, с. 148–157].

Следует добавить, что женская автобиография также имеет большое значение для выражения женской субъективности в текстах женского письма, т. к. отражает частную, повседневную тематику, затрагивающую закрытые темы женского субъективного опыта, телесности, ментальности и быта. Особенностью этого жанра является то, что через

изображение «бытовой» жизни в литературе женщина как бы создает связь со сферой общественного, из которой она традиционно удалена. По мнению Рюткёнен, использование автором первого лица в автобиографических текстах объясняется с тех же позиций – это дает женщинам-авторам ощущение «овладения позицией субъекта» [127, с. 5]. Социолог Д. Берто полагает, что использование письма от первого лица означает «одновременную апелляцию к личному опыту», но не как к отдельному, а как к «гендерному опыту группы» [179, с. 56].

Позицию значимости женского «писания себя» подтверждает исследовательница феминистской литературной теории Н. Миллер. Исследовав автобиографии французских женщин (Ж. Санд, С. де Бовуар), она отметила, что автобиография, как и создание литературных текстов вообще, позволяет женщине стать субъектом: «Я пишу, значит, я есть. Писание – для публикации – представляет вход в мир других, и через этот вход – возрождение: получение статуса автономного субъекта. Выражения женского «я» в тексте означает уход из сферы тех «относительных» существ (так де Бовуар характеризовала женщин), которые воспринимают мир лишь через посредство мужчин. «Писать – значит выйти из тени и оказаться, хотя бы на короткое время, в центре внимания» [235, с. 55].

Американский теоретик в области феминистской теории, постмодернизма, культурологии и литературоведения Р. Фельски, называет женские автобиографии «феминистскими исповедями» и отмечает, что «вследствие их сконцентрированности на частном и повседневном, фрагментарности, эпизодичности, отсутствии линейного повествования, они отличаются от канонизированного определения автобиографии, имитируя внелитературные формы, такие как дневник, письмо или записки» [204, с. 86]. Подобно Миллер и Рюткёнен, она считает, что и жанр женской автобиографии служит для выражения: особого типа «женского опыта»; репрезентации женской субъективности через повествовательные, жанровые, контекстуальные особенности женского текста; истории женского творчества; условий, в которых женщины писали и пишу; отношения к доминирующим жанрам (романы, драмы, повести и др.); и представленности в них женщин. Все эти составляющие превращают женские автобиографии в подобие «эготекста», когда независимо от жанра повествование сфокусировано вокруг эмоций, поступков или переживаний, принадлежащих автору.

В большей степени, чем в иных эгодокументах (мемуарах, дневниках, письмах), в женской автобиографии присутствует социальная составляющая. В них, далеких от публичности, частная жизнь наполнена интересными событиями. Как пишет Пушкарёва, «там меньше

затянутостей», и, следовательно, интрига «закрученнее» и живее, чем в «мужских» текстах о повседневном быте и семейной жизни [121, с. 64]. Однако наблюдается сознательное или бессознательное противопоставление своего внутреннего приватного мира миру официальной истории: в женском автобиографическом тексте зачастую невозможно определить в принципе, к какой исторической эпохе он принадлежит. Как признается Дж. Спрадли, профессор антропологии, известный своими работами в области литературы и этнографии, вызов официальной истории через репрезентацию тем дома, кухни, семейного быта, женских и детских переживаний и болезней и проч. является «одним из сознательных феминистских жестов женского автобиографического письма» [252, с. 2].

Еще одно отличие женских автобиографий от классических, по мнению социолога и культуролога Е. Герасимовой, состоит в наличии «сексуализированного или эротизированного дискурса, бесстрашия говорить о своем теле в рамках основного автобиографического сюжета» [43, с. 105].

Отечественный исследователь Ю. К. Щеглов говорит о четырех тематических сегментах, затрагиваемых в рамках женской литературы:

а) выражение судьбы через естественный удел героини – отсутствие счастья и удачи;

б) отражение души и креативности как одной из главных черт личности героини;

в) обращение к теме долга и счастья в терминах шаткости и безнадёжности жизненной стратегии героини;

г) ощущение победы над судьбой, когда, осознавая естественность и неизбежность несчастья, героиня, тем не менее, старается слиться с ним, прибегая для этого к креативным сторонам души [176, с. 264–265].

Однако исследование женского письма было подвергнуто критике. По словам современного литературного критика Т. Мой, его главной методологической проблемой является создание особого, женского литературного канона отличного от мужского, но при этом забывается то, что новый канон может быть не менее репрессивен, чем старый, о чем говорил еще Фуко в теории маргинальных практик [237, с. 78]. Применение концепции «смерть автора», сделавшей текст материальной манипуляцией знаками, дискурсивной структурой, текстуальными элементами, а не выражением индивидуальной субъективности автора, исключает возможность говорить об авторской аутентичности и об установлении кодировки авторства. Женщины-авторы могут производить мужские по стилю тексты, а женщины-антифеминистки могут производить феминистские тексты. Более того, «женские» черты можно видеть и в

текстах авторов-мужчин. Так, фрагментарность, отступления, непоследовательность можно найти в романах М. Пруста, Ф. Кафки; телесность и сексуальность, признание вины демонстрируется в поэзии Ш. Бодлера; от первого лица ведут повествование Ж. Ж. Руссо, С. Кьеркегор, О. Уайльд.

Немецкий исследователь С. Вайгель считает опасным выявление определенного женского стиля письма в связи с тем, что в его определении обычно присутствуют формальные черты, считающиеся типичными (разрывность, отступления, непоследовательность, субъективность и т. д.). Эти черты исследователи-феминистки считают положительными, в то время как противостоящие им – логичность, регулярность, объективность – отрицательными, что создает дуализм между маскулинным и женственным, и всегда ставит женщину в худшее положение по сравнению с мужчиной. Вайгель приходит к выводу, что через определение женской субъективности посредством подобных категорий укрепляется «бинарный образ мышления маскулинного порядка, где женственное всегда проигрывает и исчезает в пассивности. На первый план, – заключает она, – должна выдвигаться проблема определения места женщин-авторов в доминирующей культуре, и ее отражение в их творчестве» [260, с. 197].

Сходным образом размышляет Миллер, подчеркивая связь между контекстом и читателем, и обращает особое внимание на повествовательные, жанровые и контекстуальные особенности женского текста. Она выдвигает на первый план роль читателя, которому следует обратить внимание на условия, в которых женщины писали и пишут, на их отношение к доминирующим жанрам и представлениям женщин в них, а также на историю женского творчества. Гендер, по ее мнению, создается в чтении, когда читатель признает, что его/ее гендер влияет на чтение и интерпретирует в диалектическом процессе идентификации то, как женский субъект «вписывается» в текст. Миллер утверждает, что в литературном тексте нет никаких формальных знаков, свидетельствующих о гендере автора, не существует никакого достоверного метода, с помощью которого стало бы возможным определить гендер автора по одному только тексту. В связи с этим она обращает большое внимание на женское чтение, когда вместо поиска неких объективных знаков авторского гендера в тексте, «речь должна идти скорее о том, что в чтении сознательно заново творится изображенный объект, всегда осознается различие, независимое от открытия исключительного и недоступного «Другого» [235, с. 29].

Подводя итог рассмотрению концепции «женское письмо», укажем, что нет единого мнения относительно определения, формы,

функций и роли женского письма, и точки зрения различных теоретиков отличаются друг от друга. Литературные произведения редко создаются или читаются в вакууме, а контекст (жанр, гендер, исторические события, идеология) даже неосознанно, но влияет на письмо и чтение. И только совокупность всех указанных особенностей позволяет говорить о формировании женского письма и возможностей репрезентации в нем женской субъективности. При этом существуют две основные трактовки данного понятия, сложившиеся в ходе исследования. Первая рассматривает «женское письмо» как средство репрезентации женской субъективности в ее отличии от мужской, когда язык подчеркивает различные параметры и характеристики женской субъективности (например: *jouissance*) (С. Гилберт, Э. Моэрс, Э. Шоултер и др.). Во второй делается акцент на язык, представляющий письмо с точки зрения прорыва в новое мыслительное, лингвистическое, культурологическое пространство, где нет иерархических установок, жестких предписаний типов поведения и свойств, характеризующих «мужское» и «женское», нет стандартизированных представлений об «исконно-природном» предназначении пола (А. Жардин, Т. Мой, А. Острайкер, Э. Сиксу, Ш. Фельман и др.).

В то же время сами авторы-женщины в зависимости от выбора своей творческой установки делятся на тех, кто:

1) усваивает мужское восприятие, создавая как бы игровую подмену угла зрения;

2) подчеркивает женскую субъективность и, следуя заветам Иригарэй, что «женское тело» служит способом создания «женского языка», генерируют особое «женское письмо»;

3) старается избежать самоотождествления с каким-либо полом, но на деле получается, что они «расстаются» не только с полом вообще, а именно с женским полом [150, с. 223].

Принимая во внимание теории рассмотренных авторов, нам представляется возможным выделить следующие черты «женского письма»:

1) прописывание в тексте наслаждения и телесности;

2) присутствие формальных черт: разрывность, отступления, непоследовательность, субъективность и т. д.;

3) использование формы первого лица единственного числа;

4) демонстрация внутренней связи женщины с природой;

5) обращение к репрессивному опыту как неотъемлемому в процессе становления женской субъективности;

6) выражение отношения женщины к своей телесности и сексуальности;

7) изображение частной, повседневной жизни людей, особенно жизни женщин, а также исторически табуированных тем, связанных со специфическим женским опытом;

8) доминирование таких жанров «женской литературы», как стих, новелла, мемуары, дневники и др. вследствие их сконцентрированности на частной, повседневной, традиционно маргинальной для мужского дискурса, тематике.

Таким образом, проблема женского письма не может быть решена в сугубо литературоведческих рамках. Новое «гендерное» прочтение текстов дает возможность отойти от традиционных культуро-философских и литературоведческих трактовок, проанализировать произведение с точки зрения представленности в нем параметров «женское» и «мужское». В результате читатель может по-иному взглянуть на данные конструкты текста, деконструировать, казалось бы, незыблемые понятия, выявить новые смыслы и интерпретировать их с учетом выраженности параметров женской субъективности.

Несмотря на определенные жанровые и тематические рамки произведений, написанных женщинами, нельзя говорить о мелкости и узости тем, примитивности фабулы, сентиментальности произведений только потому, что они созданы женщинами. В женской литературе мы попадаем в мир, увиденный как бы со стороны. Не со стороны мужчины, хотя такая точка отсчета является более привычной для читателя, а со стороны женщины. И этот взгляд интересен своей нетрадиционностью. Внимание к телесности исходит из изначального, природного, к которому женщина причастна через собственную физиологию. «Новая» женственность, готовность соединить обретенное право вслух говорить о «неприличном» отличают женское самосознание рубежа веков и многое определяют в отношениях полов. Особенность женского создания предопределена женским видением мира, где существует своя система понятий, своя история, а женская биология входит как составная часть, и оттого перестает быть стыдной, утрачивает запретность. При этом интерес к женскому письму обусловлен рядом причин, связанных с изменением социокультурных ориентаций, а также новыми исследовательскими стратегиями, которые направлены на изучение ранее «непривилегированных» феноменов культуры, на «пограничные» или «второстепенные» явления в ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе рассмотрено актуальное состояние жанровой системы институционального и неинституционального дискурса.

Изучив традиционные и новые формы делового, политического, научного, медийного и художественного дискурса, осмыслив различные аспекты функционирования их разновидностей, мы увидели, что жанровая структура ряда дискурсивных систем претерпевает сложную трансформацию, которая проявляется в гибридизации и слиянии жанров, диалогизации и дигитализации коммуникации, расширении ее лингвопрагматических возможностей и т. д.

Так, в медийном дискурсе наметилась явная тенденция к смешению жанров и устранению жанровых барьеров, возникновению новых (комбинированных) форматов, к свободной диффузии разных контентов, в связи с чем образуются оригинальные жанровые формирования, например интерактивная беседа, отличающаяся совмещением признаков телебеседы и интернет-блога.

Деловой дискурс также переживает этап эволюционирования своего жанрового устройства. Как показано в монографии, благодаря своей гибкости, открытости и многоканальности деловой дискурс непрерывно развивается, появляются новые подтипы и разновидности делового общения (в том числе, дискурс международной грантовой деятельности, отличающийся богатой жанровой средой, ядерным компонентом которой стоит признать заявку на получение гранта).

В работе также акцентируется обусловленность перестройки жанровых систем не только созданием новых разновидностей общения в пределах той или иной дискурсивной системы, но и процессами модернизации коммуникативно-прагматической организации уже сложившихся речевых жанров, а именно диверсификацией грамматических и содержательных характеристик делового общения (включая жанр сопроводительного письма к резюме), усложнением категориальной составляющей публицистического и политического дискурса (см. подробнее разделы о плюрализации способов реализации категории деавторизации в газетных статьях и категории модальности в предвыборных лозунгах, предвыборных программах, законодательных документах и др.), интенсификацией гендерной маркированности феминистской литературы и проч.

Активное развитие жанровой системы различных типов дискурса можно объяснить, во-первых, необходимостью «адаптации» жанровых образований к тем изменениям, которые происходят в современном обществе, к новым коммуникативным ситуациям, во-вторых,

расширением инструментария медийной, политической, научно-исследовательской и др. практики, в-третьих, пополнением ролевого репертуара производителя и реципиента дискурса и т. д.

Как было выявлено, не все типы дискурсов одинаково подвержены смещению своих жанровых границ. В частности, научный дискурс характеризуется более или менее стабильной жанровой системой, прототипическими элементами которой традиционно признаются статья в научном журнале и монография. Тем не менее даже в таком строго регламентированном типе общения, функционирующем четко в соответствии с устоявшимися нормами и правилами коммуникации, наблюдаются случаи отступления от классических речевых канонов, отмечается все большее наращивание аксиологического и полемического потенциала научных жанров, в частности, научной дискуссии, заключающееся в использовании самых разных видов и параметров оценки, ярких экспрессивных средств, колоритной критики и проч.

Таким образом, проанализировав нюансы жанровой организации различных типов дискурса, нам удалось обнаружить, что эволюция жанровых систем институционального и неинституционального общения не может иметь законченного характера. Под влиянием эндогенных и экзогенных факторов непрерывно происходят трансформации в жанровых разновидностях медийного, делового, политического, научного и художественного дискурса, идет процесс взаимопроникновения традиционных и новых жанровых форм. Для выявления основных тенденций в развитии публицистики, научно-исследовательской деятельности, политической жизни, деловой сферы, а также для глубокого осмысления и качественной интерпретации художественных текстов необходимо глубже изучать специфику современных речевых жанров, причины и пути образования очередных жанровых единиц, создавать, тестировать и унифицировать оригинальные модели анализа различных дискурсивных жанров. Такими видятся перспективы последующего изучения жанровых вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языка) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 7-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – С. 136–137.
4. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В. Н. Ярцевой [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
5. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст.; под ред. Е. В. Падучевой. – М., 1986. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 4–43.
6. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Речевой акт / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред-р В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 412–413.
8. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–364.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
10. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы; Семиотика; Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.
11. Барт, Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы; Семиотика; Поэтика / Р. Барт. – М., 1989. – С. 420–518.
12. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – С. 250–296.
13. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1965. – 543 с.
14. Белецкий, А. И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки: (изучение истории читателя) / А. И. Белецкий //

Избранные труды по теории литературы; под общ. ред. Н. К. Гудзия; сост. А. А. Гозенпуд. – М., 1964. – С. 20–41.

15. Белоглазова, Е. В. Еще раз об адресате и категории адресованности художественного текста / Е. В. Белоглазова // Текст – Дискурс – Стил: сб. науч. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2003. – С. 142–149.

16. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 354 с.

17. Бехерт, И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий / И. Бехерт // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст.; под ред. А. Е. Кибрика. – М., 1982. – Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – С. 411–431.

18. Бехта, И. А. Персональный дискурс в структуре текстовой коммуникации / И. А. Бехта // Текст и коммуникация: материалы науч. конф., Минск, 16-17 мая 2002 г. – Мн., 2002. – С. 143–145.

19. Бисималиева, М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М. К. Бисималиева // Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 78–85.

20. Блог Алёны Трацэнка «Пра мову» [Электронный ресурс] / Нац. дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://pramovy.blogspot.com/> – Дата доступа: 15.06.2018.

21. Блог Крысціны Смольскай «Пра прыгожае» [Электронный ресурс] / Нац. дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://ksmolskay.blogspot.com.by/>. – Дата доступа: 15.06.2018.

22. Блог Михаила Кириченко «Пра вечнае» [Электронный ресурс] / Нац. дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://pravechnae.blogspot.com.by/p/blog-page_17.html/. – Дата доступа: 15.06.2018.

23. Блог Таццяны Сівец & Стеллы Чирковой «Пра літаратуру» / Нац. дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://sivecchircova.blogspot.com.by/>. – Дата доступа: 15.06.2018.

24. Блэк, Макс. Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Бенджамена Ли Уорфа / Макс Блэк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scicenter.online/obschaya-lingvistika-scicenter/maks-blek-lingvisticheskaya-otnositelnost68-161845.html>. – Дата доступа: 15.10.2018.

25. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
26. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
27. Бочарова, Т. Г. Передача параметров ситуации лексико-семантическими средствами французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т. Г. Бочарова; Моск. гос. пед. ин-т им. М. Тореца. – М., 2006. – 26 с.
28. Брандес, О. П. Прагматика языка как переводческая проблема / О. П. Брандес // Тетради переводчика / О. П. Брандес. – М., 1979. – С. 35–75.
29. Бударagina, Е. И. Средства создания образа адресата в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Бударagina. – М., 2006. – 26 с.
30. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 333–343.
31. Валеева, Н. Г. Жанрово-стилистическая характеристика научных текстов / Н. Г. Валеева // TR Publish [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.trpub.ru/valeeva-har-text.html>. – Дата доступа: 29.03.2009.
32. Винокур, Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 5–29.
33. Водина, Н. С. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник-практикум / Н. С. Водина, А. Ю. Иванова, В. С. Ключев и др. – 14-е изд., испр. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 315 с.
34. Войтищенко, Е. В. Лингвопрагматические особенности интерактивных сообщений в коммуникативном субпространстве жанра интерактивной телебеседы (на материале белорусскоязычных телепрограмм) / Е. В. Войтищенко // Вестн. Минск. гос-го. ун-та. – Сер. 1. – 2018. – № 5 (96). – С. 7–16.
35. Войтищенко, Е. В. Структурная организация жанра интерактивной телебеседы в медийном дискурсе (на материале белорусскоязычных и англоязычных телепрограмм) / Е. В. Войтищенко // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. – Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2016. – № 2. – С. 28–34.
36. Волков, Ю. Г. Социология: учебник / Ю. Г. Волков, В. И. Добренев, В. Н. Нечипуренко, А. В. Попов; под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с.

37. Воронова, Е. В. Смещение темпоральности как основа полифоничности художественных текстов во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е. В. Воронова. – Минск, 2005. – 122 л.
38. Гавриленко, И. И. Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности: на материале русского языка: автореф. ... канд. филол. наук; 10.02.19 / И. И. Гавриленко [Электронный ресурс]. – М., 2005 – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/dopolnitelnaya-informatsiya-v-nauchnykh-tekstakh-semanticheskie-sintaksicheskie-i-prosodiche>. – Дата доступа: 01.10.2018.
39. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
40. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка (на английском языке): учебник / И. Р. Гальперин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., «Высш.школа», 1977. – 332 с.
41. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
42. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука, 1996. – 214 с.
43. Геодакян, В. А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение / В. А. Геодакян // Женщина в аспекте физической антропологии; отв. ред. Г. А. Аксянова. – М., 1994.
44. Гричин, С. В. Авторизация в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. В. Гричин. – Томск, 2003. – 177 с.
45. Гричин, С. В. Текстостроительная функция авторизации / С. В. Гричин // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер., Филология. Лингвистика. – 2010. – № 4(12). – С. 5–14.
46. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
47. Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст.; под ред. Т. М. Николаевой. – М., 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 259–336.
48. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М., 1995. – 480 с.
49. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
50. Денисова, Н. В. Рекламные тексты в научно-образовательной сфере (к проблеме междискурсивных взаимодействий): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Денисова. – Томск, 2008. – 207 с.

51. Деррида, Ж. Конец книги и начало письма / Ж. Деррида // Интенциональность и интертекстуальность: [сборник]. – Томск, 1998. – С. 218–224.

52. Дыя@блог Р.С. [Электронны рэсурс] / Нац. дзярж. Тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Мінск, 2015. – Рэжым доступу: <http://naumgal.blogspot.com/>. – Дата доступу: 15.06.2018.

53. Еллинек, Г. Общее учение о государстве [Электронный ресурс] / Г. Еллинек. – Режим доступа: [https://kartaslov.ru/Общее учение о государстве_Георг Еллинек](https://kartaslov.ru/Общее_учение_о_государстве_Георг_Еллинек). – Дата доступа: 10.03.2018.

54. Жеребкина, И. А. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. А. Жеребкина. – М.: Идея Пресс, 2000. – 256 с.

55. Завершинская, Н. От рационалистической иллюзии к новому ценностному измерению гендерного субъекта / Н. Завершинская // Бренное и вечное: прошлое в настоящем и будущем философии и культуры: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 27–29 окт. 2003 г. – Великий Новгород, 2003. – С. 87–92.

56. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 308 с.

57. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 247 с.

58. Зилбберман, Д. Б. Генезис значения в философии индуизма [Электронный ресурс] / Д. Б. Зилбберман. – М.: «Эдиториал УРСС», 1998. – 448 с. – Режим доступа: <https://knigi.link/filosofskie-nauki.html>. – Дата доступа: 07.11.2018.

59. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.

60. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Филолог. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

61. Иванов, Л. Ю. Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии: автореф. ... канд. филол. наук; 10.02.01 / Л. Ю. Иванов [Электронный ресурс]. – М., 2003. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/semantiko-pragmaticheskie-harakteristiki-teksta-nauchnoy-diskussii>. – Дата доступа: 20.05.2017

62. Ильин, И. П. Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энцикл. справочник / И. П. Ильин. – М., 1999. – 320 с.

63. Индикаторы науки: 2014: статистический сборник. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 400 с.
64. Иссерс, О. С. Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.
65. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд-е 5-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
66. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
67. Казарина, М. А. Грамматические типы текстов деловой письменной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. А. Казарина [Электронный ресурс]. – М., 2011. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/grammaticheskie-tipy-tekstov-delovoy-pismennoy-rechi>. – Дата доступа: 16.04.2018.
68. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. ст. / Волгоград. гос. пед. ун-т; под ред. В. И. Карасика. – Волгоград, 1998. – С. 185–197
69. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.; под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
70. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации: сб. ст. / Саратов. гос. ун-т; под ред. В. И. Карасика. – Саратов, 2000. – С. 25–33.
71. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; под ред. В. И. Карасика. – М., 2000. – С. 37–64.
72. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
73. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
74. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
75. Карасик, В. И. Защита диссертации как жанр научного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 338–350.
76. Карпук, Г. В. Контакттоустанавливающая функция языка в судебном дискурсе (на материале выступлений русских и американ-

ских адвокатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Карпук; МГЛУ. – Минск, 2006. – 20 с.

77. Кемеров, В. Е. Восток и Запад: проблема диалога: исслед. хрестоматия / В. Е. Кемеров, Н. П. Коновалова. – Екатеринбург: УралНаука, 1999. – 158 с.

78. Кибрик, А. Дискурс. Энциклопедия кругосвет [Электронный ресурс] / А. Кибрик, П. Паршин. – Режим доступа: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/. – Дата доступа: 10.10.2018.

79. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания, 2009. – № 2. – С. 3–21.

80. Кобозева, И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева. – М.: Прогресс, 1986 – 283 с.

81. Кожемякин, Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2008. – № 4 (44). – С. 5–17. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-diskursa-kak-sistemy-rasseivaniya-v-traditsii-frantsuzskoy-filosofii-vtoroy-poloviny-hh-veka-m-fuko-m-peshyo>. – Дата доступа: 07.11.2018.

82. Кожемякин, Е. А. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований / Е. А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар, 2007. – № 2. – С. 96–106.

83. Колшанский, Г. В. Прагматика языка / Г. В. Колшанский. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. – 176 с.

84. Коноваленко, М. Ю. Теория коммуникации / М. Ю. Коноваленко, В. А. Коноваленко. – М.: Юрайт, 2012. – 415 с.

85. Кормилицына, М. А. Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.

86. Костикова, А. А. Гендерная философия и феминизм: история и теория / А. А. Костикова // Общество и гендер: материалы Летней школы в Рязани, 1–12 июля 2003 года. – Рязань, 2003. – С. 22–28.

87. Котюрова, М. П. Идиостилика научной речи: наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. – Пермь, 2011. – 394 с.

88. Кравченко, А. В. Глагольный вид и картина мира / А. В. Кравченко // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – М.: Наука, 1995. – Т. 54. – С. 58–67.

89. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода: коммуникативный акт, дискурс, текст: дис. ... доктор филол. наук: 10.02.19 / В. В. Красных. – М., 2003. – 188 л.
90. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; сост., отв. редактор Г. К. Косиков; пер. с франц. Г. К. Косикова и Б. П. Нарумова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 652 с.
91. Кубрякова, Е. С. Виды пространств текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: 1997. – С. 19–21.
92. Лавренко, Е. В. Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе (на материале британского и американского вариантов английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Лавренко; Минск. гос. лингвистич. ун-т. – Минск, 2008. – 120 с.
93. Левченко, М. Н. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект): монография / М. Н. Левченко [и др.]. – 2-е пересмотр. издание, МГОУ. – М.: Изд-во МГОУ, 2018. – 214 с.
94. Леонтович, О. А. Жизнь и культура США / О. А. Леонтович, Е. И. Шейгал // Лингвострановедческий словарь. – Волгоград: 2000. США. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., стереотип. – М.: 2000. – 205 с.
95. Леонтьев, А. А. Признаки связности и цельности текста / А. А. Леонтьев // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М: Наука, 1976. – С. 46–77.
96. Ломтев, Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 381 с.
97. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1979. – 119 с.
98. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
99. Малюга, Е. Н. Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса / Е. Н. Малюга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 84. – С. 147–155.
100. Матвеева, Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г. Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1984. – 132 с.
101. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста: когнитивно-функциональный и коммуникативно-

прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д., 2003. – 390 с.

102. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М.: Тезаурус, 1997. – 158 с.

103. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 л.

104. Морова, О. Л. Средства речевого контакта в различных функциональных стилях (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Морова; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1997. – 18 с.

105. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 172 с.

106. Наер, В. Л. Прагматический аспект английского газетного текста / В. Л. Наер // Коммуникативные и прагматические особенности текстов разных жанров: сб. науч. ст. / МГПИИЯ им. М. Тореца; под ред. Р. Л. Ковалевского. – М., 1981. – С. 106–111.

107. Назарук, Ю. А. Категория связности в аспекте внутритекстовой повторной номинации / Ю. А. Назарук // Вестник СамГУ. – 2006. – № 10/2 (50) – С. 197–203.

108. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистика текста; сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 467–472.

109. Норман, Б. Ю. Основы языкознания. Функции языка / Б. Ю. Норман // Русский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.1september.ru/index.php?year=2001&num=45>. – Дата доступа: 16.04.2008.

110. Образец сопроводительного письма переводчика. – Режим доступа: <http://web-resume.com.ua/obrazets-soprovoditelnogo-pisma-perevodchika>. – Дата доступа: 23.04.2018.

111. Образец сопроводительного письма студента. – Режим доступа: <http://web-resume.com.ua/obrazets-soprovoditelnogo-pisma-studenta>. – Дата доступа: 23.04.2018.

112. Осадчий, М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М. А. Осадчий; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 53 с.

113. Осетрова, Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ...

д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Осетрова; ФГОАУ «Сибир. федер. ун-т». – Красноярск, 2010. – 42 с.

114. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст.; под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–129.

115. Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 2006. – 464 с.

116. Пелевина, Н. Н. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации: на материале немецкого языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Н. Н. Пелевина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2009. – 47 с.

117. Петрова, В. Текст и дискурс / В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

118. Пеше, М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / М. Пеше, К. Фукс // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса; под общ. ред. П. Серио, пер. с фр. Л. А. Илюшечкиной. – Изд-во: М.: Прогресс, 1999. – С. 105–124.

119. Поршнев, В. Ф. О начале человеческой истории (проблема палеопсихологии) / В. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1974. – 546 с.

120. Примеры удачных сопроводительных писем. Сопроводительное письмо специалиста с опытом работы. – Режим доступа: http://www.znanie.info/_portal/ec/2-cov.pdf. – Дата доступа: 23.04.2018.

121. Пушкарева, Н. Л. У истоков женской автобиографии в России / Н. Л. Пушкарева // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 62–69.

122. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. – Вып. 8. – С. 66–78.

123. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр, пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М.: КАНОН-пресс-Ц; “Кучково поле”, 2002. – Сер. Канон философии. – 624 с.

124. Руднев, В. П. Философия языка и семиотика безумия: избранные работы / В. П. Руднев. – М.: Территория будущего, 2007. – Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского». – 528 с.

125. Руднев, Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка [Электронный ресурс] / Ю. Руднев // Философский проект. Научные записки из желтого дома. – Режим доступа: <http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours>. – Дата доступа: 05.11.2018.

126. Русакова, О. Ф. Критический дискурс-анализ / О. Ф. Русакова, Е. В. Ишменев // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ: сб. науч. ст.; гл. ред. О. Ф. Русакова. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – Т. 1 – Сер. Дискурсология. – С. 39–53.

127. Рюткёнен, М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» / М. Рюткёнен // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 5–17.

128. Рябцева, Н. К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Науч. доклад ... докт. филол. наук; 10.02.19 / Н. К. Рябцева. – М., 1996. – С. 26.

129. Салькова, М. А. Темпоральная репрезентация английского дискурса (на материале структур с придаточным времени): автореф. дис. канд. филол. наук; 10.02.04 / М. А. Салькова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2009. – 29 с.

130. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио. – М.: Прогресс, 2009. – 416 с.

131. Силантьев, И. В. Текст в системе дискурсных взаимодействий / И. В. Силантьев // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 98–123

132. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз / Ю. М. Скребнев. – 2-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 224 с.

133. Словарь гендерных терминов; под ред. А. А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

134. Смирнов, И. П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака / И. П. Смирнов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 189 с.

135. Соловьева, Н. В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале тестов научных дискуссий 1950-2000-х гг.): дисс. ... канд. филолог. наук; 10.02.01. Екатеринбург, 2008 / Н. В. Соловьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tolerantnost-v-nauchnoi-diskussii-lingvisticheskii-aspekt-na-materiale-tekstov>. – Дата доступа: 15.10.2018.

136. Сопроводительное письмо к резюме – готовые примеры правильного написания. – Режим доступа: <http://master->

rezume.com/soprovoditelnoe-pismo-k-rezume. – Дата доступа: 23.04.2018.

137. Сопроводительное письмо к резюме. – Режим доступа: <http://https://working-papers.ru/soprovoditelnoe-pismo-k-rezume-obrazec.html>. – Дата доступа: 23.04.2018.

138. Сорокин, Ю. А. Психонарративика и психопэтика / В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин // Введение в психопэтику. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – С. 131–209.

139. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.

140. Сошникова, Р. С. Проектная заявка как элемент делового дискурса / Р. С. Сошникова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11, 4 (5). – 2009. – С. 1320–1325.

141. Степанов, Ю. С. Основы языкознания / Ю. С. Степанов. – М.: 1968. – 272 с.

142. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 318–334.

143. Степанова, А. Н. Говорящий субъект: его временное пространство, статус и функции / А. Н. Степанова. – Минск: МГЛУ, 2003. – 186 с.

144. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр.; Калинин. гос. ун-т. – Калинин. – 1988. – С. 7–13.

145. Сусов, И. П. Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы / И. П. Сусов // Прагматика этноспецифического дискурса / И. П. Сусов. – Тверь, 1990. – С. 2–5.

146. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория / Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография / Н. А. Безменова [и др.]; под ред. Р. Г. Котова. – М., 1990. – С. 5–18.

147. Твітэр “Дыя@блог” “Пра мову” з Аленай Трацэнка. – Режим доступа: <https://twitter.com/duablogbelarus3/>. – Дата доступа: 15.06.2018.

148. Телепрограмма «Q&A» и ее блог [Электронный ресурс] / ABC TV. – Режим доступа: <http://www.abc.net.au/tv/qanda/txt/s4259858.htm>. – Дата доступа: 15.06.2018.

149. Тюпа, В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике: монография / В. И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. Сер.: Актуальные монографии. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 274 с.

150. Фатеева, Н. А. «Женское» и «мужское» в произведениях В. Нарбиковой и М. Вишневецкой // Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре мужчины глазами женщины: материалы конференции «Толерантность в условиях многоукладности российской культуры». – Екатеринбург, 2001. – С. 222–227.

151. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Филинский; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2002. – 16 с.

152. Философия: энцикл. слов; под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

153. Формановская, Н. И. Размышления о единицах общения / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 56–63.

154. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты / Н. И. Формановская. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1987. – 158 с.

155. Фуко, М. Порядок дискурса [Электронный ресурс] / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с англ. – М.: Аспект пресс, 1996. – 581 с. – С. 47–97. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/84170>. – Дата доступа: 10.08.2018.

156. Фуко, М. Антропологический круг / М. Фуко // История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб., 1997. – С. 400–524.

157. Фуко, М. Археология знаний / М. Фуко, пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с.

158. Фуко, М. Говорящий пол (Сексуальность в системе микрофизики власти) / М. Фуко // Современная философия. – Харьков, 1995. – № 1. – С. 157.

159. Фуко, М. Забота о себе: История сексуальности – III / М. Фуко. – Киев: Дух и литера: Грунт, 1998. – 282 с.

160. Фуко, М. Использование удовольствий. Введение / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – С. 133–275.

161. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.

162. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине. – М., 1996. – 448 с.
163. Фуко, М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А–cad, 1994. – 407 с.
164. Хализев, В. Теория литературы: учеб. для студентов высш. учеб. заведений / В. Хализев. – М.: Высш. шк, 2000. – 398 с.
165. Цибанова, Н. Н. Классификация основного контента телеканалов по периодичности выхода в эфир / Н. Н. Цибанова // Молодой ученый. – 2014. – № 18. – С. 833–837. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/77/13165/> – Дата доступа: 12.11.2018.
166. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. / С.-Пб. гос. ун-т экономики и финансов. – СПб., 2001. – С. 11–22.
167. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – 5-е изд. – М.: УРСС, 2010. – 128 с.
168. Чернявская, В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 106–111.
169. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.
170. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
171. Честерфилд, Ф. Письма к сыну / Ф. Честерфилд // Если хочешь быть свободным. Книга о воспитании. – М., 1992. – С. 113–222.
172. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика, 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.
173. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. – М.; Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.
174. Шилова, С. В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. В. Шилова; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: 1998. – 18 с.
175. Шмелева, Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Russistik. Руси-

стика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.

176. Щеглов, Ю. К. Черты поэтического мира Ахматовой / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов // Работы по поэтике выразительности. – М., 1996. – С. 261–290.

177. A guide for proposal writing [Электронный ресурс] / National science foundation. – Режим доступа: <http://www.nsf.gov/pubs/2004/nsf04016/nsf04016.pdf>. – Дата доступа: 09.10.2018.

178. Adam, J-M. *Eléments de linguistique textuelle: théorie et pratique de l'analyse textuelle* / J-M Adam. – Liège: Margada, 1990. – 119 p.

179. Bertaux, D. *Histoires de vie – ou recits de pratiques?* / D. Bertaux // *Methodologie de Papproche biographique en sociology*. – 1976.

180. Bewerbung als Altenpflegerin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online-lernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/altenpflegerin_bewerbung.html. – Дата доступа: 23.04.2018.

181. Bewerbung als Arzthelferin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online-lernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/arzthelferin_bewerbungen.htm. – Дата доступа: 23.04.2018.

182. Bewerbung als Bäcker [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online-lernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/baecker_bewerbungen.htm. – Дата доступа: 23.04.2018.

183. Bewerbung als Bankkaufmann [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online-lernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/bankkaufmann_bewerbungen.htm. – Дата доступа: 23.04.2018.

184. Bewerbung als Bürokauffrau [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://onlinelernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/buerokauffrau_bewerbungen.htm. – Дата доступа: 23.04.2018.

185. Bewerbung als Friseurin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online-lernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/friseurin_bewerbung.htm. – Дата доступа: 23.04.2018.

186. Bewerbung als Gärtner für Landschaftsbau [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online-lernen.levrai.de/arbeit_wirtschaft/bewerbungen/bewerbungen_mit_lebenslauf/landschaftsgaertner_bewerbungen.htm. – Дата доступа: 23.04.2018.

187. Call for Proposal [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.investopedia.com/terms/r/request-for-proposal.asp>. – Дата доступа: 09.10.2018.

188. Cambridge International Dictionary of English; ed. by Paul Procter. – Cambridge University Press, 2001. – 1796 p.

189. Charaudeau, P. Grammaire du sens et de l'expression / P. Charaudeau. – P.: Hachette éducation, 2002. – 927 p.

190. Cixous, H. The Laugh of the Medusa / H. Cixous // Women's Voices. – NY., 1990. – 483 p.

191. Coates, J. The semantics of modal auxiliaries / J. Coates. – London: CroomHelm, 1983. – 259 p.

192. Deleuze, G. 1730: Becoming Intense, Becoming Animal, Becoming Imperceptible / G. Deleuze, F. Guattari // Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / G. Deleuze, F. Guattari. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. – P. 232–309.

193. Deleuze, G. November 20, 1923: Postulates of Linguistics / G. Deleuze, F. Guattari // Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / G. Deleuze, F. Guattari. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. – P. 75–110.

194. Derrida, J. The Hinge / J. Derrida // Derrida, J. Of Grammatology / J. Derrida. – Baltimore: L., 1998. – P. 65–73.

195. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois [et autres]. – P.: Librairie Larousse, 1973. – 516 p.

196. Dictionnaire Hachette encyclopédique. – P.: Hachette livre, 2011. – 1858 p.

197. Dijk van, T. A. The study of discourse / T. A. van Dijk // Discourse as structure and process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Sage, 1997. – T. 1. – P. 1–35.

198. Dijk, T. A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – The Hague: Mouton, 1981. – 331 p.

199. Dijk, T. A. van. Dialogue and cognition / T. A. van Dijk // Cognitive constraints on communication. Representations and processes / J. Hintikka, L. Vaina (eds). – Dordrecht, Boston, Lancaster, 1984. – P. 18–34.

200. Dijk, T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. van Dijk. – The Hague: Mouton de Gruyter, 1982. – 331 p.

201. Duras, M. *Écrire* / M. Duras. – P.: Gallimard, 1993. – 124 p.
202. Eco, U. *Six promenades dans les bois du roman et d'ailleurs* / U. Eco. – P.: Le Livre de Poche, 2016. – 155 p.
203. Elam, D. *Feminism and Deconstruction. Ms en Abyme* / D. Elam. – N.Y.: Routledge, 1994. – 168 p.
204. Felski, R. *Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change* / R. Felski. – Massachusetts: Harvard University Press, 1989. – 223 p.
205. Fontanille, J. *Sémiotique et littérature* / J. Fontanille. – P.: Presses universitaires de France, 2009. – 261 p.
206. France info [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.francetvinfo.fr/>. – Дата доступа: 13.11.2018.
207. Gavalda, A. *Je l'aimais* / A. Gavalda. – P.: Dilettante, 2003. – 216 p.
208. Gilbert, S. M. *The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination* / S. M. Gilbert, S. Gubar. – New Haven: L.: Yale University Press, 1979. – 768 p.
209. Grant (money) [Электронный ресурс]: Wikipedia, the free encyclopedia. – Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/Grant_\(money\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Grant_(money)). – Дата доступа: 15.10.2018.
210. Grosz, E. *Space, Time and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* / E. Grosz. – N.Y.: L.: Routledge, 1995. – 250 p.
211. Halliday, M. *Cohesion in English* / M. Halliday, R. Hasan. – London: Longman, 1976. – 374 p.
212. Halliday, M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar* / M. A. K. Halliday, C. Matthiessen, 3rd ed. – London: Edward Hodder Arnold, 2004. – 700 p.
213. Halliday, M. A. K. *Modality and Modulation in English // System and Function in Language Selected Papers* / G. R. Kress (Ed.), M. A. K. Halliday. – London: Oxford University Press, 1976. – P. 189–213.
214. Honig, B. *Political theory and the displacement of politics* / B. Honig. – N.Y.: Cornell University Press, 1993. – 269 p.
215. *Implementation of Academic and Scientific Writing // Application Form TEMPUS IV. – 5th Call for proposals Joint Projects / Structural Measures, 2012. – 283 p.*
216. Irigaray, L. *The Sex Which is Not One* / L. Irigaray. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 223 p.
217. Irigaray, L. *When Our Lips Speak Together* / L. Irigaray // *Women's Voices*. – N.Y. – 1990. – P. 496–504.

218. Jakobson, R. Linguistics and poetics / R. Jakobson // Style in language. – N.Y.; L., 1960. – P. 350–395.
219. Kelly, J. A. History of Russian Women's Writing 1820–1992 / J. A. Kelly. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 512 p.
220. Kenizé, M. De la part de la princesse morte / M. Kenizé. – P.: Robert Laffont, 1997. – 394 p.
221. Kristeva, J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art / J. Kristeva. – N.Y.: Columbia University Press, 1980. – 100 p.
222. Kristeva, J. La révolution du langage poétique: L'avant-garde à la fin du XIXe siècle: Lautréamont et Mallarmé / J. Kristeva. – P.: Seuil, 1974. – 645 p.
223. Kristeva, J. Revolution in Poetic Language / J. Kristeva. – N.Y.: Columbia University Press, 1984. – 271 p.
224. Kristeva, J. Stabat Mater / J. Kristeva // The Kristeva Reader; ed. T. Moi. – N.Y., 1986. – P. 160–168.
225. Kristeva, J. Tales of Love / J. Kristeva. – N.Y.: Columbia University Press, 1987 – 414 p.
226. Kristeva, J. The Ethics of Linguistics / J. Kristeva // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. – N.Y., 1980. – P. 1–22.
227. Kristeva, J. The Novel as Polylogue / J. Kristeva // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. – N.Y., 1980. – P. 159–209.
228. Kristeva, J. The System and the Speaking Subject / J. Kristeva // The Kristeva Reader; ed. T. Moi. – N.Y., 1986. – P. 24–33.
229. Lévy, M. Où es-tu? / M. Lévy. – P.: Pocket, 2013. – 336 p.
230. Longacre, R. The discourse strategy of an appeals letter / R. Longacre // Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fundraising text: ed. by W. C. Mann and S. A. Thompson. – Pragmatics & Beyond New Series 16. – Amsterdam: Benjamins, 1992. – P. 109–131.
231. Longman Business English dictionary. – New ed. – Harlow: Longman, 2007. – 594 p.
232. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pearson, 2005. – 1620 p.
233. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – Vol. 2. – 539 p.
234. Malinowski, B. The problem of meaning in primitive languages / B. Malinowski // The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. – 2nd edn, rev. – N.Y.; L., 1927. – P. 296–336.

235. Miller, N. Subject to change. Reading feminist writing / N. Miller. – N.Y.: Columbia University Press, 1988. – 285 p.
236. Moers, E. Literary Women / E. Moers. – L.: The Women's Press, 1978. – 336 p.
237. Moi, T. Sexual-textual Politics: Feminist Literary Theory / T. Moi. – L.: N.Y.: Routledge, 1985. – 78 p.
238. Nardi, Bonnie A. Blogging as Social Activity, or, Would You Let 900 Million People Read Your Diary? [Электронный ресурс] / Bonnie A. Nardi, Diane J. Schiano, Michelle Gumbrecht. – P. 222–231. – Режим доступа: https://artifex.org/~bonnie/pdf/Nardi_blog_social_activity.pdf. – Дата доступа: 16.11.2018.
239. Nothombe, A. Barbe bleue / A. Nothombe. – P.: Albin Michel, 2012. – 155 p.
240. Nowson, S. The language of weblogs: a study of genre and individual differences. PhD Thesis (Unpublished manuscript) [Text] / S. Nowson. – University of Edinburgh, 2006. – 279 p.
241. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. – 2nd edition. London: Longman, 1990. – 233 p.
242. Palmer, F. R. Mood and Modality / F. R. Palmer, 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.
243. Palmer, F. R. The English verb / F. R. Palmer. – 2nd edition. – London: Longman, 1987 – 268 p.
244. Promoting Sustainable Excellence in Testing and Assessment of English // Application Form TEMPUS IV. – 4th Call for proposals Joint Projects / Structural Measures, 2011. – 186 p.
245. Random House Webster's College Dictionary; ed. Robert B. Costello and others. – New York: Random House, 1991. – 1568 p.
246. Rich, A. When We Dead Awaken / A. Rich // Rich, A. On Lies, Secrets, and Silence: Selected Prose 1966–1978 / A. Rich. – N.Y.: L., 1979. – P. 24–50.
247. Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel. – P.: Presses universitaires de France, 2004. – 675 p.
248. Schiffrin, D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 231 p.
249. Showalter, E. Feminist Criticism in the Wilderness / E. Showalter // Writing and Sexual Difference; ed. E.-L. Abel. – Chicago, 1982. – P. 2–36.
250. Showalter, E. Towards Feminist Poetics / E. Showalter // Women Writing and Writing About Women; ed. M. Jacobus. – Groom Helm, 1979. – P. 22–41.

251. Showalter, E. *A Literature of Their Own. The British Women Novelists from Bronte to Lessing* / E. Showalter. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977. – 392 p.
252. Spradley, J. *The Ethnographic Interview* / J. Spradley. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1979. – 247 p.
253. Stembroke, St. What is discourse analysis? / St. Stembroke // Data Bank [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: <http://www.bank.rug.fc.be/da/da.htm>, 2001. – Date of access: 24.02.2005.
254. Stubbs, M. *Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language* / M. Stubbs. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 272 p.
255. Swales, John. *Genre analysis: English in academic and research settings* / John Swales. – Cambridge University Press, 1990. – 259 p.
256. Talbot, M. *Media discourse: representation and interaction* / M. Talbot. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007. – 198 p.
257. Thompson, J. *The media and modernity: a social theory of the media* / J. Thompson. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1995. – 314 p.
258. Tomassone, R. *Pour enseigner la grammaire* / R. Tomassone. – P.: Delagrave, 2006. – 317 p.
259. Vion, R. *La communication verbale. Analyse des interactions* / R. Vion. – P.: Hachette Supérieur, 2002. – 302 p.
260. Weigel, S. *Die Stimme der Medusa. Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen* / S. Weigel. – Dulmen-Hiddingsel: Tende, 1987. – 363 S.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

АГЛ – Послание президента А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию, 24.04.2018. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/. – Дата доступа: 09.09.2018.

БАВ – Бондарко, А. В. Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании/ А. В. Бондарко, С. А. Шубик (отв. ред.). – Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 346 с.

БАТ – Блог Алёны Трацэнка «Пра мову» [Электронный ресурс] / Нац. дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://pramovy.blogspot.com/>. – Дата доступа: 15.06.2018.

БКС – Блог Крысціны Смольскай «Пра прыгожае» [Электронный ресурс] / Нац. дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэсп. Беларусь, тэлеканал Беларусь 3. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://ksmolskay.blogspot.com.by/>. – Дата доступа: 15.06.2018.

ВВП – Послание Президента В. В. Путина Федеральному Собранию, 1 марта 2018 года. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>. – Дата доступа: 09.09.2018.

ИПРБ – Эксклюзивное интервью президента Беларуси Александра Лукашенко телеканалу «Мир», 07.04.2017. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/15936251/eksklyuzivnoe-intervyu-prezidenta-belarusi-aleksandra-lukashenko>. – Дата доступа: 09.09.2018.

КПРФ – Предвыборная платформа Коммунистической Партии Российской Федерации. – Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/180980>. – Дата доступа: 09.09.2018.

КРБ – Конституция Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 09.10.2018.

НД-1 – Стенограмма дискуссии в рамках «круглого стола» на Всероссийской научно-практической конференции «Экстремизм, его причины и проблемы борьбы с ним» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimas.ru/?p=1580>. – Дата доступа: 15.10.2018.

НД-10 – Стенограмма лекции С. Бурлак «О неизбежности происхождения языка» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lector/burlak/>. – Дата доступа: 11.09.2018.

НД-11 – Стенограмма лекции С. Неклюдова «Гуманитарное знание и народная традиция» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2008/01/17/folklor/>. – Дата доступа: 12.09.2018.

НД-12 – Будущее России: колея или перевал? – обсуждение доклада профессора Н. озова. Новосибирск, 2004. Стенограмма дискуссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://experts.megansk.ru/full_news.html?id_news=150. – Дата доступа: 05.09.2018.

НД-13 – Стенограмма российско-французской публичной дискуссии «Женщина в меняющемся мире» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2012/03/29/woman/>. – Дата доступа: 15.09.2018.

НД-14 – Стенограмма лекции А. Зорина «История эмоций» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2004/06/18/zorin/>. – Дата доступа: 12.09.2018.

НД-15 – Стенограмма дискуссии

НД-16 – Стенограмма лекции Д. Александрова «Ученые без науки. Институциональный анализ сферы» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/03/06/aleksandrov/>. – Дата доступа: 11.09.2018.

НД-17 – Стенограмма дискуссии на стенде проекта «Словари XXI века» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovari21.ru/analytics/stenogramma_diskussii_sostoyavsheysya_na_stende_proekta_slovari_xxi_veka_na_mmkvya. – Дата доступа: 05.09.2018.

НД-18 – Стенограмма лекции Е. Головки «Как рождаются языки» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2012/01/30/golovko/>. – Дата доступа: 11.09.2018.

НД-19 – Стенограмма лекции С. Боринской «Молекулярно-генетическая эволюция человека» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2008/05/23/geny/>. – Дата доступа: 12.09.2018.

НД-2 – Стенограмма лекции Ф. Богомолова «Новые перспективы науки» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/11/10/bogomolov/>. – Дата доступа: 05.09.2018.

НД-20 – Стенограмма лекции И. Смирнова «Китайская поэтическая классика в русских переводах: школы, традиции, имена» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2016/08/13/smirnov_lecture/. – Дата доступа: 05.09.2018.

НД-3 – Стенограмма лекции В. Вахштайна «Конец социологизма: перспективы социологии науки» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2009/08/06/videon_vahshtain/. – Дата доступа: 10.06.2017.

НД-4 – Стенограмма лекции Вяч. Вс. Иванова «Задачи и перспективы наук о человеке» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2007/09/17/ivanov/>. – Дата доступа: 07.07.2015.

НД-5 – Стенограмма лекции А. Зализняка «Что такое любительская лингвистика» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/01/zalizniak/>. – Дата доступа: 12.09.2018.

НД-6 – Стенограмма лекции С. Шноля «История российской науки. На пороге краха» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/11/02/shnol/>. – Дата доступа: 11.09.2018.

НД-7 – Стенограмма лекции Б. Дубина «Культуры современной России» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2008/01/31/culture/>. – Дата доступа: 15.09.2018.

НД-8 – Стенограмма лекции Ф. Успенского «Имя и власть в Древней Руси» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2012/12/14/uspensky/>. – Дата доступа: 15.09.2018.

НД-9 – Стенограмма лекции А. Левинсона «Биография и социология» и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2004/06/10/levinson/>. – Дата доступа: 15.09.2018.

ПДРП – Программа движения «Развитие предпринимательства». – Режим доступа: http://www.aif.ru/money/mymoney/umnyy_dom_dlya_legkoy_zhizni_kak_i_gde_vybrat_nachinku_dlya_takogo_zhilya. – Дата доступа: 09.09.2018.

ПС – Предвыборные слоганы, девизы, лозунги. – Режим доступа: <https://manzal.livejournal.com/77849.html>. – Дата доступа: 09.09.2018.

РУД – Реклама «Умный дом». – Режим доступа: <http://drprf.ru/programma-dvizheniya/> – Дата доступа: 09.09.2018.

QAA – Questions and Answers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abc.net.au/tv/qanda/past-programs-by-date.htm>. – Дата доступа: 10.10.2018.

НАШИ АВТОРЫ

Басовец Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории и грамматики английского языка учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» (раздел 6);

Буренина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (раздел 9);

Войтишенюк Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков учреждения образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого» (раздел 8);

Задворная Елена Геннадиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» (раздел 3);

Кирюшкина Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» (раздел 2);

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Московского государственного областного университета (раздел 7);

Сажина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» (раздел 1);

Сафонкина Ольга Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (раздел 10);

Солдатова Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, начальник управления международных связей ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (раздел 9);

Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» (раздел 5);

Чалова Оксана Николаева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» (введение, раздел 4, заключение).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Научное издание

**ГРАНИЦЫ ЖАНРА:
ТЕКСТ И ДИСКУРС**

Под общей редакцией Е. В. Сажиной

Подписано в печать 02.05.2019. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 11,16.
Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 20 экз. Заказ 297.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ